Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Век Дьявола. Ницше и крушение рационализма

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Век Дьявола. Ницше и крушение рационализма

2025

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Век Дьявола. Ницше и крушение рационализма / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2025. — 270 с.
[б. н.]

УДК 1
ББК 87

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Слава Фуйла всех превзойдет
Слава Фуйла Небесное Царство побьёт!
Слава Христа ушла и убита
На прахе его Слава Фуйла воздвигнута!

Водит Фуйло Патриот
С Партнёрами западными хоровод
Убьём учёных, убьём Науку
Поёт их Хоровод!
Негодяй плюс негодяй будет задрот
Задрот плюс задрот будет Хоровод!
Водит Фуйло Патриот с партнёрами западными
хоровод!
Славься Фуйла Хоровод!

Партнёры водят хоровод звонко
Милые ссорятся, тешатся только
Кровь на Украине
Кровь в Сирии
Кровь в Израиле
Кровь во всем мире льётся вновь и вновь
Дешёвая всегда у людоедов кровь

Нас Христос учил
Воевать со злом
Духовным мечом
Правду защищать
Ложь диавола разоблачать
Тело потерять
Богу душу дать
Сокровища на небе собирать

Не за Правду льётся Хоровода кровь
За Эго развратников, за Славу Фуйлов
Совесть забыта, нет Добра и Зла
Наука и Правда уничтожена
Прыгает на крови обезьяна Дарвина
Фуйлы воюют как всегда за власть
Кто победит тот и будет прав
Невинная кровь льётся ими всласть
Будь проклята слава Фуйлов!
Мы ещё раз встанем за Крест Христов!

Славься Отечество Фуйла Свободное
От Государства и Закона!
Секретная Армия вора в законе
Убивает людей напрямик!
Суды и прокуроры Фуйлу не нужны!
Слава Фуйло все превзойдет!
Государство и Закон навеки изведет!

Фуйло нарумянился
Брови начернил
Кому моргает Фуйло?
Войскам падших девчин.
Может они мужи а может быть и нет
Давно никто не знает
Кто их родил на свет

Фуйло- Генерал
Проститутской Армии
Президентом стал
С развратными гарпиями
Юрия Скуратова на стол им положил
Президента Ельцина этим ублажил

Проститутской Армии жены и мужи
На невинных жертвах пробуют ножи

Совесть распродали
Разум за гроши
Фуйло ублажали
Победили вши!

Победили вши
Великие умы!
Писателей России
Высмеяли вши!
Интеллигенцию России
Убили палачи!

Победа России Фуйло не твоя
9 мая — Великая страна!
Твоя победа черта грязного во вшах
Царства проституток
Над Царством в Небесах!

Кто гремит на Площади, на Красной, на родной?
Проститутской Армии грязь идёт домой
Шаг чеканит чётко,
выше ногу, марш!
Фуйло машет робко
Победный это марш!

Фуйло стал Антихристом
Не верит сам себе
Победа над Христом!
Победа на земле!

Недаром Ванга Славила Фуйло на века
Такой славы не видели у человека!
Проститутской Армии непобедимей нет
У Господа Бога отобран Белый Свет!

Юрия Дмитриева педофилом об'яви
А Фуйло посадит педафилов на чины!
Робко машет Фуйло, президиум в Кремле
Проститутской Армии быть теперь везде!

Лучше проституток чем в России нет!
Горит в глазах у Фуйла патриота свет!
Только непонятно глаза его горят
Или гнойной массой дьяволы темнят

С Победой поздравляю, товарищи я вас!
Парадным маршем награждаю, выше ногу, марш!
Равнение на Кремль, здесь теперь Христос
Антихристом зовите, Победа наша вот!
Слава Фуйла все превзойдет
Слава Фуйла пребудет в веках
Все разойдется, все отойдёт
Слава Фуйла умножится в веках

Ура, товарищи!
Победный марш!
Ура, товарищи!
Антихрист наш!

ГЛАВА 1. ФРАНКИНШТЕЙН СПЕЦСЛУЖБ ИЗ ПРОБИРКИ 19 ВЕКА

1. Трудно быть Богом

2.Победа Эстетического над Этическим. Гибрис-Эго античности.

3. Мораль Господ и Сатан-Эго и современные спецслужбы.

1. ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

> «Раз над вселенной нет высшей воли и следовательно высшего идеала и критерия, то в ней нет греха: все существующее безгрешно и невинно. Зло перестанет вызывать в нас отвращение — оно уже не будет нуждаться в оправдании. Жестокость природы, дикие проявления животной страсти в ней и в человеке уже не будут для нас предметом ужаса»,

— так резюмирует Е. Трубецкой философию морали господ Ницше, изложенную в его книге «Воля к власти».

Действительно, два периода творчества Ницше, которые выделяет Трубецкой в книге «Философия Ницше», — период Метафизики и период Позитивизма, — являются хорошей демонстрацией того факта, что никакое понятие этики вне метафизики невозможно. В период Метафизики, в своей книге «Шопенгауэр как воспитатель», Ницше достигает высот в постижении истины тех гениев-мыслителей, которых он видит «солью земли» и «целью культуры» человечества. В период Позитивизма, когда он упирается в яростной враждебности против метафизики, Ницше уже не только несет проповедь имморализма, его философия как философия приходит к концу и его сентенции превращаются в пошлость.

Не только Ницше становится банальным дураком, когда пробует себя на место бога, — такова участь всей «философии» 19 века, разрушившей философию рационализма. Ницше пробует себя богом в «Заратустре», когда объявляет об эпохе «Переоценки ценностей», которая есть отрицание всего пути становления интеллекта и науки, и требование возврата к магической мифологии до-сознательного, иррационального периода истории (к дионисизму). Здесь Ницше разворачивается не на шутку, выступает против «Теоретического Человека Сократа», против Римского естественного права и всей истории христианства и рационализма, и перечеркнув таким образом, историю становления Разума Человека, объявляет о «Новых Скрижалях для Новых Ценностей.

Это ли не всерьез заданная попытка на позицию Бога? И каждый раз, когда люди пытаются быть богом вместо него, то есть придумывать свои собственные законы вместо того чтобы открывать их в природе, они понимают, что «Трудно быть Богом». Ибо они теряют критерии для Добра и Зла, как потерял их Ницше, утверждая, что сумел встать «По ту сторону Добра и Зла».

Стругацкие, «Трудно быть Богом»:

> «Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это посвоему. Для нас, ученых, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество — благо, а все зло от знания. Для землепашца зло — налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи — добро. Для рабов зло — это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника — алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата?»

Вместе с уничтожением метафизики интеллекта 19 век потерял понятие о Добре и Зле.

О кризисе цивилизации в результате разрушенной метафизики интеллекта (рационалистической философии Сократа, Платона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Ньютона, Эйнштейна) писали такие авторы как Ф. Шеллинг, Э. Ренан («Будущее науки»), Д. Мережковский («Грядущий Хам»), А. Швейцер («Упадок и Возрож-

дение культуры»), Ж. Бенда («Предательство интеллектуалов»), А. Камю («Бунтующий человек»), А. Тойнби («Постижение истории»), Е. Трубецкой («Философия Ницше»), А. Рэнд, К. Ясперс, А. Финкелькраут («Поражение разума») Дж. Оруэлл и др.

Е. Трубецкой, «Философия Ницше»:

> «Между тем, окончательные выводы его философии граничат с пошлостью!
> Чем объясняется это колоссальное несоответствие между затраченными силами и достигнутым результатом? Самая необычайность дарований Ницше доказывает, что его неудача обусловливается главным образом причинами, не от него зависящими.
> В этой неудаче сказывается общее ослабление и утомление
> мысли, которое составляет характеристическую черту всей нашей эпохи.
> В той умственной атмосфере, которою мы дышим, есть что то, что подрезает крылья философии. В дни высшего процветания философии ее одушевляла вера в разум, вера в мысль, лежащую в основе существующего. В эпоху расцвета древней философии Сократ определял сущее как *понятие,* Платон видел в нем *идею,* Аристотель верит в *форму всех форм,* всеобъемлющий мировой разум. В дни классической немецкой философии Кант учил, что *рассудок есть законодатель природы,* что
> весь мир явлений обусловлен формами мысли; Фихте понимал вселенную как *откровение абсолютного «я»;* Шеллинг и Гегель пытались понять мировой процесс как *процесс развития «абсолютного духа»*.
> Для величайших мыслителей древности и нового времени верить в мысль значило признавать в ней не только наше субъективное состояние, а *объективное определение сущего.* Мы уже видели, что в этом состоит предположение не только всякой философии, но и всякого вообще познания, более того, —
> всякого акта нашего сознания. Если бы бытие было безусловно чуждо мысли, оно не только было бы абсолютно непознаваемо, оно не могло бы и являться нам, ибо все то, что нам является, тем самым становится мыслью, *являет себя как мысль.* Если бы мысль была только нашим субъективным состоянием, если бы она не выражала собою объективную действительность сущего, она была бы по тому самому призраком без реального содержания: мы не могли бы познавать ни сущего, ни явлений.

В конце концов, познание покоится на том предположении, что мысль есть универсальная, всеобъемлющая форма существующего.

...Великого может достигнуть только та философия, которая верит в свои предположения, в те необходимые постулаты, которые обусловливают всякое вообще сознание. Отрекаясь от того, чем живая всякая мысль, чем дышит разум, философия отрекается от самой себя, осуждает себя на неизбежное вырождение.
Это и есть то самое, что наблюдается в главнейших течениях философской мысли второй половины XIX столетия. При всей своей разнородности учения, наиболее популярные в эту эпоху, — пессимизм, материализм и позитивизм, — сближаются между собою в общем неверии в мысль, в общей реакции против идеализма, господствовавшего раньше. В основе пессимизма Шопенгауэра лежит непримиримый дуализм мира как воли и мира как представления. Весь мир представлений есть ложь,
иллюзия; сущее безусловно чуждо мысли, оно в корне бессмысленно, неразумно и бесцельно. С точки зрения материализма, точно так же все существующее есть проявление бессмысленной, неразумной силы; самая мысль — не более как частное проявление слепой стихии, *функция мозга*. Точно так же учение
позитивистов и агностиков различных оттенков *о непознаваемости сущего* значит в конце концов, что *сущее безусловно чуждо мысли*.
В дальнейшей стадии своего развития эта точка зрения
должна перейти в совершенный иллюзионизм. Кто отвергает познаваемость сущего, тот, оставаясь последовательным, должен отвергнуть в конце концов и *познаваемость явлений* сущего. К этому результату, как мы видели, действительно пришел Ницше, который отверг самое понятие явления.
Утратив веру в разум, философия должна была отчаяться и
в человеке; ибо, если разум, то, что составляет отличие человека от животного, есть ложь, то нет уже ничего, что оправдывало бы веру в человеческое достоинство. Софистическое учение
Ницше представляет собою завершение упадка новейшей философской мысли и, надо надеяться, крайний его предел. Но это учение, как и многие другие, дает только теоретическую
форму тому, что переживает целое общество, его умственным стремлениям, чаяниям и надеждам. В упадке философии отразился общий упадок современного человечества»

Между тем, метафизика интеллекта или иначе рационалистическая философия дает очень ясные и недвусмысленные по-

нятия Добра и Зла, которые видны только тем, кто не пытается занять место бога подобно позитивистам и материалистам 19 века. Если мы четко видим, что Интеллект есть первооснова мироздания, что Законы природы — это не какие-то там регулярности и последовательности вещей, которые сегодня есть, а завтра их нет, а Божий Интеллект, начертавший в идеальных формулах направление движение материи, то мы никогда не станем претендовать на роль бога в созидании ценностей. Мы будем видеть своей задачей только постижение этой божественной высшей математики законов природы, и контроль этих законов природы.

И тогда никакой трудности в том, чтобы различить понятия Добра и Зла и дать четкие определения Добра и Зла, у нас больше не будет. Если первооснова всего сущего есть Интеллект, выраженный в Законах Природы, и если Разум Человека способен Познавать и Контролировать эти Законы природы, значит Разум Человека обладает Ключом к Пространству Интеллекта, исписанному идеальными формулами законов природы. Значит, Человек помимо Пассивного Интеллекта, который есть Законы природы, обладает еще и Активным Интеллектом, который есть Научное Мышление. Только Человек обладает Активным Интеллектом, только Человек имеет Ключ к Пассивному интеллекту идеальных формул в основе вселенной (научному знанию). И соответственно, этот Ключ в Пространство Интеллекта Творца сосредотачивает в руках Человека громадную силу — силу, которую может дать только сам Творец: это доступ к силе всех других природных энергий, через познание законов этих энергий и научный контроль на основе полученного знания.

Как же можно равнять Психическую Энергию человека, основанную на Разуме, на научном контроле со всеми другими обычными энергиями природы, у которых есть только Пассивный интеллект, только законы природы, которые ими движут, но нет Активного Интеллекта, нет Ключа к постижению этих законов, нет доступа к силе космоса через контроль законов природы?! А ведь дарвинисты и вместе с ними Ницше на том

и строят свое отрицание Добра и Зла, что ставят знак равенства между биологической энергией животного «царства» (по выражению Дарвина) и человеческого «царства». Дарвин в «Происхождении человека» утверждает, что между животным и человеком есть количественные различия, но нет качественных различий. Это было бы правдой, если бы животные делали маленькие научные открытия, а люди — большие научные открытия. Но постольку поскольку животные не имеют даже речи (это функция мышления), и не делают научных открытий, мы должны признать качественные различия между миром зверей и миром людей. А если так, то все строение ницшевской аргументации о том, что он преодолел Этику (мораль Добра и Зла) рушится в одночасье. Уже больше невозможно сводить различия между людьми к простому количественному различию в «силе», как делает Ницше. Теперь становится ясно, что существует не просто качественные различия между энергией человека и всеми прочими энергиями природы (включая и биологическую энергию и детерминированную энергию психики), но целая Пропасть Метафизического разделяет эти два мира: Контрольную энергию Активного Интеллекта Человека и все остальные детерминированные энергии природы.

Если животный мир есть только биологическая энергия (биохомия), то Человек включает Душу и Тело, то есть психическую энергию и биологическую энергию. Более того, психическая энергия человека также имеет две составляющие:

1. контрольную энергию научного мышления (то есть, духовную или божественную энергию пространства интеллекта);

2. детерминированную энергию психики — заурядную материальную энергию, как все остальные энергии природы.

Ницше, желая быть «неморальным» или «имморалистом» (он подчеркивает это), говорит, что «испорченность» человека есть просто ситуация, когда человек делает то, что ему вредно, и что эта испорченность разрушает силы человека, уничтожая его. Однако, мы можем видеть, что если правильно понимать что есть человек, то понятие морали нисколько не расходиться ни

со здоровьем человека, ни с его могуществом. Что хорошо? Спрашивает Ницше. И отвечает: все что ведет к Могуществу человека. Мы могли бы поставить вопрос точно также и получили бы тот же ответ. Только понятие «Могущество» совершенно разное у дарвинистов и у метафизиков интеллекта.

Могущество дарвинистов — это могущество несчастных лесных хищников, которых сам Ницше искренне жалеет в «Шопенгауэре как воспитателе», в свой здравый период творчества.

Могущество метафизиков интеллекта — это сила космоса, которую сосредотачивает в руках человека Активный интеллект, контрольная энергия разума, научный контроль.

Мы видели, что Человек включает в себя помимо контрольной энергии разума еще две энергии: биологическую и детерминированную энергию психики. Следовательно, Что Хорошо для человека? Или иначе, Что морально? Естественно, ответ будет только один: Морально всегда соблюдать подчинение двух обычных (материальных, детерминированных) энергий — главной энергии человека, его контрольной энергии разума. И об этом все этические религии осевого времени, и об этом Сократ и Платон говорят как о трех конях человека, которые должно подчинить разуму.

Вот какую ясную и неоспоримую формулу получают понятия Добра и Зла, если не делать роковой ошибки Ницше: не пытаться быть ученым вне метафизики интеллекта.

Что есть Хорошо? Что морально? Что есть добродетель? Что есть могущество? Это контрольная энергия разума человека, которую человек обязан чтить превыше всего: превыше биологической жизни, превыше социальной карьеры, превыше подчинения любым авторитетам.

Что есть Плохо? Что неморально? Что есть порок? Что есть слабость? Это все ситуации, когда обычные детерминированные энергии подчиняют себе источник божественного в человеке — его контрольную энергию разума!

Почему этические религии и философия Сократа и Платона связывают Контрольную энергию разума с состраданием и со-

вестью? Потому что контрольная энергия разума человека есть Одно и в философском смысле, и в физическом смысле — это единое силовое поле. И это единство всей контрольной энергии человечества ощущается эмоционально как сочувствие и совесть, как потребность справедливости.

Поэтому вся философия Ницше с того места, где он рвет с метафизикой, и обращается к дарвинизму превращается в абсурд: Могущество разумной энергии человечества в единстве человечества, и все великое, все что в человеке больше обычной борьбы за выживание — его отвага, его щедрость, благородство, великодушие, страсть к красоте и свободе, верность дружбе, смерть друг за друга, счастье восхищения друг другом, счастье совместного труда — есть проявления великого «избытка» контрольной энергии разума, дающей ключ к силе всего космоса человеку, и только человеку. Понятно, что мораль не пустой звук, но законы природы в основе этой самой разумной энергии человечества: сострадание, справедливость совесть — проявления единого силового поля всей контрольной энергии человечества, а прогресс в освоении мира, в разрушении левиафанов на пути к естественному праву свободных государств, в искусстве и религии — есть проявление творческой и метафизической силы, доступа мышления в пространство интеллекта.

Именно понимание человечества как «единой воли сострадания», как проявление метафизической сущности человечества есть то здравое зерно в философии Шопенгауэра, которое сделало молодого Ницше в книге «Шопенгауэр как воспитатель» провидцем будущего развития социальной науки. Однако, нет метафизики без интеллекта, и здравое зерно Шопенгауэра затерялось в его иррационализме и субъективизме, а Ницше потерял нить рассуждений и восстал впоследствии именно против здравого зерна в философии своего учителя.

2.ПОБЕДА ЭСТЕТИЧЕСКОГО НАД ЭТИЧЕСКИМ. ГИБРИС-ЭГО АНТИЧНОСТИ

Основная идея книги Толстого «Об Искусстве» состоит в том, что искусство есть порождение божественного в человеке, и что человек испорченный и порочный не может создать ничего прекрасного, ничего разумного, ничего славного. Так и Кьеркегор говорит о «поэте религиозной ориентации»: «Если уж держаться категорий эстетики, здесь заключен наивысший образ поэтической жизни». Эта другая эстетика, «Лишенная идеи Бога», которую он противопоставляет этике в «Или-Или». Действительно, восприятие прекрасного также есть свойство божьего дара человечеству — его разумной энергии. Пока люди живут в здоровом сообществе, они вольны наслаждаться и плодами своего труда, и плодами науки и подами искусства, которое украшает жизнь. Однако, если науку и искусство ставят на службу пороку, то есть на службу материальной, мертвой энергии психики, то они превращаются в уродливое орудие смерти, как например рассказано в «1984» Оруэлла.

Кьеркегор, большой поклонник Сократа, в книге «Болезнь к смерти» пишет, что когда человек перестает поклоняться богу в своей душе (как разуму и совести), и начинает поклоняться красоте самой по себе, — то он «демонически упирается против бога», что постепенно ведет его к саморазрушению. Ибо, говорит Кьеркегор, эта установка «поэта» есть кривое зеркало, которое завлекает этого поэта далеко от реальности, где он и погибает среди своих миражей. Действительно, красота само по себе, форма без содержания, смысла никакого не имеет, — тут правы и Толстой и Кьеркегор. Эту же мысль развивает Камю в «Бунтующем человеке», где он называет эстетов, противополагающих себя этике — движением «дендизма», и характеризует его как «позерство», где эффект достигается за счет противопоставления себя Богу. Красота лермонтовского «Демона» сродни красоте античных богов Олимпа, откуда и ведут свое происхождение «эстеты» противополагающие себя этиче-

скому. Осознанное противоположение эстетики и этики начинается с книги Ницше «Рождение Трагедии», хотя уже в «Фаусте» Гете эта книга вся целиком содержится в зародыше. Интересно, что в свой здравый период творчества, в книге «Шопенгауэр как воспитатель» Ницше дает критическую оценку «Человеку Гете», и напротив, позже, когда он порывает с метафизикой и становится дарвинистом, он старается опереться на Гете в своей критике христианства.

Ф. Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Уже в предисловии, обращенном к Рихарду Вагнеру, *метафизической* деятельностью человека по существу выставляется искусство, а *не* мораль; в самой книге неоднократно повторяется язвительное положение, что существование мира может быть *оправдано* лишь как эстетический феномен. Действительно, вся книга признает только художественный смысл, явный или скрытый, за всеми процессами бытия — „Бога“, если вам угодно, но, конечно, только совершенно беззаботного и неморального Бога-художника, который как в созидании, так и в разрушении, в добром, как и в злом, одинаково стремится ощутить свою радость и свое самовластие»

Красота, оторванная от содержания, форма ради формы, красота сама по себе, — это абсурд. Однако, если борьба эстетического и этического имеет место, то и этот абсурд имеет какую то почву под собой. Мы легко поймем в чем дело, если сравним феномен «красоты самой по себе» с феноменом «денег самих по себе», или «власти самой по себе». Есть люди, и сейчас даже большинство, которые все измеряют количественно, словно им вообще незнакома категория качества. Для них нет плохого и хорошего, злого и доброго, есть только сколько стоит и на какой ступени социальной лестницы находится. Интеллигентные люди называют такое мышление «пошлостью» и презирают его. Однако, феномен «количественного сознания», которое все мерит в категориях «больше денег», «больше власти» и «Больше насилия» в конечном итоге не становится пока меньше. И этому есть понятное объяснение: так работает силовое поле Эгосистемы материальной энергии психики. Это кривое зеркало, которое отображает мир в виде количественного противостояния сил

(физический контроль закона сохранения силы). Это зеркало заставляло дикарей видеть мир как единую количественную силу Тотема, противостоящую им, которую они умиротворяли «магическими» ритуалами. Это же кривое зеркало заставляет людей видеть социальный мир как единую количественную силу денег или власти, которую они стараются умиротворить «магическими ритуалами» поклонения авторитетам и тп. Соответственно с этим, и «красота сама по себе», как форма без содержания есть не более чем порождение кривого зеркала материальной энергии психики.

Кьеркегор в этой связи противопоставляет в «Болезни к смерти» истинных поэтов (поэты религиозной ориентации, у которых есть идея Бога) и «безумие» поэтов «демонической идеализации», которые «сатанически упираются против Бога».

Кьеркегор, «Болезнь к смерти»:

> «Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость. Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Это то, что можно назвать кривым зеркалом. ...Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать... Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь, оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги, — таково же возможное желание.
> ...Такого рода отчаяние не встречается повсеместно, герои подобного тирад, но сути, бывают лишь среди поэтов, даже среди самых великих из них, которые всегда сообщают своим творениям такую «демоническую» идеальность в том смысле, как ее понимали древние греки. Однако это отчаяние встречается в их жизни....Однако то, с чем мы имеем дело теперь, отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. .... И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться про-

> тив нее... И это понятно, поистине злое противоречие всегда, изогнувшись, упирается против того, что его поддерживает!»

Действительно, что есть «Трагедия Диониса» в понимании Ницше (то есть мифология древних эллинов у Гомера, в том числе в трудах Софокла, Эсхила, Еврипида), которой так восхищался Ницше, как не «позерство» героев древних мифов в их противостоянии или сравнении себя с богами Олимпа? В чем смысл этой борьбы, лишенной морали, если не в количественном противоборстве силы и красоты? И в чем вечная трагедия этого противоборства, как не в том, что герои, сознательно воюющие с богами, обязательно погибают? Кто не слыхал грома славы «Илиады» Гомера, докатившейся до наших дней? Но о чем внешняя суть поэмы? О том что лучшие люди и целые народы погибли в многолетней войне из-за красоты одной девицы, и никто не подумал осудить вместо этого виновников преступления. А если брать скрытый смысл поэмы, то есть междоусобную войну, которая в конечном итоге уничтожила Элладу, так это опять подтверждает нежизнеспособность «эстетического» в отрыве от этического, или иначе, нежизнеспособность «Трагического сознания» по Ницше.

Шеллинг, например в книге «Ночные бдения» когда смеется над «воскресшими богами Олимпа» в образе дошедших до нас поврежденных статуй, то он смеется конечно не над великим подвигом греков в истинной эстетике — высоты которых они достигли в пластическом искусстве остались непревзойденными. Он смеется не над самими статуями, а над мифологией язычества, поклонение которой стоило его другу Гельдерлину психического здоровья. Он смеется над пошлостью «красоты самой по себе» мифологии Олимпа, которую с таким блеском высмеял в свое время Лукиан. И только Ницше упорно видит в этой борьбе героев с богами и титанами «Трагическое сознание» эстетики, которое обязательно уничтожит добродетельного человека Сократа.

Толстой, Шеллинг, Кьеркегор, Камю сказали свое слово на стороне этического фронта в понимании истинного искусства.

В то же время Гете, Ницше, Сартр, Лермонтов, поэты движения «дендизма» встали на противоположную сторону в защите «романтизма трагического сознания» против добродетели теоретического человека Сократа.

Действительно, если есть «черт» в «Фаусте» Гете, то это конечно не Мефистофель — вежливый и покорный слуга Фауста, которого тот так бесстыдно надул, не взглянув и на подпись с кровью. Этот черт — сам доктор Фаустус, которого гнетет такая глубокая ненависть ко всему, что связано с образами монастырской отрешенности от жизни и монастырской же учености, что он прославляет все пороки дьявола, и спешит погубить невинные души, чтобы стать «государем» Макиавелли, и самым пошлым Парисом Елены в этом государстве. При этом столько словесной пены растрачено на воспевании красы той, кого воспевали уже девять тысяч лет со времен Гомера, что сложно поверить в невиданный успех этого произведения. Конечно, оно как все труды гениев содержит много очень глубоких, красивых и важных мыслей, но это не отменяет того факта, что основная его мысль — уничтожение религии этической, в данном случае христианства для торжества религии языческой, как эстетического начала самого по себе. И здесь трудно не согласится с Белинским, что в этом смысле вторая часть «Фауста» выглядит просто бессмыслицей, или пошлостью, если хотите. И хоть Гете отрицает подобно Толстому церковь, он все же не отрицает еще прямо саму этику сострадания и совести, хотя весь ход его повести утверждает эстетическое над этическим. Мережковский говорит, что Гете осуществил синтез христианства и язычества, но придет Ницше и сделает следующий логический шаг за Гете, — построив на руинах этики свой алтарь Евангелию Зла.

В чем же различие между этическим духом и эстетическим духом в таком их противоборстве? Различие в том, что этическая литература будет считать своим долгом показать ложную эстетику как болезнь, как Гибрис-Эго античности, а очистить себя как от греха (Кьеркегор), или высмеять как пошлость (Шел-

линг). В то же время литература эстетического духа, как у Ницше и Гете, как литература дендизма, будет напротив щеголять своим презрением к морали, величать себя «имморалистами» и позировать в геракловских фигурах противоборства с Богом. Направление этики считает «Величие Эго» — пошлостью и грехом в смысле предательства разумной энергии истинного могущества, а направление эстетики полное романтизма считает «Величие Эго» — «Трагическим сознанием» героев и не видит истуканов на глиняных ногах. Ибо, где же взяться настоящему могуществу на силовом поле обычной материальной энергии?

Мережковский в своем знаменитом критическом обзоре русской литературы излагает ту мысль, что сравнительный анализ русской и западной литературы показывает, что «байронические» герои в русской литературе всегда в конечном итоге раскаиваются в своем эгоистическом пафосе, в то время как эти же герои имеют тенденцию побеждать или умирать убежденными в своей правоте в западной литературе. Мережковский видит в этом контрасте в судьбе «байронических» героев слабость русской литературы в ницшеанском смысле: русская литература на стороне слабых, подчеркивает он, она «смиряет» вместо того, чтобы культивировать образ сильных героев, бунтарей и победителей. За подобные оценки его не раз объявляли «ницшеанцем», что самому Мережковскому совсем не нравилось. Хотя Ницше несомненно оказал глубокое влияние на его творчество, Мережковский в конечном итоге не стал жертвой глубокой ошибки Ницше и остался метафизиком.

Книга Ницше «Рождение Трагедии» есть прямой антипод книги Кьеркегора: это гимн и дифирамб эстетическому в виде «трагедии Диониса», это объявление войны «добродетели» Сократа и всему этическому в лице «теоретического человека Сократа». Это одним словом, та тенденция победы «байронического героя» над этикой в западной литературе, о которой пишет Мережковский. При этом кавычки для «байронического» обозначают, что я только цитирую термин Мережковского и здесь не даю никаких оценок творчеству лорда Байрона (все очень

сложно в становлении мысли, и Байрон возможно не лучший пример победы эстетического над этическим). Лучшим термином для определения героев-эстетов, или романтиков, служил бы конечно Ницше, а не Байрон.

Действительно, античность оставила после себя понятие «Гибрис», которое и сейчас живет в английском языке как слово Hubris и переводится как «высокомерие», «спесь» и тп. Сами античные греки хорошо сознавали, что спесь людей, уподобляющих себя богам, не есть настоящая сила, но только болезнь, и боролись с ней как с болезнью «гибрис». Это их термин. Известно, что школа Сократа выступила против трагедий олимпийской мифологии как против болезни общества, и что сам Сократ поплатился за это жизнью, а Платон сжег свои первые поэтические опыты и твердо решил стать философом. Тогда победила Этика, разумный человек Сократа, который утверждал, что все пороки от невежества, и что разум и добродетель есть две стороны одной медали. Ницше определяет этот переворот и победу «Теоретического человека Сократа» как большую неудачу человечества в книге «Рождение трагедии», и там же пророчит, что «эстетическое», то есть «Трагедия Диониса» возьмет реванш, и называет место и время: в театре Рихарда Вагнера.

В самом деле, тот кризис мысли, о котором пишет Е. Трубецкой, как о кризисе рационалистической философии (и ряд др. крупных мыслителей выше перечисленных), привел в 19 веке к тому, что «этический фронт» проиграл «эстетическому фронту» в том числе. И не могло быть иначе, потому что крушение мысли привело к поражению контрольной энергии разума на всех фронтах. И вот, история была свидетельством, что сбылось пророчество Ницше о театре Вагнера, когда Третий Рейх сделал его культовым центром своего евангелия Зла.

Ницше с самого начала своей философии ставил себе задачу найти «соль земли» в том смысле, в котором эти слова говорит Христос своим ученикам — вы свет мира, вы соль земли. И в первый здравый период своего творчества он находит эту соль земли, когда пишет в «Шопенгауэре как воспитателе», что

цель истории «создание гениев», и что культура человечества есть прогресс в отделении звериного от человеческого, пошлого от философского в человеке, — одним словом, прогресс в становлении контрольной энергии разума сказали бы мы. Однако, во второй период дарвинизма, Ницше теряет эту «соль земли», потому что невозможно сказать, что есть величие и могущество человеческой энергии, если лишить человека метафизики интеллекта. «Сверхчеловек» Ницше теперь уже пошлый хищник», который поедает «ягнят» — то есть «добрых и глупых» людей.

Ницше обвинил христианство в культивировании немощи и слабости, как «морали рабов», а также в ненависти к жизни на земле. В то же время, он прославляет язычество за любовь к жизни и за «величие трагического сознания», как «морали господ». Однако, весь ход истории показал, как глубоко ошибался Ницше. Античность погибла под гнетом тяжелой болезни «Гибрис-Эго», то есть «величия трагического сознания» языческой мифологии, которая привела к ожесточенным гражданским войнам между Спартой и Афинами, и уже Илиада Гомера есть памятник этой неистребимой внутренней вражде, разъевшей античный мир подобно серной кислоте. И Ницше понимает сам, что Гибрис-Эго, или его трагическое сознание его Сверхчеловека — это хаоса всеобщей войны, и интерпретирует ее в русле дарвиновской борьбы за выживание в «По ту сторону добра и зла»:

> «Вариации, в форме ли отклонения (в нечто высшее, более тонкое, более редкое) или вырождения и чудовищности, вдруг появляются на сцене в великом множестве и в полном великолепии; индивид отваживается стоять особняком и возноситься над общим уровнем. На этих поворотных пунктах истории чередуются и часто сплетаются друг с другом — великолепное, многообразное, первобытно-мощное произрастание и стремление ввысь, что-то вроде *тропического* темпа в состоянии растительного царства, и чудовищная гибель и самоуничтожение благодаря свирепствующим друг против друга, как бы взрывающимся эгоизмам, которые борются за „солнце и свет“ и уже не знают никаких границ, никакого удержа, никакой пощады, к чему могла бы их обязывать прежняя мораль. Ведь сама эта мораль и способствовала столь чудо-

> вищному накоплению сил, ведь сама она и натянула столь угрожающе тетиву лука»

Романтизм Ницше и здесь делает красоту из смерти, однако болезнь античности «гибрис-эго» и война всех против всех есть только смерть и больше ничего. Трубецкой в этой связи замечает в «Философии Ницше», что Ницше, культивируя «волю к власти» и одновременно крайний индивидуализм, как всегда впадает в противоречие, потому что сила общества может произрастать только из его монолитности. В противоположность «трагическому сознанию» мифологии Гибрис, иудейские синагоги по свидетельству Э. Ренана, напротив, первые церкви истинной дружбы, которые получат свое развитие в христианской церкви.

Известно, что христианская церковь есть синтез греческой метафизики интеллекта, то есть теоретического человека Сократа и религии иудаизма, и что Христос не был господом богом, но был, по выражению Ренана, последним иудейским пророком. Церковь христианства не только не была гибелью культуры, как утверждает Ницше, напротив, она спасла все, что было ценного в человеческой цивилизации от распада, охватившего Римскую империю с победой там культуры «Гибрис-Эго». «Рим стал публичным домом», — пишет сам Ницше в Заратустре. Однако, много лучше описали ужасы моральной и политической деградации Рима писатели-моралисты и сатирики: Тацит, Плиний Младший, Марк Аврелий, Лукиан, Плутарх, Сенека, Ювенал, и др великие римские моралисты.

В этом распаде культуры Христианская церковь, воплотив себе метафизику интеллекта Сократа и церковь дружбы иудаизма, буквально спасла для всего последующего человечества все сокровища цивилизации, включая и Римское Естественное Право (Э. Ренан «Марк Аврелий», Е. Трубецкой «Философия св. Августина»).

Не потому христианская община отвернулась от мира, что не любила жизнь. А потому, что мораль христианства, то есть теория борьбы добра со злом, обязывает беречь как первую

и единственную святыню — дух божий, другими словами контрольную энергию разума, источник всего мощного и прекрасного, что есть у человека. И если мир на тот момент падал в конвульсиях агонии морального и политического разложения, то христианская церковь сделала единственный моральный выбор: она отвернулась от мира, от жизни, чтобы сохранить главное: огонь божьего духа, святыню разума, церковь дружбы. И сохранила! Кому сегодня цивилизация обязана всем что имеет? Христианской церкви, в монастырях которой шла интенсивная перепись античных рукописей. Кому сегодня обязаны правовые государства и теория прав человека? Христианской церкви, которая в лице папства сломила хребет императорской власти и установила верховенство естественного права!

Не прав Ницше также, когда бичует христианство за проповедь «любви к ближнему», как уравнение со всеми. Никогда Христос не говорил любить всех, ибо самая суть христианства есть его моральность, то есть борьба добра со злом, и этот духовный меч войны со злом пылает на каждой страницы евангелия. И перед казнью он обращается с молитвой не за всех, а «за своих. Ибо они не от мира сего, как и я не от мира сего». И Царство Небесное никогда не было для всех, но только для избранных: будете стучаться, но я скажу вам, отойдите делающие беззаконие, я не знаю вас». И в этом смысле единство контрольной энергии разума тоже не есть единство всех, а только тех, кто освободился от силового поля Эгосистемы или борется с ним. Конечно, потенциально все люди носители разумной энергии, ибо поле Эгосистемы есть только паразит на поле разумной (этической) энергии человека. Но люди у которых активно поле Эгосистемы не могут быть частью силового поля контрольной энергии. Именно здесь проходит водораздел борьбы добра со злом: борьба с полем Эгосистемы, которая исключает «любовь ко всем ближним». Об этом же пишет и Маслоу в исследовании самых здоровых людей, куда вошло много гениев (Эйнштейн, Линкольн, Спиноза, Чаплин, Брамс, Элеонора Рузвельт и др): они умеют дружить лучше других, но при этом крайне из-

бирательны в дружбе и дружат с такими же здоровыми (психически) людьми как они сами. В евангелии на этот счет есть слова Христа: «если твой брат согрешил против тебя, отведи его в сторону и скажи ему. Если он не покается, скажи при другом брате, если опять не покается, скажи в церкви. Если и тогда не покается пусть будет тебе как мытарь и грешник». Не может церковь дружбы христианства, основанная на борьбе со злом, стоять на любви к злодеям.

В этом смысле, тот феномен христианского братства, который показала исторически первые христианские общины, был действительно чудом духа во всех смыслах божественной энергии: и в смысле великой силы, которую он явил перед лицом мученичества, и в смысле небывалой красоты самых возвышенных чувств в церкви дружбы, самого высокого благородства и неограниченного великодушия, и в смысле святости, и в смысле защиты свободы и прав человека, которая позволила сохраниться итальянским республикам и будущему Возрождению. Христианская церковь первых веков — это такой герой духа, которому Огюст Конт пророчил «вечную славу католичества». Огонь любви к богу, которым пылали великие христианские святые не был поддельным огнем. Тот же огонь питал единство церкви христианского братства. Это и была первая большая демонстрация единства контрольной энергии человечества.

Однако, христианство основано было на поэтическом языке Евангелий, наполовину еще смешанным с мифологией. В этой связи Мережковский, который утверждал что будет Третий Завет (после Завета Отца (Ветхого) и Завета Сына (Нового), еще Завет Духа) любит цитировать слова Христа: уговорю Отца и пришлет вам Утешителя, и он уже не будет говорить притчами, но будет говорить прямо от отца». Поскольку бог в христианстве есть логос «слова», «духа и истины», то есть бог метафизики интеллекта (Евангелие от Иоанна), то слова от Отца означают — научное изложение. До научного изложения, мифы христианства были слишком непрочны и ими как известно злостно злоупотребляли как раз самые враждебные морали, добродетели и духу христи-

анства силы. Крушение христианство в виде мифологии было предрешено, также как его возрождение в виде «философской веры», как говорит Карл Ясперс, Третьего Завета (Мережковский), или же рациональной религии (Э. Ренан).

Очередной раз эстетическое одержало вверх над этическим. Байрон написал своего «Каина», оправдывая Сатану, Гете своего «Фауста», Лермонтов своего «Демона», а Ницше свое «Рождение Трагедии». За ними придет нигилизм движения дендизма и имморализм философии Сартра. И это Возрождение «Трагического сознания» Гибрис-Эго или движение романтизма принес опять культ прекрасного самого по себе, то есть профанацию истинного искусства, выхолощенного от своего духовного содержания. Пустота как и во времена античности прикрыта миражом намалеванного кривым зеркалом поля Эгосистемы пожаром «любви-страсти», который опять поставили на место церкви дружбы христианского единства. Гете накидал опилок давно заледеневшую золу в костер «Париса и Елены», и Ницше сел раздувать его в «Рождении Трагедии из духа музыки». Вагнер, вдохновленный Ницше написал свои поэмы, оживив чучела Париса и Елены в Зифриде и Брунгильде, и знаменитое пожарище «любви к жизни древних эллинов» снова казалось ожило и заиграло всеми красками. Однако, чем на деле обернулась возрожденная эстетика вагнеровского театра? Мекой Третьего Рейха? Случайность ли это? И чем на деле опять обернулся возрожденный костер Париса и Елены, «половой любви-страсти», поставленной на место церкви дружбы контрольной энергии? Еще большей развращенностью, чем видел Рим, высмеянный Ювеналом и Сивиллой вместо идеальной любви Лоэнгрина и Парсифаля? Случайность ли это, или миражи и иллюзии нежизнеспособного Гибрис-Эго способны только возбуждать ненасыщаемые невротические желания, которые разрешаются в пошлый животный биологизм вместо заявленного романтизма эстетов? Об этом хорошо сказано у Флобера в «Мадам Бовари», когда он показывает, как романтическая культура «любви-страсти» привела его героиню к безумию.

3. МОРАЛЬ ГОСПОД И САТАН-ЭГО И СОВРЕМЕННЫЕ СПЕЦСЛУЖБЫ

Мы уже видели, что в самых общих чертах Зло — это материальная энергия психики, которая разлагает истинное могущество и здоровье человека, его Контрольную энергию интеллекта. Как можно видеть, в определении Зла нет ничего мистического или волшебного. Это обычная материальная энергия, такая же например как электрическая или механическая энергии. Однако, в таком случае, и Добро и Зло изначально живут в каждом человеке, потому что контрольная энергия, пусть в зачаточном виде, но есть у всех, даже у аборигенов, а материальная энергия поля Эгосистемы также есть почти у всех, кроме гениев (большинства) и тех «здоровых людей», которых описал Маслоу в исследовании самоактуалов.

Действительно, несмотря на прогресс науки и соответственно прогресс контрольной энергии человека (прямо связанной с количеством научного знания), насегодня поле Эгосистемы все еще активно у подавляющего большинства людей. Что же мы их всех обозначим как злодеев? Нет, конечно! Хотя тот общий тезис христианства, переданный нам в мифе о врожденном грехе, то есть в утверждении что сама природа человека несет в себе зло, остается в силе до тех пор, пока поле Эгосистемы не будет разоблачено научно (очень много уже сделали на этом пути Фромм, Маслоу, Хорни, Адлер, Франкл, Роджерс, Олпорт, Юнг и другие представители гуманистической психологии, продолжившие традиции Сократа и Кьеркегора).

Так то оно так, зло как врожденный грех поля Эгосистемы человечество все еще несет в себе. Но что же такое тогда Сатана? Что такое злодей? Кто из двух сторон поля Эгосистемы — тиран и раб, садист и мазохист — есть Сатана, если обе стороны есть только части единого физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии? Материальная энергия внеморальна, ее закон сохранения силы есть закон насилия и подчинения. Кто сильнее насилует, кто слабее подчиняется, обе стороны одина-

ково нуждаются друг в друге (Фромм о садомазохизме в «Искусстве любить»), и обе стороны одинаково постоянно мучаются, потому что потребности поля Эгосистемы ненасыщаемы. Какая из сторон Сатана, если они части одной системы и одинаково не ведают что творят? Герцен по этому поводу писал, что эксплуатация есть факт антропофагии (людоедства), и что он ничего не имеет против него если одни хотят есть людей, а другим нравится быть их блюдом. Можно ли назвать Сатаной Гибрис-Эго античности, то есть обычное поле Эгосистемы с ложным интеллектом? Было ли Гибрис-Эго трагического сознания языческой мифологии — Сатаной?

Наш ответ нет, потому что циклическое Эго садомазохизма — бессознательно. Это то еще состояние о котором Ницше говорит, что у энергий природы нет греха, они только движутся согласно своим законам. Да, пока насилие-подчинение бессознательно, греха нет, а значит нет зла. Наш ответ нет и с Гибрис-Эго античности, потому что шизоидное Эго сломанного циклического гомеостаза (эти механизмы раскрыты в моих предыдущих работах) нежизнеспособно, и всегда ведет к гибели как погубило и античность и самого Ницше, увлекшегося Гибрис-Эго. Гибрис-Эго остается бессознательным в том, что творит зло, потому что искренно верит в поиски великого и прекрасного.

Что же тогда такое зло? Что такое Сатана? Наш ответ –это тот момент в динамике поля Эгосистемы, когда зло уже не бессознательно, но есть сознательная агрессия против контрольной энергии разума. Это не романтическое и нежизнеспособное Гибрис-Эго, это — «мораль господ» верхней Эгозащиты циклического Эго, то есть «насильников», «садистов».

Игорь Сикорский (американский авиаконструктор украинского происхождения) приводит в этой связи в книге «Незримая борьба» цитату из Шпенглера: « История человечества в целом трагична. Но святотатство и катастрофа Фаустовой цивилизации... такого святотатства не могли себе представить ни Шекспир, ни Эсхил. Творение восстает против своего Творца».

Действительно, с 19 века начинается формирование того Франкенштейна, который материализуется в 20-м веке вовсе не в театре Вагнера, как предполагал Ницше (хотя они и сделали красивое романтическое украшение своему сатанизму из этого театра). Материализация Франкенштейна как энергии сознательного разрушения духовной (разумной) энергии человека состоится в знаменитом цинизме Спецслужб, которые поставят «целесообразность» выше всякой этики, а все усилия сосредоточат на том, чтобы «Добрые и глупые» никогда не выходили из под контроля.

Ф. Ницше, «Антихрист»:

> «добрые и праведные назвали бы его сверхчеловека *дьяволом*...
> Вы, высшие люди, каких встречал мой взор! в том сомнение мое в вас и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека — дьяволом!»

И да, они откровенно называют себя дьяволами, и подобно Ницше в этом их гордость и «тайный смех» над «добрыми и глупыми», потому что подобно Ницше они верят в то, что «добрые и глупые» есть слабость, а их дьяволизм есть «воля к могуществу», и не просто воля к могуществу, но еще и эстетика «трагического сознания». Разве не поставили Церкви (!!) Сатаны в Америке (Ла Вей) и не назвали прямо Библию Дарвинизма Библией Сатаны? И разве не утвердили они подобно Ницше «волю к власти» и проклятие слабым? И разве не утвердили они «сатанического секса» подобно Саду? И разве не утвердили они насилия-подчинения Левиафанов вместо дружбы? И да, учредитель этой церкви Сатаны Дарвина заслуженный деятель «искусств», Ла Вей, если вам интересно такое искусство.

Вот какому терпкому вареву из дарвинизма и дендизма, приправленное мерзостями маркиза Сада и софизмами Ницше мы обязаны современной «Морали Господ»! В этом Ницше удалось своего добиться: хоть его рассуждения о трагическом сознании античности были миражом, его теорией Морали Господ

воспользовались совсем другие люди, никак не связанные с настоящей философией и искусством, обычные насильники спецслужб. Конечно, речь не о том, что только там сегодня садисты и злодеи, но крушение естественного права и расцвет национализма сосредоточил всю власть у этих служб, отняв ее у правовых институтов. Они разошлись не на шутку в 20 веке, убивая своих президентов и звезд мировой величины, смещая президентов других стран и ставя эксперименты на мозг гражданам своих и чужих стран. В СССР о всесилие этих носителей Сатан-Эго лучше всех рассказал Солженицын в знаменитом ГУЛАГе. И действительно, никто пока не поплатился за это. Как долго простоит этот истукан на глиняных ногах. Он сделал этих людей всесильными в современном мире и они поверили в пророчество Ницше о «воле к власти», покупаемой продажей души Сатане. Однако, Фромм пишет в «Анатомии человеческой деструктивности», что люди, тренированные мучить других людей, часто сходят с ума. Они стали сильнее, но стали ли они здоровее? И когда рухнут глиняные ноги истуканов под собственной тяжестью больной энергии поля Эгосистемы? Они рухнут в одночасье в тот момент, когда здоровые люди, те «добрые и глупые» кого они привыкли обманывать, узнают об их существовании, и научатся защищаться от них. Достоевский называл их «людьми подполья», «мертвой совестью», потому что главное в этом случае ложь, обман, игра на доверии здоровых людей.

Первое практическое пособие Сатан-Эго содержится в знаменитом «Государе» Макиавелли, с центральной фигурой такого «героя» Чезаре Борджа, кумиром Ницше. Ницше только объявил войну «добрым и праведным», не сумев пойти дальше нагромождения сомнительных софизмов. В этом его работы сильно напоминают софизма маркиза Сада. Однако, его книги стали тем философским фундаментом,, на котором выросли уже практические пособия уже жизнеспособных Сатан-Эго. И лучший пример такого демонического знания в книгах автора бестселлеров «48 законов власти» и «Искусство обольщения» Р. Грина.

Эти книги есть практическое пособие для тех, кто хочет стать Сатаной, то есть объявить сознательную войну контрольной энергии разума человечества. С поистине дьявольским цинизмом в них излагаются доктрины о том, как надо «приносить в жертву самого невинного», как надо предавать дружбу, втираясь в доверие к «добрым и глупым» и выманивая у них информацию против них самих, как воровать чужой труд, как максимально и всесторонне, одним словом, переврать и продать все, что есть невинного, святого, благородного и прекрасного в человеке для «роста власти и денег». Это смесь дарвинизма, ницшеанства и садизма — того крепкого настоя, что заварило крушение рационализма 19 века. Есть люди хищники и люди овцы, если хочешь жить — становись хищником, и главное забудь о морали. Это инструкция обратная моральному поведению борьбы добра со злом: там все делается, чтобы очистить поле интеллекта от поля Эгосистемы, здесь наоборот, прилагаются все усилия, чтобы уничтожить поле интеллекта с тем, чтобы осталось только поле Эгосистемы. В этой связи Солженицын пишет в Архипелаге о том, что НКВД объявило войну интеллигенции, а П. Хлебников подтверждает его слова в «Крестный отец Кремля», цитируя русского генерала КГБ.

Понятно, что не могут выиграть люди, которые видят силу в том, чтобы уничтожить контрольную энергию разума и оставить болезнь поля Эгосистемы. Однако, вот уже больше века, они правят миром, потому что большинство людей «наивны» в своем неведении, что оставляет их беззащитными жертвами людей с моралью господ, то есть сознательных «человекохищников».

Лучшие книги на сегодня, которые рассказывают о катастрофе 19 века, которая привела к рождению этих Франкинштейнов — это «Предательство интеллектуалов» Жюльена Бенда, «1984» Джорджа Оруэлла, «бунтующий человек» А. Камю.

Книги, в которых рассказывают о подвигах спецслужб 20 века тоже всем известны:

«Архипелаг — ГУЛАГ» А. Солженицына,

«Крестный отец Кремля или История разграбления России» П. Хлебникова,

«Исповедь экономического убийцы» Д. Перкинса,

«ЦРУ и Контроль мозга» Джона Маркса,

«Циклы американской истории» А. Шлезингера,

«Нерассказанная история Америки» Оливера Стоуна

«Военные преступления во Вьетнаме» Бертрана Рассела

«16 вопросов убийства президента Кеннеди» Бертрана Рассела

Многочисленные книги Ноама Хомского, где он раскрывает преступные действия спецслужб, и другие книги.

В этих разоблачениях преступлений спецслужб сбылось пророчество великой книги Ж. Бенда — «Предательство интеллектуалов» о том, что разрушенный рационализм и разрушенная этика приведут к падению естественного права и вместе с ним института прав человека, а усилившийся национализм сделает правительства всесильными. О том же писал Б. Рассел в «Влиянии науки на общество», предупреждая об угрозе национализма, и усилении спецслужб против населения. Д. Мережковский предсказал «Грядущего Хама» с «Бесами» Достоевского из позитивизма и материализма 19—20 веков. Против усиливающегося национализма как угрозы правовому государству и регрессу к диктатуре правительств предупреждал в свое время много Г. Уеллс (Новый мировой порядок), а также А. Швейцер, А. Тойнби, К. Ясперс. И конечно, венчает этот список провидцев «1984» Джорджа Оруэлла, где хорошо сказано и о разрушенной науке, и о победе спецслужб, и о зле, как сознательной агрессии против энергии разума и этики человека. Путинская Россия есть образцовая демонстрация такой победы всесильных спецслужб над правовыми институтами общества, а молчание прессы и писателей объяснить еще проще: Хлебников сказал о режиме Путина, что успел сказать, и его убили. Казнили цвет российской журналистики, подчинили спецслужбам Академию РАН. Меня убивают уже десять лет, и видимо я последний кто пишет научные книги в этой стране. Борьба Сатан-Эго с интеллигенцией по-

чти окончилась победой. Но только почти. Открытие психической энергии уложит этот истукан на глиняных ногах, пусть даже нам, передовым воинам со злом, это стоило жизни.

ГЛАВА 2. ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ У НИЦШЕ И КЬЕРКЕГОРА

1. Великое, Трагическое и Комическое у Кьеркегора против Ницше

2. «Миф о Прометее у Ариев» и «Мифа о Грехопадении у Семитов» у Ницше

3. Истинная Трагедия в «Фаусте» Гете. Преступление против совести.

1. ТРАГИЧЕСКОЕ И КОМИЧЕСКОЕ У КЬЕРКЕГОРА

Кьеркегор, пожалуй, следующий за платоновским Сократом, Спинозой и христианскими евангелиями, по глубине изложение теории психической энергии в ее зачаточном виде, когда еще нельзя было говорить на научном языке в терминах энергетики. И именно поэтому из философии Кьеркегора выросла современная гуманистическая психология, подарившая нам таких столпов науки, как Фромм, Хорни, Маслоу, Роджерс и другие. Критикуя философию Гегеля, Кьеркегор присоединяется здесь к позиции Шеллинга, с которым они едины и в своем критическом отношении к воспеванию язычества подобно Гельдерлину. В этом смысле, Кьеркегор первым ставит вопрос ребром в своих философских работах об антагонизме «эстетического и этического» в сознании человека, и необходимости выбора между ними, -«Или-Или». Позднее Ницше, большой поклонник Гельдерлина, выступит в «Рождении Трагедии» против Кьеркегора, противополагая его философии обратное положение: смысл жизни образует не этическое, как утверждал Кьеркегор, а напротив, эстетическое. И если Кьеркегор подчеркивал, что вы-

бор эстетического порождает болезнь сознания (вид отчаяния), то Ницше будет доказывать всю оставшуюся жизнь, что болезнь происходит от победы морального (этического) сознания.

Итак, рассмотрим в чем состоит противоположность учения Кьеркегора и Ницше об эстетическом и этическом сознании, а также о сознании трагическом и комическом в их философии.

«Кривое зеркало» поля Эгосистемы, — очки материальной энергии, искажающие мир не были секретом уже для Платона и Спинозы, которые четко разделяют истинное и ложное восприятие (аффекты). Не было оно секретом ни для Кьеркегора, который видимо и применил впервые термин «кривое зеркало» (индусы называли это зеркало «покрывалом Майа»), ни для Ницше, который пользовался терминологией Канта и говорил, что социальный мир есть комедия, основанная на видении «явлений» (феноменов) вместо «вещей в себе». Однако, выводы Кьеркегор и Ницше сделали разные из этого знания.

Когда Кьеркегор противопоставил эстетику и этику таким образом, он конечно не имел ввиду, что красота чужда моральному, потому что он говорит о «Поэте религиозной ориентации» как об «истинной эстетике». Кьеркегор подчеркивает, что противопоставляет не сами понятия, а «энергии» сознания, где доминирует одно или другое, эстетическое над этическим или этическое над эстетическим. Иными словами, в чем смысл жизни: в морали или в красоте? И здесь, Ницше согласился с Кьеркегором, когда обозначил свое «трагическое сознание эстета» как энергию «По ту сторону добра и зла». Кьеркегор также подчеркивает, что эстетическое сознание есть энергия «по ту сторону добра и зла», как нечто «безразличное к добру и злу».

Для Кьеркегора — это «безразличие» эстетического к моральному выбору есть проявление чужеродности этой энергии истинной разумной энергии человека которую он понимает как метафизику единого и вечного духа. Энергия эстетического — это энергия порожденная «кривым зеркалом», а следовательно энергия во всем ложная, и главная заурядная, обычная, материальная энергия. Только духовная, разумная энергия человека,

как часть вечной божественной метафизики есть истинная сила и истинное величие. Как человеку узнать, когда он опирается на истинную энергию духа, а когда на миражи ложной энергии? Это просто, говорит, Кьеркегор, только тогда человек является «самим собой», только тогда он здоров и силен, когда он выбирает истинную духовную энергию разума (или этику, мораль, что одно и тоже). А когда человек делает эстетический выбор, и хочет стать каким то необыкновенным человеком как Цезарь или еще кто то, он вступает в область миражей кривого зеркала материальной энергии, и теряет самого себя, а вместе с собой и все небеса вечного и метафизического что есть в духовной энергии. То есть единственное и истинное величие человека.

С. Кьеркегор, «Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности»:

> «Поскольку тут было показано, что всякое эстетическое мировоззрение есть отчаяние, единственно правильно теперь будет предпринять движение, благодаря которому появляется этическое начало. Вот то сокровище, которое я собираюсь оставить в наследство тем, кого люблю в этом мире. Это сокровище заложено в твоей внутренней сущности: существует «или-или», делающее человека превосходнее ангелов. Когда все вокруг человека затихает, становится торжественным, как ясная звездная ночь, когда душа остается в одиночестве в целом мире, — тогда перед ним является не какое-то выдающееся человеческое существо, но сама вечная сила, тогда небеса как бы раскрываются, — и «я» выбирает самое себя, или точнее получает самое себя. Тогда душа видит высшее, то что не способен увидеть никакой смертный взор, она видит то, чего никогда больше не сможет забыть, — тогда личность обретает рыцарское посвящение, которое облагораживает ее на всю вечность. Ибо величие состоит не в том, чтобы быть тем или этим, но в том, чтобы быть самим собой, а на это способен любой человек, если он только этого пожелает.
> при выборе важно не столько умение выбирать верно, сколько энергия, серьезность и пафос, с которыми человек выбирает. В таком выборе личность возвещает о себе в своей внутренней бесконечности, и благодаря ему личность еще больше укрепляется в своем единстве. Потому что даже когда человек выбирает неверно, он и может — именно опираясь на энергию с которой он выбирает, — обнаружить, что выбрал неверно. Как раз потому, что выбор был сделан

> со всем внутренним содержанием личности, все существо человека очищается, и сам он приводится в непосредственное отношение с той вечной силой, которая вездесущим образом проницает собой все его наличное существование. Тот же кто выбирает только эстетически, никогда не достигает этого преображения, этого высшего посвящения. Несмотря на всю страсть, ритм его души является только лишь spiritus lenis (слабое придыхание).
> Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не мелочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что поистине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять самого себя.
> Ибо тот кто живет эстетически не выбирает, — а тот кто выбирает эстетическое после того, как ему явилось этическое начало, живет не эстетически, так как он уже согрешает и подлежит теперь этическим определениям — пусть даже жизнь его приходится определять как неэтическую.
> В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматриваем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они исчезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассеялись уже до смерти.
> Мое «или-или» обозначает не выбор между добром и злом, оно обозначает скорее уж выбор, благодаря которому человек выбирает добро и зло — или не выбирает их. Вопрос здесь состоит в том в каких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. А утверждение, что человек, выбирающий между добром и злом, тем самым выбирает добро, — по сути совершенно справедливо, ибо эстетическое — это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образует выбор».

Итак, то что представляется Ницше «великим и трагическим», то есть «маски бога Диониса на персонажах греческой трагедии», «маски мифологических богов языческого Олимпа» — для Кьеркегора только миражи и иллюзии ложного восприятия обычной материальной энергии. Великое для Кьеркегора только метафизика духовного, где человек является без маски, «быть самим собой в необходимости, заданной богом». Ибо Кьеркегор подчеркивает, что «Я» человека есть «необходи-

мость», то есть законы природы, установленные его творцом. И соответственно, быть самим собой значит делать выбор в пользу закономерностей истинной духовной энергии. Для Ницше слова «бог» уже нету, как мы знаем, ведь «Он убил его». Для него есть «боги» языческих мифов, которые все отличаются друг от друга только «количеством силы» как все «идолы» язычества — порождения кривого зеркала поля Эгосистемы. Здесь нет духовной энергии разума и Бога-интеллекта, устанавливающего «необходимость» закономерностей природы. Здесь есть только противоборство «количеств силы», спрятанных под разными масками языческой мифологии.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «с той же степенью уверенности можно утверждать, что никогда, вплоть до Еврипида, Дионис не переставал оставаться трагическим героем, но что все знаменитые фигуры греческой сцены — Прометей, Эдип и т. д. — являются только масками этого первоначального героя — Диониса. То, что за всеми этими масками скрывается божество, представляет одно из существенных оснований для вызывавшей столь часто удивление типичной «идеальности» этих знаменитых фигур. Не помню, кто утверждал, что все индивиды, как индивиды, комичны и посему непригодны для трагедии, из чего пришлось бы заключить, что греки вообще не *могли* выносить индивидов на трагической сцене.
> единственный действительно реальный Дионис является во множественности образов, под маской борющегося героя, как бы запутанный в сети индивидуальной воли. ...Тому, кто понял, из какого материала лепили прометеевские трагики до Еврипида своих героев и как далеко было от них намерение выводить на сцену точную маску действительности, будет безусловно ясна и отклоняющаяся в совершенно другую сторону тенденция Еврипида. Человек, живущий повседневной жизнью, проник при его посредстве со скамьи для зрителей на сцену; зеркало, отражавшее прежде лишь великие и смелые черты, стало теперь к услугам той кропотливой верности, которая добросовестно передает и неудачные линии природы. Одиссей, типичный эллин древнейшего искусства, опустился теперь под руками новейших поэтов до фигуры graeculus'а, представляющего отныне в качестве добродушно-пронырливого домашнего раба средоточие драматического интереса».

Мы видим, что если Кьеркегор может оправдать «величие» истинной духовной энергии, как части «правящего дома метафизики интеллекта», то есть Творца- разума, то Ницше, который ссылается не на метафизику, а на языческих идолов, все превосходство которых в «количествах физической силы» (абстракция бога-Диониса), Ницше нечем обосновать «величие» своих героев. Действительно, люди, герои и боги языческой мифологии в самом неразборчивом хаосе все перемешаны, дерутся между собой, и мало чем друг от друга отличаются, кроме «волшебства» фантазии. В то же время, Бог-Интеллект есть четкая систематизации вселенной на полюса активного и пассивного интеллекта, на Творца, установившего законы энергий, на материальные энергии, у которые есть законы природы, но нет мышления, и на духовную энергию человека, у которого есть и законы природы и активный интеллект — мышление (а значит, и «величие» принадлежности к метафизике интеллекта). Всего этого лишается философия Ницше и его попытки найти «величие» в магическом сознании языческой мифологии, которая есть только миражи материальной энергии и абстракции оторванной от действительности формальной логики.

И когда Ницше, который раздавил метафизику интеллекта уже в этой своей книге «Рождение Трагедии», пытается сослаться в «величии» своих героев на метафизику, он сам знает что он лжет, и позже он скажет об этом открыто в предисловии, которое добавит к книге под названием «Опыт самокритики»:

Ницше, «Рождение Трагедии», «Опыт самокритики»:

> «Да разве Ваша пессимистическая книга не есть сама обломок антиэллинизма и романтики, сама нечто «столь же охмеляющее, сколь и отуманивающее», наркотик во всяком случае, даже некое подобие музыки, *немецкой* музыки? И в самом деле послушаем:
> «Представим себе подрастающее поколение с этим бесстрашием взора, с этим героическим стремлением к чудовищному, представим себе смелую поступь этих истребителей драконов, гордую смелость, с которой они поворачиваются спиной ко всем этим слабосильным доктринам оптимизма, дабы в целом и в полноте «жить с решительностью» 5: *разве не представляется необходимым,* чтобы трагиче-

> ский человек этой культуры, для самовоспитания к строгости и к ужасу, возжелал нового искусства, *искусства метафизического утешения,* трагедии, как ему принадлежащей и предназначенной Елены, и воскликнул вместе с Фаустом:
> Не должен разве я стремительною мощью Единый вечный образ вызвать к жизни? 6»
> «Разве не представляется *необходимым*?»… Нет, трижды нет, о молодые романтики, это не представляется таковым! Но весьма вероятно, что это так *кончится,* что вы так кончите, т. е. „утешенными", как писано есть, несмотря на все самовоспитание к строгости и к ужасу, „метафизически утешенными", короче, как кончают романтики, *христианами*… Нет! Научитесь сперва искусству *посюстороннего* утешения, — научитесь смеяться, молодые друзья мои, если вы во что бы то ни стало хотите остаться пессимистами; быть может, вы после этого, как смеющиеся, когда-нибудь да пошлете к черту все метафизическое утешительство — и прежде всего метафизику!»

Итак, вот как видится Ницше «величие» и «трагедия»: мир как абстракция количественной силы, где люди борются с «идолами-богами», чтобы доказать свое превосходство над ними. Здесь нет «добра и зла», и если здесь есть красота, эстетика, то это образы героев победителей богов, чтобы самим занять место богов. Ницше много раз проводит эту мысль в книге, что истинный смысл — это противоборство количеств одной единой силы под разными масками, и выражает эту мысль в терминах философии Шопенгауэра: единая воля, единая сила, единое могущество в основе бытия. И мы видим, что он ссылается на «эстетику» Гете, у которого выбор Кьеркегора между этическим и эстетическим также пришелся на эстетическое: то есть победу поля Эгосистемы над полем метафизики интеллекта.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «…поколение с этим бесстрашием взора, с этим героическим стремлением к чудовищному, представим себе смелую поступь этих истребителей драконов…
> …Лучезарному венцу пассивности я противопоставлю теперь венец активности, сияющий вокруг главы эсхиловского *Прометея*. То, что мыслитель Эсхил имел нам сказать здесь, но что как поэт он дает нам лишь почувствовать в своем символическом образе, молодой Гёте сумел открыть нам в смелых словах своего Прометея:

> Я здесь сижу, творю людей
> По своему подобию,
> Мне равное по духу племя —
> Страдать и слезы лить,
> И ликовать и наслаждаться,
> И ни во что тебя не ставить,
> Как я!
> Человек, поднявшийся до титанического, сам завоевывает себе свою культуру и принуждает богов вступить с ним в союз, ибо в своей самоприобретенной мудрости он держит в руке их существование и пределы»

Мы могли видеть, что Кьеркегор и Ницше видят обе энергии: энергию поля интеллекта и энергию поля Эгосистемы, но каждый выбирает как «силу, здоровье и величие» противоположную. Если для Кьеркегора — это метафизика поля интеллекта, и он может обосновать свой выбор, то для Ницше — это кривое зеркало поля Эгосистемы, иррационализм которого он старается скрасить философией Канта (все иллюзия явлений против вещи в себе), и философией Шопенгауэра (весь мир есть противоборство единой количественной абстракции силы). Но мы знаем, что поле интеллекта — есть духовная энергия разума, величие которое в доступе к научному контролю, тогда как поле Эгосистемы — заурядная материальная энергия, замкнутая в в своем циклическом гомеостазе. Кто же прав, когда смеется над «величием» другого: Кьеркегор или Ницше? А ведь и тот и другой называют позицию другого комической, и Ницше даже говорит, что может умереть от «гомерического хохота» над этикой добра и зла.

Мы видели, что для Кьеркегора такие термины как «трагедия», «этика» (борьба добра со злом), «эстетика» (в ее истинном значении»), «величие» возможны только для уникальной духовной энергии, для метафизики интеллекта, потому что нет ничего великого в «твари», но есть великое в «Творце», а ведь мышление дает человеку возможность доступа в Пространство Интеллекта Творца, к познанию и контроль законов природы. И также нет «трагедии» в противоборстве разных физических сил, ибо

они противоборствуют бессознательно согласно установленным творцом законам. Но есть великая трагедия, когда сознательная духовная энергия человека теряет самое себя в миражах материальной энергии, поскольку это имеет отношение к сознанию и к Богу.

Вот как понимает «печаль трагедии» Кьеркегор, и как совсем не грустно понимает трагедию Ницше? А трагедия ли то, о чем говорит Ницше?

Кьеркегор:

> «В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматриваем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они исчезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассеялись уже до смерти».

Ницше:

> «...лишь исходя из духа музыки, мы понимаем радость об уничтожении индивида. Ибо на отдельных примерах такого уничтожения нам лишь становится яснее вечный феномен дионисического искусства, выражающего волю в ее всемогуществе, как бы позади principii individuationis, вечную жизнь за пределами всякою явления и наперекор всякому уничтожению. Метафизическая радость о трагическом есть перевод инстинктивно бессознательной дионисической мудрости на язык образов: герой, высшее явление воли, на радость нам отрицается, ибо он все же только явление, и вечная жизнь воли не затронута его уничтожением. «Мы верим в вечную жизнь!» — так восклицает трагедия
> И дионисическое искусство также хочет убедить нас в вечной радостности существования; но только искать эту радостность мы должны не в явлениях, а за явлениями. Нам надлежит познать, что все, что возникает, должно быть готово к страданиям и гибели; нас принуждают бросить взгляд на ужасы индивидуального существования — и все же мы не должны оцепенеть от этого видения: метафизическое утешение вырывает нас на миг из вихря изменяющихся образов. Мы действительно становимся на краткие мгновения самим Первосущим и чувствуем его неукротимое жадное стремление к жизни, его радость жизни; борьба, муки, уничтожение явлений нам кажутся теперь как бы необходимыми при этой чрезмерности бес-

> численных стремящихся к жизни и сталкивающихся в ней форм существования, при этой через край бьющей плодовитости мировой воли; свирепое жало этих мук пронзает нас в то самое мгновенье, когда мы как бы слились в одно с безмерной изначальной радостью бытия и почувствовали в дионисическом восторге неразрушимость и вечность этой радости. Несмотря на страх и сострадание, мы являемся счастливо-живущими, не как индивиды, но как *единое*-живущее, с оплодотворяющей радостью которого мы слились»

2. МИФ О ПРОМЕТЕЕ У АРИЕВ» И «МИФА О ГРЕХОПАДЕНИИ У СЕМИТОВ» У НИЦШЕ

Ницше отказывается от «теоретического и этического человека Сократа» потому, что он «оптимистичен», и лишает таким образом его, Ницше, того «пафоса и ужаса борьбы титанов», которые кажутся ему «трагедией».

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Сократ, диалектический герой платоновской драмы, напоминает нам родственные натуры еврипидовских героев, принужденных защищать свои поступки доводами „за“ и „против“, столь часто рискуя при этом лишиться нашего трагического сострадания; ибо кто может не заметить *оптимистического* элемента, скрытого в существе диалектики, торжественно ликующего в каждом умозаключении и свободно дышащего лишь в атмосфере холодной ясности и сознательности? — И этот оптимистический элемент, раз он проник в трагедию, должен был мало-помалу захватить ее дионисические области и но необходимости толкнуть ее на путь самоуничтожения, вплоть до смертельного прыжка в область мещанской драмы. Достаточно будет представить себе все следствия сократовских положений: „добродетель есть знание“, „грешат только по незнанию“, „добродетельный есть и счастливый“, — в этих трех основных формах оптимизма лежит смерть трагедии».

Для Ницше «смерть трагедии» — это смерть мифологии язычества, а именно с отказом от мифологии язычества в угоду интеллекту и этике Ницше не согласен мириться. Для него трагедия — это священнодействие, где оживают языческие боги Олимпа, и где зрители могут побыть этими богами вместе с ними. Потому в слово «трагедия» он вкладывает не тот смысл, ко-

торый позже вложит в нее Шекспир, как трагедию разрушенной духовной энергии, а обратный, противоположный смысл — победа поля Эгосистемы над духовной энергией, триумф «инфляции Эго» как сказал бы Карл Юнг. Увы, история античности доказала нежизнеспособность Гибрис-Эго древних эллинов, погубивших свое великое дарование в междоусобных войнах.

Различие между этическим и эстетическим как его в этих книгах противопоставляют Кьеркегор и Ницше не есть различие между научным и физическим контролем, но различие между научным и шизоидным интеллектом Гибрис — Эго, который как известно стал младенческой болезнью западной цивилизации. Гибрис-Эго как ложный интеллект на поле Эгосистемы, как формальная логика оторванная от действительности, мышление, которое вместо того, чтобы открывать законы природы, воюют с ветряными мельницами миражей поля Эгосистемы. Этот шизоидный интеллект и создал манию величия Гибрис-Эго, и феномен «эстетического отдельно от этического». Обычный физический контроль (насилие-подчинение) поля Эгосистемы есть противостояние духовной энергии совсем другого рода. Кьеркегор в этой связи говорит, что болезнь (отчаяние) бывают двух типов: отчаяние когда нет духа (физический контроль поля Эгосистемы), и отчаяние, когда дух есть, но он заблудился (в кривом зеркале поля Эгосистемы). Этот последний случай и есть то самое болезненное эстетическое замков на песке, то Гибрис-Эго греческой трагедии, которое уже в «Илиаде» отображает радикальный внутренний раскол античного общества, и предрешает его гибель («ибо если царство разделится внутри себя, то как устоит?»).

Кьеркегор, который как все одаренные мыслители сам прошел через эту детскую болезнь интеллекта, и в книге «Или-или» пересказывает свою борьбу с самим собой как советы отца сыну сделать выбор в пользу этического, и избежать всех миражей и иллюзий эстетического, сделал правильный выбор в конечном итоге. Ницше, который шел теми же путями, плутая между полем интеллекта и шизоидным Гибрис-Эго, в конечном итоге становит-

ся на сторону Гибрис-Эго, и конечно погибает. Однако, его видимой заслугой остается тот факт, что в книге «Рождение Трагедии» он четко разграничил антагонизм двух культур в Древней Элладе: дионисизм и сократизм (или иначе мифологию язычества как магическое сознание поля Эгосистемы и научное сознание поля интеллекта и совести в философии Сократа и Платона). Пусть он выбрал неправильную сторону, что стоило ему психического здоровья, но он все же показал что четко видел эту «раздвоенность сознания» человека и правильно показал основные различия между этими сознаниями. А в «Шопенгауэре как воспитателе» он еще блуждая в своих поисках, становится на правильную сторону, на сторону этики и интеллекта.

У Ницше нет ни бога ни метафизики — и он сам это подчеркнет позднее в «Опыте самокритики». Когда он говорит о «греческой трагедии» как «борьбе героев с богами» он разумеет не метафизику, не Бога-Творца, не интеллект в основе сущего, а всего лишь разные количества силы в вечном хаосе противостояния. Там где нет метафизики интеллекта, называйте богами и титанами всех, но ничего кроме разных количеств физической силы не найдете. И потому у Ницше нет никакой метафизической борьбы, а только обычная война животных всех против всех. В этом смысле «преступление» против воли Бога почетно, потому что такие боги ничем не отличаются от людей — боги идолы языческой мифологии. Это позиция «по ту сторону добра и зла», где побеждает сильнейший, а вовсе не добродетель и истина. И это обычная картина для поля Эгосистемы, которое будучи физическим контролем закона сохранения силы психики всегда «по ту сторону добра и зла» и признает только количество физической силы.

У Кьеркегора, который сделал выбор в пользу метафизики поля интеллекта, а значит в пользу этики и добродетели, Бог имеет совсем иное значение. Это бог законов природы всей вселенной, и в том числе законов нашей собственной психики. И следовательно «преступление» против Бога будет преступлением против самого себя, против законов своей энергии, и оно

разрушит вовсе не Творца, а тебя самого. Вот почему Кьеркегора «трагедией» называется не пафос войны против богов, а потеря связи с Творцом, потеря истинной энергии в миражах Гибрис-Эго, потеря самого себя. И вот почему трагедия имеет смысл трагедии у Кьеркегора — то есть чего то очень печального, чего никогда не должно быть. У Ницше наоборот — он торжествует и смакует трагедию. Бога Кьеркегора Ницше объявляет «семитической традицией», а Гибрис –Эго языческой мифологии — арийской традицией, и оказывается, что арийская традиция есть восхваление «преступления» и «оправдание зла».

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Сказание о Прометее — исконная собственность всей семьи арийских народов и документ, свидетельствующий об их одаренности сознанием глубокомысленно-трагического, и даже не лишено вероятности, что этот миф имеет для определения сущности всего арийского мира такое же характерное значение, как миф о грехопадении для всего семитического, и что оба мифа находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой. ...Лучшее и высшее, чего может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия, а именно всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные небожители посылают, *должны* послать, на благородное, стремящееся ввысь человечество, — суровая мысль, странно отличающаяся по тому *достоинству,* которое она придает преступлению, от семитического мифа о грехопадении. То, что отличает арийское представление, — это возвышенный взгляд на *активность греха* как на прометеевскую добродетель по существу, причем тем самым найдена этическая подпочва пессимистической трагедии — как *оправдание* зла в человечестве».

Таким образом, мы видим эти две симметричные в своей противоположности теории этического и эстетического у Кьеркегора и Ницше, когда оба достаточно гениальны, чтобы увидеть два поля психической энергии, и когда один настолько безумен, чтобы встать на поле материальной энергии и ложного интеллекта поля Эгосистемы. Ницше оправдывает «преступление» как арийскую традицию только на основании мифа о Прометее, языческом великане который выступил против других языческих великанов (языческие мифологии не содержат ни бога ни мета-

физики), и сравнивает эту войну животных с преступлением против этического Бога метафизики интеллекта, презирая при этом «страх перед грехопадением», который и есть истинная трагедия. А ведь истинной трагедии никто в здравом уме не возжелает, и тем более так пламенно как Ницше горит страстью к трагедии.

Кьеркегор поразительно проницателен, когда разграничивает удар по полю интеллекта (истинная трагедия совести) и удар по полю Эгосистемы (ложная трагедия ложной энергии). И он смеется над «трагедией» разрушенного Гибрис- Эго, в котором Ницше виделось столько пафоса и столько глубины.

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Стало быть, он отчаивается или, скорее, по странному обманчивому видению, будучи как бы завлеченным вглубь, к собственному субъективному Я, он говорит, что отчаивается. Однако отчаиваться — значит терять вечность, но вот как раз об этой-то потере он не говорит ни слова, он о ней даже не подозревает. Отчаяние во внешнем само по себе даже не является отчаянием, однако о нем так говорят, и это называют отчаянием… называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома»

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия [25] и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Если же отчаявшееся Я пассивно, отчаяние все равно остается таким, когда желают быть собою. Возможно, испытующее Я, подобное уже описанному, желая предварительно

> сориентироваться в своем конкретном Я, наталкивается на некоторую трудность, на то, что христиане назвали бы крестом, то есть на некое фундаментальное зло, каким бы оно ни было. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

3. ИСТИННАЯ ТРАГЕДИЯ У ГЕТЕ. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СОВЕСТИ

Мы видели, что Ницше празднует преступления против «языческих богов» (и он смешивает это с понятием преступления против Бога-Творца), ибо он видит в этом «величие» человека. Кьеркегор предупреждает, что попытки идти против Бога есть попытки идти против своей природы, которые приведут совсем не к «величию», но к полному коллапсу энергии. И действительно праздник трагедии закончился для Ницше очень плохо, и не могло быть иначе. Величие говорит Кьеркегор в том, чтобы быть самим собой, а вовсе не масками бога Диониса, самим собой согласно законам Бога-интеллекта.

Вот почему настоящая трагедия вовсе не пафос масок изображающих противоборство героев и богов, а «преступление против совести», то есть преступление против законов природы человека. Ведь это преступление против божественной энергии поля интеллекта, и человек, пока еще жива его духовная энергия, тяжким бременем ощущает свою вину в подобного рода преступлении. Это настоящая трагедия, и в этой трагедии нет ничего хорошего, ничего кроме горя и потребности избавить от нее человечество.

Великий гений Шекспира в том, что он умел как никто (может только еще Достоевский много позже) показать эту истинную трагедию — трагедию разбитой духовной энергии, трагедию победы зла поля Эгосистемы над добром поля интеллекта. Тра-

гедию раздавленного духа под страшным бременем сознания своей вины. У Шекспира сражаются не великаны языческих идолов, у Шекспира идет духовный бой добра со злом, где дыхание истинного Бога-Творца и метафизика духовной энергии чувствуются в каждом слове. Неудивительно, что Ницше пишет о Шекспире в «Рождении Трагедии» как о поэте рабов.

Всегда когда вопрос о человеке, о его духовной энергии, о метафизике интеллекта ставился правильно, возникал этот дискурс о понятии греха, и возникала литература о преступлении против совести, против закономерностей духовной энергии человечества. Истинная литература об истинной трагедии человечества. Уже в «Эдипе» Софокла в этой связи Ницше находит нотки «святого»: «между тем как Софокл в своем Эдипе, прелюдируя, запевает победную песнь *святого*». Действительно, Ницше врет когда говорит, что вся греческая трагедия — это только его битва языческих идолов, и Софокл и Еврипид уже знали понятие греха и понятие преступления против совести.

С понятием преступления против совести тесно связано понятие исповеди, которое возникло задолго до христианской практики исповеди уже у стоиков: Сенека и Марк Аврелий знали ее. В этом смысле римские моралисты и сатирики совершили религиозную революцию, утвердив тот самый сократизм, который дионисийская традиция изгнала из Греции, в литературе такой высокой морали и благородства, которая останется памятником духовной энергии до конца существования человечества (вспомнить хотя бы Тацита и Плиния). Знаменитые Исповеди Диона Хризостома, св. Августина, Ж-Ж Руссо, Л. Толстого, Кьеркегора в «Дневнике соблазнителя», — показывают нам тенденцию здорового духа, обратную тому, что воспевает Ницше в Рождении Трагедии: вместо культа поля Эгосистемы и Гибрис-Эго — очищение поля интеллекта, очищение духовной энергии от материальной энергии Эгосистемы. И пафос боли от чувства глубокой вины, который мы слышим у Августина и Толстого — и есть истинная трагедия, и в ней нет ничего привлекательного. Велик гений и подвиг людей, прозревших законы духа и выступивших

против кандалов поля Эгосистемы, ибо не потому они каялись что самые грешные, а потому они каялись, что самый глубокий дух у них, который спешил очиститься от всей мерзоты поля Эгосистемы.

Ренан говорит, что с понятием совести произошла та же эволюция, что понятием росы растений: сначала думали что осознание греха дается свыше благодатью, как думали что роса капает с неба; и только постепенно поняли, что как роса выделяется растениями, так и понятие греха есть внутренний механизм совести в человеке. Действительно, современная гуманистическая психология, особенно работы Эриха Фромма, отделившего авторитарную совесть поля Эгосистемы от гуманистической совести поля интеллекта, подтверждает это положение Ренана.

У Гете в «Фаусте» в этой связи есть изображение трагедии шекспировской глубины. Это всем известная знаменитая развязка первой части, когда Фауст, соблазнивший «невинное дитя» Гретхен, становится виновником страшных бед постигших ее возлюбленную, которая к тому же видит в этих несчастьях грехи своей нечистой совести. Ее мать отравлена, чтобы они с Фаустом могли провести ночь, ее брат убит на дуэли с Фаустом, ее ребенка отобрали, и она не знает где он похоронен. И пока все эти страшные события с ней происходили, ее возлюбленный герой Фауст скитался где то по шабашам ведьм, и только случайно узнает о том, что Гретхен ждет казни в тюрьме за свои злодеяния, которые всецело на его совести. Фауст в камере у Гретхен, она рассказывает как виновата перед матерью, братом и ребенком, и он уговаривает ее бежать. Но она отказывается, потому что нет такого места во вселенной где бы она могла спрятаться от своей совести. Но при чем здесь Гретхен, если все это дело рук Фауста? Однако, Гретхен казнят, а Фауст поедет строить замки и воевать на новой троянской войне за Елену Троянскую.

Гете удалось хорошо передать глубину горя Гретхен и ее ужас перед преступлением против совести, которое она считает своим. Несомненно такая правдивость образов стала результатом того, что Гете действительно любил девушку с таким име-

нем, и действительно пережил большое горе в молодости. Это был круг молодых людей из простого люда, с которыми он дружил будучи сам много выше их по положению, и тайно любил Гретхен. И вот однажды по его вине всех арестовали, и Гретхен оже, и его родственники заставили его давать против них показания, и против Гретхен. И для совести Гете это был такой страшный удар, что он едва не лишился рассудка, и много дней провел рыдая на своей кровати, без еды и света, пока не узнал, что Гретхен отпустили и что она, давая показания, назвала его «ребенком». Он и в самом деле был юным, но его оскорбили эти слова, и ему стало легче. И вот в Фаусте оживает эта старая история почти что его детства, и теперь Фауст называет Гретхен «дитя», и Фауст по прежнему чувствует страшную тяжесть преступления против совести, когда вспоминает Гретхен. Так Гете опоэтизировал свое большое горе юности, и так история Гретхен ожила и заиграла всеми красками действительной трагедии.

У Достоевского такие трагедии совести всегда заканчиваются так, как одобрил бы Кьеркегор: выбором в пользу этического и отказом от Гибрис-Эго поля Эгосистемы. Так «раскаиваются» байронические герои русской литературы, как сказал бы Мережковский. И герои Шекспира, добавим мы. Но не герои Гете и Ницше.

Гете столь глубоко, правдиво и правильно изобразив трагедию преступления против совести (одинаково для Фауста и Гретхен) вместо того, чтобы привести к развязке Шекспира или Достоевского, когда герой осознал всю глубину метафизической трагедии и посвятил свою жизнь тому «рыцарскому посвящению» этического выбора, о котором пишет Кьеркегор, делает выбор в пользу этического, в пользу языческой трагедии Ницше. Фауст едет на новый шабаш сатанинских сил, теперь уже не христианских, но античных ведьм и чертей, цинично величая темные силы тех и других — родственниками. Преступление против совести не только не сломило его, оно никак не повлияло на его мировоззрение и дальнейшую жизнь. Он продолжает искать удовольствий, продолжая продавать свою душу. И вот мы

видим его Государем и новым Парисом, готовым ехать на войну с Менелаем за прекрасную Елену. Таков эстетический выбор Гете в трагедии Фауст, и такой же эстетический выбор сделает вскоре Ницше.

Мережковский в статье о Гете пишет, что гений Гете объединил христианство и язычество. Это конечно неправда. Нельзя объединить несоединяемое: две антагонистичные энергии, поле интеллекта и поле Эгосистемы. Античная метафизика интеллекта Сократа и Платона соединилась с этической религией иудеев в христианской церкви, — и в этом единство поля интеллекта. А вот языческая мифология магического сознания и этическая религия христианства соединиться никогда не смогут. И Мережковский понял это в конце жизни, когда сказал, что в Христе уже соединилось все здоровое наследие античности, а вот Христа с Антихристом соединить не удастся.

Увы, и Гете и Ницше остались только Антихристами, в отличии от Шекспира, Кьеркегора или Достоевского. Не надо поэтизировать поле Эгосистемы, не надо называть его эстетическим, не надо называть Антихриста Прометеем. Не надо романтики языческой мифологии, не надо гимнов преступлению против богов (как в Кольце Нибелунгов Вагнера, где в финале Зигфрид, срисованный с Ницше, сжигает небеса вместе со всеми небожителями). Надо помнить об истинной трагедии, которая есть преступление против Бога-Творца, преступления против совести, отражающей законы Бога-Творца. Надо помнить, что единственный способ спасти себя от метафизической катастрофы — это предать Гибрис-Эго анафеме как Антихриста, погубившего античность. Однако, Гете выбирает Гибрис — Эго Антихриста и называет себя Прометеем, который кует людей, презирающих бога. Ницше и стал таким его учеником и процитировал эти стихи Гете в «Рождении Трагедии».

ГЛАВА 3. НИЦШЕ И «КАЗУС ВАГНЕР»

1. «ШОПЕНГАУЭРОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК» У НИЦШЕ

Что завораживает в философии Ницше? Его страстные поиски «высшего человека»; его непоколебимая уверенность в существовании этого человека; его утверждающее презрение к «декадансу» современности, который есть упадок культуры и «болезнь человека». Он готов ждать целую вечность этих высших людей, этих «детей будущего», даже если в современности их все еще нет. Поражает та отчетливость, с которой он утверждает это будущее «сверхчеловеков», слово он ясно видит их перед своим взором.

Никто с такой рельефностью не ставил до Ницше вопрос о том, что такое «высшие» и «низшие» люди, и является ли действительно этот вопрос краеугольным камнем в жизнедеятельности человека.

Для Сократа и Платона «высшие люди» — это люди высшего разума, философы и ученые, которые сумели подчинить разуму чувства и тело, и стали добродетельными в обществе таких же разумных и честных людей. Для языческой мифологии, с которой боролись Сократ и Платон, «высшие люди» — это герои-полубоги, великаны, утверждающие своим физическим превосходством свою волю. Для Христианства «высшие люди» — соль земли «истины и духа», светоч разума и добродетели, который ведет за собой человечество, его «святые».

Когда в 19 веке христианская философия была пересмотрена уже научным методом ученых, и очищена от волшебной мифологии (магического сознания), то в общем, родство платонизма (сократизма) и христианства стало еще более очевидно. Так что, «соль земли», как «гениев разума и добродетели» и сократизм и христианство понимали примерно одинаково. А. Тойнби обобщил это понимание «аристократии» как «святых» и как «интеллигенции» в своем известном труде «Постижение истории». Там же он цитирует термин из Евангелия «соль земли», когда говорит об аристократии «святых».

Э. Ренан в «Будущем науки» дает еще более прекрасное определение «высших людей» как духовного гения мысли, как «священного идеала нравственности», как великой творческой силы, порожденной «областью божественного»:

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Недалек уже тот день, когда люди признают, что возвышенный смысл вещей, высшая критика, великая любовь, истинно благородное искусство и священный идеал нравственности возможны только в том случае, если мы с самого начала перейдем в область божественного, если все прекрасное, все чистое и приятное мы признаем одинаково святым и почтенным, если мы будем смотреть на то что есть как на единственный порядок вещей, и на что составляет природу, как на разнообразные проявления, цветы и побеги единого тождественного живого основания.
>
> Итак, все связанное с высшей жизнью человека, с той жизнью которая отличает его от животного, — священно и заслуживает страстной привязанности прекрасных душ. Прекрасное чувство стоит прекрасной мысли и последняя стоит прекрасного действия. Философская система стоит поэмы, последняя стоит научного открытия, жизнь ученого стоит жизни добродетельного человека. Совершенством можно было бы признать такого человека который в одно и то же время был бы поэтом, философом, ученым и добродетельным человеком. Образец совершенства дан нам самим человечеством; наиболее совершенна такая жизнь, которая лучше всего представляет все человечество. Но образованное человечество не только нравственно, оно также учено, обладает большим любопытством, поэтическим талантом и страстностью.
>
> Жизнь гениальных людей представляет почти всегда восхитительное

> зрелище огромных умственных способностей в соединении с очень развитым поэтическим чувством и очаровательной душевной добротой, так что жизнь их представляет почти всегда наиболее прекрасное произведение их и составляет существенную часть полного собрания их произведений. Слова философия поэзия, наука, искусство составляют не столько различные объекты умственной деятельности человека, как различные способы рассмотрения одного и того же предмета, то есть живое существо во всех его проявлениях.
> Все гении бывают обыкновенно универсальными по отношению к предмету своего исследования, и насколько мелкие умы совершенно невыносимы, когда доказывают исключительное превосходство своего искусства, настолько правы великие люди когда доказывают что их искусство заключает всего человека, потому что хотят выразить нечто неделимое — душу или Бога».

Ницше в свой первый, метафизический, период творчества вполне идет в русле мыслей этих великих людей, и говорит о «высших людях» как о том божественном в человеке, что ему дает метафизика интеллекта. В «Шопенгауэре как воспитателе» Ницше вполне достоин стоять рядом с Сократом, Спинозой, Кьеркегором, Ренаном, Тойнби, Швейцером в понимании того, что есть истинная аристократия, и каков смысл и цель истории, как эволюции человека к духовным высотам этих гениев. И здесь он понимает истинную роль христианства и его идеала «святого» и признает его как эволюцию в сторону становления духовной энергии и преодоления материальной энергии животного мира.

Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель»:

> «Стоит вспомнить лишь о том, что стало постепенно из христианства под влиянием государственного эгоизма! Христианство есть, несомненно, одно из чистейших проявлений описанного влечения к культуре и притом именно к непрерывному созиданию святого; но так как оно в тысяче отношений было использовано для того, чтобы вертеть мельницы государственной власти, оно постепенно стало больным до мозга костей, лицемерным и лживым и выродилось до противоречия со своей первоначальной целью».
> «Поистине, тяжкая кара — жить в образе животного, томясь от голода и вожделений и не имея ни малейшего понимания этой жизни, и нельзя придумать судьбы более тяжелой, чем судьба хищного зве-

ря, который гоним в пустыне мучительной нуждой, редко утоляет эти муки, да и то лишь так, что само удовлетворение становится страданием, достигаясь в раздирающей борьбе с другими зверями или выражаясь в отвратительной жадности и пресыщении. Быть так слепо и бешено привязанным к жизни без всякого высшего вознаграждения с ее стороны, не иметь даже и отдаленного знания о том, почему и за что терпишь это наказание, а, напротив, с ужасающей страстью бессмысленно жаждать его, как какого-то счастья — вот что значит быть животным; и если вся природа движется в сторону человека, то она дает этим понять, что человек нужен ей для ее спасения от проклятия животной жизни и что в нем, наконец, бытие находит себе такое отражение, в котором жизнь является уже не бессмысленной, а обнаруживает свою метафизическую значительность. Но рассудим поглубже: где кончается зверь и где начинается человек? Но ведь так живем мы все значительную часть нашей жизни: мы не выходим обычно из животного состояния, мы сами — звери, осужденные, по-видимому, на бессмысленное страдание».

«Это те подлинные люди, которые уже не звери, — философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает свой единственный скачок, и притом скачок радости, ибо она чувствует себя впервые у цели, — т. е. там, где она понимает, что должна разучиться иметь цели и что она делала слишком высокие ставки в игре жизни и становления. Она преображается при этом познании, и кроткая вечерняя усталость — то, что люди зовут «красотой», — покоится на ее лике. То, что она высказывает теперь с этим преображенным выражением лица, есть великая разгадка бытия; и высшее желание, какое может иметь смертный, это — длительно и с открытыми ушами прислушиваться к этой разгадке.

Подняться так высоко, как поднимается мыслитель, в чистую атмосферу Альп и снегов, туда, где нет уже туманов и завес и где основная сущность вещей выражается в резких и застывших формах, но с совершенной понятностью! При одной мысли об этом душа становится одинокой и бесконечной; но если бы ее желание исполнилось, если бы когда-либо взор пал на вещи прямо и светло, подобно лучу света, если бы замерли стыд, робость и вожделение, — каким словом назвать тогда ее состояние, этот новый и загадочный трепет без возбуждения, с которым она тогда, подобно душе Шопенгауэра, осталась бы лежать на великой, писанной образами книге бытия, на окаменевшем учении о становлении не как ночь, а как раскаленный красный свет, заливающий весь мир. И какая участь — почуять своеобразное назначение и блаженство философа, чтобы ощутить

> всю шаткость и все злосчастие нефилософов, безнадежно жаждущих!»

И здесь мы уже можем ответить на вопрос, что завораживает в философии Ницше? Его страстность в искании истины «высших людей», когда он ставит вопрос правильно, когда он в русле всего развития культуры понимает этот процесс становления «гениев» и «соли земли» как эволюцию всего человечества в направлении Духовной Энергии поля интеллекта, а значит как эволюцию в направлении от избавления от материальной энергии поля Эгосистемы.

Действительно, люди, которые все еще несут бремя активного поля Эгосистемы, в лучшем случае еще пока уподобляются животным, подобно аборигенам. Конечно, магическое сознание абориген это уже не биологическая энергия, но это тоже материальная энергия циклического гомеостаза, физического контроля сохранения силы психики, и в этом смысле такая же бессознательная энергия, не имеющая никакого отношения к сокровищам метафизики интеллекта. И поскольку в основе психики каждого человека поле интеллекта духовной энергии, постольку смысл и цель истории действительно в том, чтобы человек однажды очистил свою духовную энергию от поля материальной энергии, с тем чтобы гений его духа получил оптимальное, заложенные в человеке импульсы к своему развитию. В этом смысле Плач Ницше по высшему человеку и его отвращение от «Низшего человека», как потери для духовной энергии человечества абсолютно справедлив. Особенно, когда материальная энергия превращается в сатанизм сознательного глумления над духовной энергией посредством подлости, лжи и садизма.

Однако, Ницше не всегда останется тем метафизиком интеллекта, прославляющим метафизическое бытие бескорыстных поисков истины в поисках идеала «святого, художника и философа», которым он предстает в свой первый период творчества. Во втором периоде, он как известно, совершит поворот на 360 градусов, и откажется от метафизики интеллекта, насмеявшись и над разумом, и над идеалом святого, и над поэтом,

и над духом, и над моралью «добрых и праведных», и взяв сторону того самого животного мира дарвинизма, от которого он так бежал в свой первый период творчества. Небо и земля меняются местами в философии Ницше: раньше «небо» высших людей было божественным разумом, а адом низших людей было животное состояние (материальные энергии пассивного интеллекта); теперь небо высших людей — животный мир дарвинизма, а ад низших людей — метафизика морали, метафизика разума, метафизика «добрых и глупых».

И здесь действительно глубокий трагизм философии Ницше: ведь никто не искал так искренне и страстно идеал человека как конечную и высшую цель истории; и именно ему пришлось пожинать обратный результат. Ведь он в конечном итоге возвел в ранг «сверхчеловека» всех «низших людей» в их сатанизме лжи, насилия и похоти, когда объявил «высшим» победу сильнейшего над слабыми в животном мире, когда признал закон отбора дарвинизма — главным и единственным законом истории уже человека. Так страстно желать правды и так много сделать для торжества неправды! Вот в чем истинная трагедия жизни Ницше. И он вполне рассказал о трагедии своей жизни в «Заратустре»: что «топор, сразивший его» есть топор, которым он убил Бога; что «величие» которого он искал оказалось без Бога ложным, ненастоящим, сатанинским «величием» поля Эгосистемы; и что его теория сверхчеловека –власти, команды насильника над слабыми — дурная теория, и он слышит смех над собой, который разрывает его сердце. Чей это смех? Это смех его собственного еще живого внутреннего голоса духовной энергии.

Ницше, «Так говорил Заратустра»:

> «О Заратустра, я устал, противны мне искусства мои, я не велик, для чего
> притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо, — я искал величия!
> Великого человека хотел я представлять и убедил в этом многих; но эта ложь была
> свыше сил моих. Об нее разбиваюсь я.
> О Заратустра, все ложь во мне; но что я разбиваюсь — это правда во мне!» —

> «Это делает тебе честь, — сказал Заратустра мрачно и смотря в сторону, — делает
> тебе честь, что искал ты величия, но это же и выдает тебя. Ты не велик.
> Злой, старый чародей, это твое лучшее и самое честное, и я чту в тебе то, что
> устал ты от себя и сказал: «Я не велик».
> За это чту я тебя, как кающегося духом: даже если только на один миг, но в этот
> момент был ты — правдив».

Ницше, «Так говорил Заратустра»:

> «Я предостерегаю тебя и против меня. Ты разгадал мою лучшую, мою худшую
> загадку, меня самого и что свершил я. Я знаю топор, сразивший тебя.
> Но он — должен был умереть: он видел глазами, которые все видели, — он видел
> глубины и бездны человека, весь его скрытый позор и безобразие.
> Его сострадание не знало стыда: он проникал в мои самые грязные закоулки.
> Этот любопытный, сверх-назойливый, сверх-сострадательный должен был умереть.
> Он видел всегда меня: такому свидетелю хотел я отомстить — или самому не жить.
> Бог, который все видел, не исключая и человека, — этот Бог должен был умереть!
> Человек не выносит, чтобы такой свидетель жил».
> Так говорил самый безобразный человек. Заратустра же встал и собирался уходить:
> ибо его знобило до костей».

Ницше, «Так говорил Заратустра»:

> «Тогда во второй раз сказала она мне беззвучно: «Ты знаешь это, Заратустра, но ты не
> говоришь об этом!» — И я отвечал наконец, подобно упрямцу: «Да, я знаю это, но не хочу говорить об этом!»
> Тогда опять сказала она мне беззвучно: «Ты не хочешь, Заратустра? Правда ли
> это? Не прячься в своем упорстве!»
> И я плакал и дрожал, как ребенок, и наконец сказал: «Ах, я хотел бы, но разве могу я!

> Избавь меня! Это свыше моих сил!»
> Тогда опять сказала она мне беззвучно: «Что тебе за дело, что случится с тобой,
> Заратустра? Скажи свое слово и разбейся!»
> Разве ты не знаешь, кто наиболее нужен всем? Кто приказывает великое.
> Совершить великое трудно; но еще труднее приказать великое.
> Самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, и ты не хочешь властвовать».
> И я отвечал: «Мне недостает голоса льва, чтобы приказывать».
> И я отвечал: «Мне мешает стыд».
> Тогда опять сказала она мне беззвучно: «Ты должен еще стать ребенком, чтобы
> стыд не мешал тебе.
> И я решался долго и дрожал. Наконец сказал я то же, что и в первый раз: «Я не хочу».
> Тогда раздался смех вокруг меня. Ах, смех этот разрывал мне внутренности и надрывал мое сердце!»

Попробуем теперь продемонстрировать, что в первый период своего творчества Ницше стоит на прямо противоположной позиции: он прославляет метафизику интеллекта и «священный идеал нравственности» как цель и смысл истории в гениях человечества. В приведенной ниже цитате видно, что здесь Ницше является вовсе не как певец «радикального индивидуализма», а напротив он пророчит единство всего человеческого на высших ступенях культуры; и понимает высшие ступени культуры как преодолении «личной воли», и соединение с «единым сущим», с «волей к могуществу» Шопенгауэра. «Преодоление себя», отрицание «внешней комедии» жизни, чтобы найти истинную суть истинной воли, единой со всеми, — так в терминах философии Шопенгауэра он высказывает основную мысль теории психической энергии: преодоление материальной энергии поля Эгосистемы с тем, чтобы очистить и излечить поле интеллекта духовной энергии. Здесь, до открытия психической энергии и до революции Энергетики, что позволит говорить в точных терминах энергетики, все выеликие мыслители, говорили расплывчатыми терминами филосо-

фий и этических религий. Так, Кьеркегор различает «вечное Я» и «временное Я», где временное Я порождено «кривым зеркалом» ложного восприятия; Спиноза говорит об истинном познании, которое обуславливает истинное Я интеллектуальной любви к Богу и о ложных аффектах, которые порождают ложное Я и иллюзию существования. Гуманистическая психология разделяет «истинное Я» и «ложное Я» (К. Хорни), или «гуманистическую совесть и авторитарную совесть» (Э. Фромм) и так далее. Ницше пользуется терминологией Шопенгауэра, чтобы выразить ту же общую мысль, которая со временем приведет к открытию психической энергии:

Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель»:

> «И тут я дошел до ответа на вопрос: возможно ли связать себя правильной самодеятельностью с великим идеалом шопенгауэровского человека? Прежде всего бесспорно следующее: эти новые обязанности не суть обязанности одинокого; напротив, обладая ими, принадлежишь к могущественному сообществу, которое соединено, правда, не внешними формами и законами, но зато единой основной мыслью. Это — основная мысль культуры, поскольку последняя ставит перед каждым из нас лишь одну задачу: содействовать созиданию философа, художника и святого в нас и вне нас и тем трудиться над совершенствованием природы. Ибо как природа нуждается в философе, так она нуждается и в художнике — для метафизической цели ...И, наконец, природа нуждается в святом, в котором совершенно растворилось «я» и страдальческая жизнь которого уже не ощущается или почти не ощущается индивидуально, а сознается как глубочайшее чувство равенства, солидарности и единства со всем живущим — в том святом, в котором осуществляется чудесное превращение, недоступное игре становления, высшее и конечное вочеловечение, к которому стремится и влечется вся природа, как к спасению от самой себя. Нет сомнения, что мы все родственны ему и связаны с ним подобно тому, как мы родственны философу и художнику; бывают мгновения и как бы искры самого яркого и любвеобильного пламени, при свете которого мы уже не понимаем слова «я»; по ту сторону нашего существа лежит нечто, что в такие мгновения становится посюсторонним, и потому мы из глубины души жаждем мостов между тем и этим берегом.
> ...Лишь когда, в нынешней или грядущей жизни, мы сами будем приняты в этот возвышенный орден философов, художников

> и святых, будет поставлена и новая цель нашей любви и ненависти; пока же у нас есть наша задача и наш круг обязанностей, наша ненависть и наша любовь. Ибо мы знаем, что такое культура. Она требует в отношении шопенгауэровского человека, чтобы мы постоянно подготовляли его созидание и содействовали ему, узнавая и устраняя с пути все враждебное культуре, — словом, чтобы мы неутомимо боролись против всего, что лишило нас высшего осуществления нашего бытия, помешав нам самим стать такими шопенгауэровскими людьми».

Ницше, «Шопегауэр как воспитатель»:

> «ведь все людские порядки устроены так, чтобы постоянно рассеивать мысли и не ощущать жизни. Почему же он так сильно хочет противоположного, т. е. непременно ощущать жизнь, — а это значит — страдать от жизни? Потому, что он замечает, что его хотят обмануть относительно его самого, и что существует некоторого рода заговор, чтобы выкрасть его из его собственной пещеры. И вот он противится, навостряет уши и решает: «я хочу принадлежать самому себе!» Лишь постепенно он начинает понимать, как страшно это решение. Ибо отныне он должен спуститься в глубины бытия, с рядом необычайных вопросов на устах: зачем я живу? Какой урок могу я взять от жизни? Как я стал тем, что я есть, и почему же я страдаю от этой моей природы? Он мучится и видит, что никто так не мучится, что, наоборот, руки его ближних страстно протянуты к фантастическим событиям, разыгрывающимся на политической сцене, или что они сами разгуливают в сотне масок, переодетые юношами, мужами, старцами, отцами, гражданами, священниками, чиновниками, купцами, суетливо озабоченные своею общею комедией и нисколько не думая о себе самих.
> Это вечное становление есть лживая кукольная комедия, из-за которой человек забывает себя самого, развлечение, которое рассеивает личность во все стороны, нескончаемая игра тупоумия, которою большое дитя — время — забавляется перед нами и с нами. Героизм же правдивости состоит в том, чтобы в один прекрасный день перестать быть его игрушкой. В становлении все пусто, обманчиво, плоско и достойно нашего презрения; загадку, которую человек должен разрешить, он может разрешить лишь в бытии, в бытии таким, а не иным, — лишь в непреходящем. Теперь он начинает испытывать, как глубоко он сросся со становлением, с одной стороны, и с бытием — с другой; чудовищная задача восстает перед его душой: разрушить все становящееся, осветить все ложное в вещах. Он тоже хочет все познать, но он хочет это иначе, чем гётевский чело-

> век, не ради благородной изнеженности, чтобы сохранить себя и усладить многообразием вещей; напротив, себя самого он первого приносит в жертву. Героический человек презирает свое благополучие и злополучие, свои добродетели и пороки и вообще измерение вещей меркой своей личности, он ничего не ждет больше от самого себя и хочет во всех вещах увидеть эту безнадежную их основу. Его сила лежит в самозабвении; и если он вспоминает себя, то он смотрит на себя с высоты своей великой цели, и ему кажется, что под собой и позади себя он видит неприметную горку шлака».

2. «САМЫЙ БЕЗОБРАЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Роковым переломным моментом в творчестве Ницше стало сотрудничество с Вагнером, как известно.

Есть два известных очерка Ницше о его «учителе» Вагнере: панегирик «Вагнер в Байрете» и критический очерк «Казус Вагнер». В первом очерке Ницше рекомендует Вагнера как «очищение» через культуру на пути к «Шопенгауэровскому человеку». Во втором очерке все меняется с точностью до наоборот: теперь Вагнер — болезнь, и его культура — это ложь искусного фокусника Калиостро, колдуна Клингзора, «старого чародея». Что же произошло, почему Ницше вдруг так резко поменял свое мнение о Вагнере, и почему это таким роковым образом сказалось на его творчестве? Ибо именно тогда он потерял свою «связь с идеалом и стал бесплодным» согласно с его собственными словами в «Шопенгауэр как воспитатель». Это в точности то, что с ним произошло:

> «Третья опасность есть ожесточение в нравственном и в интеллектуальном отношении: человек разрывает нить, которая его связывала с его идеалом; он перестает быть плодотворным в той или иной области, перестает созидать себе подобное и в отношении культуры становится вредным или бесполезным».

Что же послужило толчком для такого ожесточения? Известны слова Ницше в одной из последних, в «Ecce Homo», где он говорит, что «На их с Вагнером небосклоне не было ни одного облачка», и выражает ему благодарность. Однако, что стоят эти

слова если вспомнить другие из «Казус Вагнер», где Ницше противопоставляет «Кармен» Бизе — Вагнеру, и говорит о Вагнере как о невиданном лжеце и хаме:

Ницше, «Казус Вагнер»:

> «А как он достигается! Без гримас! Без фабрикации фальшивых монет! Без *лжи* высокого стиля! — Наконец: эта музыка считает слушателя интеллигентным, даже музыкантом, — она и в *этом* является контрастом Вагнеру, который, как бы то ни было, во всяком случае был *невежливейшим* гением в мире (Вагнер относится к нам как если бы — —, он говорит нам одно и то же до тех пор, пока не придешь в отчаяние, — пока не поверишь этому)».

Очевидно, что были не только «облачки», но была проблема и серьезная проблема в их отношениях. Д. Галеви цитирует слова Ницше в своей известной книге о нем: «Да, Вагнер гений, если сумел всех убедить в своем искусстве, но он гений лжи, а я имею честь быть гением истины». Где-то эти слова отражают суть дела, если вспомнить, как честно Ницше всякий раз высмеивает свои собственные заблуждения.

Для Ницше Вагнер — гений «метафизики искусства», гений музыки, которая говорит противоположным Сократу языком: не теорией интеллекта, а бессознательными символами (он много говорит о символах, заменяя ими теоретические понятия рационального дискурса). Это символы языческой мифологии, иначе говоря магического сознания поля Эгосистемы которое разумеется ничего общего с метафизикой (то есть пространством интеллекта активного мышления) не имеет. В Романтике Гибрис-Эго ложного интеллекта поля Эгосистемы видится Ницше — «метафизика», которая сводится в его понимании «трагедии» к эпосу «героя-борца». Вот в этих словах Ницше можно видеть, что он подчеркивает, что Вагнер важен для него именно как начало «дионисийское», то есть мифология символов, противоположная рационализму и теоретическому дискурсу, и что он называет романтику магического сознания — метафизикой.

Болезнью Ницше был не Вагнер, а его «дионисизм», который для Вагнера был только средством к успеху в его драматур-

гии. И когда Ницше понял, что искусство Вагнера — ложь, он обвинил не свой «Дионисизм», а самого Вагнера, и «метафизику искусства», которую он ему сам приписал.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Теперь нам становится необходимым смело и с разбега броситься в метафизику искусства, причем я повторю уже высказанное мною раньше положение, что лишь как эстетический феномен существование и мир представляются оправданными; понятая так, задача трагического мифа и заключается в том, чтобы убедить нас, что даже безобразное и дисгармоническое есть художественная игра, в которую Воля, в вечной полноте своей радости, играет сама с собою. Этот трудно постигаемый первофеномен дионисического искусства делается, однако, понятным прямым путем и непосредственно постигается в удивительном значении *музыкального диссонанса*; как и вообще музыка, поставленная рядом с миром, одна только может дать нам понятие о том, чт*о* следует понимать под оправданием мира как некоторого эстетического феномена.
> Нет, я обращаюсь лишь к тем, кто, непосредственно сроднившись с музыкой, имеют в ней как бы свое материнское лоно и связаны с вещами почти исключительно при посредстве бессознательных музыкальных отношений. К этим подлинным знатокам музыки обращаю я вопрос: могут ли они представить себе человека, который был бы способен воспринять третий акт «Тристана и Изольды» без всякого пособия слова и образа, в чистом виде, как огромную симфоническую композицию, и не задохнуться от судорожного напряжения всех крыльев души? Человек, который, как в данном случае, словно бы приложил ухо к самому сердцу мировой воли и слышит, как из него бешеное желание существования изливается по всем жилам мира — то как гремящий поток, то как нежный, распыленный ручей, — да разве такой человек не был бы сокрушен в одно мгновение? Да разве он мог бы в жалкой стеклянной оболочке человеческого индивида вынести этот отзвук бесчисленных криков радости и боли, несущихся к нему из «необъятных пространств мировой ночи», и не устремиться неудержимо при звуках этого пастушьего напева метафизики к своей изначальной родине?»

Достаточно вспомнить пророчество Ницше о роли, которую он отводит театру Вагнера в «Рождении Трагедии», чтобы понять, какого рода неразрешимая проблема встала между ними. Ницше разделив «эстетику дионисизма» и «этику сократизма»,

пророчит победу первого и поражение второго. И победу «эстетики дионисизма» должен принести театр Вагнера, разумеется. Тут важно помнить, что под «эстетикой дионисизма» Ницше понимает языческую мифологию, то есть магическое сознание первобытных людей. А значит, материальную энергию поля Эгосистемы! Ведь вся «драматургия» Вагнера есть не больше и не меньше как попытки копировать греческую мифологию языческого Олимпа, чтобы воскресить «домашних немецких богов» германского язычества. То есть пропагандой магического сознания первобытных людей — основы поля Эгосистемы материальной энергии.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Но пусть не приходит ему в голову, будто он может вести подобную борьбу помимо своих домашних богов, помимо своей мифической родины, помимо «возвращения» всего немецкого! И если бы немец стал робко оглядываться и искать себе вождя, способного снова ввести его в давно утраченную родину, пути и тропы в которую он только еле помнит, — то пусть прислушается он к радостно манящему зову дионисической птицы, она носится над ним и готова указать ему дорогу туда
> К нашему утешению, однако, оказались и признаки того, что немецкий дух, несмотря ни на что, не сокрушенный в своем дивном здоровье, глубине и дионисической силе, подобно склонившемуся в дремоте рыцарю, покоится и грезит в не доступной никому пропасти; из нее-то и доносится до нас дионисическая песня, давая понять нам, что этому немецкому рыцарю и теперь еще в блаженно-строгих видениях снится стародавний дионисический миф. Пусть никто не думает, что немецкий дух навеки утратил свою мифическую родину, раз он еще так ясно понимает голоса птиц, рассказывающих ему об этой родине. Будет день, и проснется он во всей утренней свежести, стряхнув свой долгий, тяжелый сон; тогда убьет он драконов, уничтожит коварных карлов и разбудит Брунгильду; и даже копье Вотана не в силах будет преградить ему путь»

Какое точное предсказание Гитлера, поднимающегося из немецкого духа дионисийского мифа, то есть из магического сознания поля Эгосистемы, предсказывает здесь Ницше! И ведь именно в театре Вагнера найдет этот «дух» свое святилище!

То, что Ницше определяет как «метафизику эстетики» уже есть болезнь, и он становится на сторону этой болезни против здоровья «этики Сократа»! Конечно, будучи одаренным мыслителем Ницше в конечном итоге обнаружит свою ошибку, обнаружит всю лживость Гибрис-Эго поля Эгосистемы, которое он принимал за истинную метафизику! Для Вагнера его «драмы» — только игра в искусство, он — актер, и для него главное — успех, а не истина или ложь его драмы! И он добивается успеха! Сам Ницше говорит о выдающемся таланте Вагнера именно как актера в «Казус Вагнер», отрицая претензии Вагнера на роль музыканта: тот кто свел музыку до степени средства для драмы, не может быть музыкантом, говорит Ницше.

Ницше, «Казус Вагнер»:

> «Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Что она делает с умом? *освобождает ли Вагнер ум*? — Ему свойственна всякая двойственность, всякая двусмысленность, вообще все, что убеждает невежд, не доводя их до сознания, *для чего* их убедили? Это делает Вагнера соблазнителем высокого стиля. Нет ничего усталого, отжившего, жизнеопасного и поносящего мир в духовной области, что не было бы взято его искусством тайно под защиту, — это самый черный обскурантизм, скрываемый им под светлыми покровами идеала. Он льстит каждому нигилистическому (— буддистскому) инстинкту и переряжает его в музыку, он льстит каждой христианственности, каждой религиозной форме décadence.
> Никогда еще не было более великого мастера в удушливых гиератических благовониях, — никогда еще не жил равный знаток всего *маленького* бесконечного, всего дрожащего и чрезмерного, всех феминизмов из идиотикона счастья! — Отведайте только, друзья мои, волшебного зелья этого искусства! Вы нигде не найдете более приятного способа энервировать ваш дух, забывать о вашем мужестве под розовым кустом... Ах, этот старый чародей! Этот Клингзор из Клингзоров! Как воюет он этим с *нами*! с нами, свободными умами! Как угодливо говорит он каждой трусости современной души чарующими звуками девичьего голоса! — Никогда не существовало такой *смертельной ненависти* к познанию! — Надо быть циником, чтобы не быть здесь обольщенным, нужно иметь способность кусать, чтобы не боготворить здесь. Хорошо, старый обольститель! Циник предостерегает тебя — cave canem»

Ницше не актер, и не драматург, Ницше — философ, и для него истина не пустой звук. Он глубоко оскорблен лживостью искусства Вагнера, которое он воспринимал как истинную метафизику, и как дорогу на пути к «гениям» шопенгауэровского человека. Хотя и не сознает, что его «Дионисизм» есть именно такая ложь оторванного от действительности интеллекта на поле Эгосистемы, и что Вагнер правильно использует эту ложь для личного успеха, а сам он не прав, когда посредством «дионисизма» хочет найти истину и прийти к «гениям» человечества.

И вместо того, чтобы отказаться от магического сознания «дионисизма», от языческой мифологии, с которой воевали еще Сократ и Платон, Лукиан и Ювенал, Ницше отказывается от метафизики вообще. Он запутался, не нашел корня ошибки, определив ошибку в «романтизме» Вагнера, в его «идеалах», и почитая этот романтизм за «Метафизику». Если где то есть метафизика — то это метафизика интеллекта Сократа, а вовсе не магическое сознание языческой мифологии, которая есть материальная энергия. Но именно против Сократа и восстает Ницше. И отождествляет «оптимизм» Сократа с «оптимизмом» романтики Вагнера.

С этого момента, с разрыва с метафизикой, его творчество обречено на погибель. Он «разрывает нить, которая связывала его с его идеалом», и теперь уже его «высшие люди» суть только дарвиновские обезьяны под большим увеличительным стеклом.

Ницше, «Ecce Homo»:

> «Одно заблуждение за другим выносится на лед, идеал не опровергается — *он замерзает*... Здесь, например, замерзает „гений“; немного дальше замерзает „святой“; под толстым слоем льда замерзает „герой“; в конце замерзает „вера“, так называемое „убеждение“, даже „сострадание“ значительно остывает — почти всюду замерзает „вещь в себе“...»

Посмотрим, что же остается от теории «высшего человека» Ницше после того, как «замерз» его идеал. Е. Трубецкой пишет в «Философии Ницше», что философия последнего есть своего рода «исторический материализм», поскольку Ницше понимает

«мораль» как выражение ценностей двух антагонистических классов: класса рабов и класса господ. То, что исторически сделало господ — господами, это и есть «Мораль Господ» и она достойна высшей похвалы именно в силу Победы Сильного. Это и есть единственная мораль, которую следует признавать — Мораль насильников-завоевателей. «Победителей не судят», одним словом. Напротив, следует учиться у них всему, что привело к победе, и возводить все в ранг закона.

Д. Галеви, «Жизнь Ницше»:

> «Как создалось подчинение раба, «слепого крота культуры»? «От греков мы узнаем, — пишет Ницше, — побежденный принадлежит победителю, с женою и детьми, с имуществом, плотью и кровью. Власть дает первое право, и нет такого права, которое по существу своему не было бы присвоением, захватом, насилием»

Трубецкой, «Философия Ницше»:

> «В борьбе господ и рабов Ницше видит основной мотив всей европейской истории. Этой борьбой он объясняет не только ге#незис нравственности, но и образование религии, философских систем, идеалов социальных и политических. Языческая древ#ность для него — по существу воплощение аристократического идеала; напротив, иудейство и христианство — олицетворение всего, что только есть рабского; в этих мировых религиях, воз#вестивших «равенство людей перед Богом», выразилось, по его мнению, «восстание рабов против господ». Крушение языческо#го Рима, господство церкви в средние века, победа реформации над языческим духом эпохи Возрождения, падение империи Наполеона I и наступившее после того господство демократи#ческих тенденций в европейской жизни, — все это — различ#ные стадии того исторического процесса, который в наши дни привел к окончательному торжеству рабов — массы слабых над меньшинством сильных.
>
> Такова «мораль силы». На свете нет иного Божества, кроме силы. Раз вся жизнь есть воля могущества, ценность каж#дого существа, следовательно, каждого человека и человеческо#го типа — измеряется степенью его могущества *****. «Я ценю человека, — говорит Ницше, — по количеству его могущества и по полноте его воли». Могущество же каждой воли измеряет#

ся ее силой сопротивления, ее способностью переносить страда#
ние и пытку, утилизировать самое страдание для своего возвы#
шения6*. Степени могущества различны, а потому и ценности
неодинаковы. Поэтому скрижали ценностей, те новые скрижа#
ли, которыми Ницше хочет заменить старые, установляют из#
вестный иерархический порядок: они представляют собою не
более, не менее, как *шкалу сил*. Все прочие «ценности» суть
плоды предрассудка, недоразумений, наивности. Повышение
того или другого индивида в лестнице сил означает для него
увеличение ценности; напротив, уменьшение силы означает и
уменьшение ценности. Мы видели раньше, что в глазах Ницше симпатические вле#
чения служат признаком слабости, а себялюбие, возведенное в
принцип, напротив, — признаком силы.

Доселе гибель слабых задерживалась религией сострадания
и милосердия; в этом заключается, по Ницше, одно из важней#
ших преступлений религии против человечества: сохраняя в
жизни всех больных и слабых, религия тем самым ухудшила
нашу европейскую расу

Ницше пытается возвыситься над отрицательными опреде#
лениями и наполнить идею «сверхчеловека» положительным
содержанием; но все эти положительные черты разлетаются
как дым при первом прикосновении анализа. В основе всего
учения о сверхчеловеке лежит частью прикрашенное образами отрицание, частью безысходное противоречие несовместимых
стремлений.

То положительное качество, которое Ницше прежде всего це#
нит в сверхчеловеке, есть сила: мы видели, что он признает сте#
пень могущества единственным мерилом ценности. Если стать
на эту точку зрения, то станет очевидным, что вся ценность
сверхчеловека сводится *единственно к контрасту* с людьми
более слабыми, с массою, с толпою. Между тем мы видели, что
масса людей, с точки зрения Ницше, не только не обладает
никакой ценностью, но напротив того, есть нечто заслуживаю#
щее презрения и отвращения. Если «сверхчеловек» ценен
лишь по сравнению с тем, что никакой цены не имеет, то оче#
видно, что и сам он — ценность только воображаемая, мнимая.
С космической точки зрения он — одно из ничтожнейших яв#
лений, песчинка на земной коре, которая немного выше неко#
торых других песчинок.

Все значение сверхчеловека сводится к контрасту. Сам по

> себе он — ничто: чтобы быть чем#нибудь, для него необходимо возвышаться, красоваться *над другими:* ему нужен человече# ский пьедестал, «чернь», над которой он мог бы куражиться, и зрители, перед которыми он мог бы позировать. Неужели в этом заключается «смысл земли» и «цель человеческого суще# ствования»!»

Действительно, вот все что осталось от «высшего человека» Ницше после того, как «замерз идеал». Количественная абстракция силы поля Эгосистемы — кривое зеркало материальной энергии, которое отображает весь мир как противодействие двух сил, «загрузки Эго и СуперЭго». Мы видим, что после отказа от метафизики интеллекта, для Ницше остался только один путь «роста» — на поле Эгосистемы материальной энергии, то есть физического контроля закона сохранения силы. Но что же «великого» может дать материальная энергия и ее физический контроль? Только рост насилия, и контраст между двумя притяжениями поля Эгосистемы: Самолюбием (мораль господ) и Влюбленностью (мораль рабов).

Как мы можем видеть Мораль Господ и Мораль Рабов, которые Ницше противополагает как противоположные полюса Величия и Низости, как Могущество и Слабость, на деле оказываются двумя притяжениями одного поля Эгосистемы, одной и той же скудной материальной энергии. Небеса метафизики, в которых обитают истинные «высшие люди» Сократа и Христа, Ренан и Тойнби навсегда потеряны для Ницше. Теперь он вынужден довольствоваться только Верхним притяжением (Самоюбием) одного и того же циклического гомеостаза поля Эгосистемы, составляющего с Нижним притяжением (Влюбленностью) единое целое.

Вот откуда неспособность найти положительные определения для «могущества» и тем более для «красоты» его нового сверхчеловека. Остается только выжимать «количество насилия», характеризуя «величие сверхчеловека», как это вообще свойственно для физического контроля поля Эгосистемы.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> «Он рассматривал сострадание как слабость, с которой надо бороться: „Задача в том, — говорит Ницше, -чтобы достичь той огромной *энергии величия*, которая сможет создать человека будущего посредством дисциплины, а также посредством уничтожения миллионов „недоделанных и неполноценных“ и которая сможет все же *устоять и не погибнуть* при виде страданий, тем самым создаваемых, подобных которым никогда не видели раньше“. С ликованием пророчит он эру великих войн; интересно, был бы он счастлив, если бы дожил до осуществления своего пророчества».

3. ВЕНЕЦ СМЕХА У СВЕРХЧЕЛОВЕКА НИЦШЕ

Уже Спиноза пишет в «Этике» о двух противоположных качествах смеха: об истинном веселье с одной стороны, и о злорадной насмешке с другой стороны. И поскольку эта работа Спинозы («Этика») есть один из ранних шедевров изложения законов психической энергии, то суть сего произведения сводится к разделению двух антагонистичных энергий в психике человека: одной, духовной и разумной (интеллектуальной любви к Богу) и другой, материальной и ложной, болезни по своему существу. И соответственно и смех у Спинозы имеет в себе качественное различие в зависимости от того, которая энергия психики его произвела: истинное веселье или злорадство насмешки.

В дальнейшем эту глубокую мысль Спинозы развили в гуманистической психологии Маслоу и Олпорт, чьи цитаты на этот счет я неоднократно цитировала на русском и английском языке. В том же роде разделяет два вида смеха и величайший сатирик 20 века М. Твен. Нашла я эту глубокую мысль и в «Ночных бдениях» Шеллинга.

И вот наконец, Ницше, также отмечает в свой здоровый метафизический период творчества в «Шопенгауэре как воспитателе» его «здоровый смех» как «истинное веселье победителя». И Ницше прав: смех в обоих случаях есть реакция на «победу» закона сохранения силы. Но если победа научного контроля поля интеллекта всегда настоящая (как победа над общей для лю-

дей болезнью, философский юмор над полем Эгосистемы вообще), то победа физического контроля всегда ненастоящая, и смех физического контроля, его злорадство всегда ложный (насмешка одного Эго над унижением другого Эго».

Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель»:

> «Шопенгауэр имеет еще другое качество, общее с Монтенем, помимо честности: веселость, которая действительно веселит. *Aliis laetus, sibi sapiens*. Есть два весьма различных рода веселости. Истинный мыслитель веселит и утешает всегда, высказывает ли он свою серьезную мысль или свою шутку, свое человеческое познание или свою божественную благость; он говорит без жалобных жестов, дрожащих рук, слезливых глаз, всегда уверенно и просто, бодро и сильно, быть может, немного по-рыцарски и сурово, но всегда как победитель; и именно это доставляет нам самое глубокое и полное веселье — видеть побеждающего бога рядом со всеми чудовищами, которых он поборол.
> Напротив, веселость, которую встречаешь порою у посредственных писателей и у ограниченных мыслителей, делает нашего брата несчастным
> Подобные весельчаки совсем не видят страданий и чудовищ, хотя они выдают себя за мыслителей, способных знать и побеждать их; их веселость возбуждает досаду, потому что она обманывает: она хочет уверить нас, что здесь завоевана победа. Ведь, в сущности, веселье есть только там, где есть победа: и это применимо к произведениям истинных мыслителей в такой же мере, как ко всякому художественному произведению. Пусть тема будет всегда столь ужасна и серьезна, сколь ужасна и серьезна на самом деле проблема жизни; подавляющим и мучительным образом произведение будет действовать на нас только, когда полумыслитель и полухудожник распространит вокруг него чад своего бессилия; тогда как человек не может пережить ничего лучшего и более радостного, чем близость к одному из тех победителей, которые, познав глубочайшее, должны полюбить самую основу жизни, и, будучи мудрецами, в конце пути приходят к красоте».

Вот почему и юмор Ницше перестает быть смешным, хоть он и хвастается в Заратустре тем, что надел на себя «Венец Смеха». Вот почему, когда он говорит, что лучше будет сатиром, чем святым, он ошибается дважды. Ибо потеряв метафизику, он потерял почву не только для святости, но и для здравой сатиры.

Е. Трубецкой, «Философия Ницше»:

«В числе признаков сверхчеловечества мы оставили пока в стороне один; это — веселость, смех, радостность существова# ния, победившего в себе страдания и достигшего высшей своей цели. Но и тут Заратустра является прежде всего и больше все# го актером своего идеала. Мы уже имели случай убедиться, что веселость у Ницше есть маска, способ сокрытия страданий. Раз предметом всей этой радости служат мнимые ценности, *вы2 мышленная* цель жизни, веселость не может не быть напуск# ною, театральною. В самом смехе Заратустры чувствуется не радость, а горькая насмешка над человеком и его философским исканием, попытка *высмеять жизнь*! Попытка эта, однако, не всегда удается. «Ты потерял твою цель, — говорит Заратустра своей тени; — горе тебе, как сможешь ты переболеть и вышу# тить эту потерю. Ведь тем самым ты потерял твой путь». И тот# час вслед за тем Заратустра приглашает тень в пещеру со сло# вами: «Сегодня вечером у меня будут танцы»****.
Мы уже ознакомились с посетителями, собирающимися в этой пещере. В ответ на запросы всех этих страждущих и не# удовлетворенных жизнью Заратустра предлагает им пуститься в пляс. «Вознеситесь сердцем, братья мои, и не забудьте ноги. Дайте волю ногам, вы, искусные танцоры, а еще лучшее— станьте на голову! Этот венец смеха, этот венец из роз, я сам возложил его себе на голову. В наши дни никто, кроме меня, не оказался для этого достаточно сильным!»*
Проповедуя любовь к жизни, Заратустра, однако, сам убеж# ден в безумии этой любви: «Во всякой любви, — говорит он, — есть безумие; но во всяком безумии есть доля разума. И мне, при всем моем расположении к жизни, кажется, что бабочки, мыльные пузыри и все те люди, которые им подобны, всех луч# ше знают, что такое счастье» **. Самому Заратустре, однако, не дается счастье бабочки и смех в нем не в состоянии пересилить грусть. В прекрасный летний вечер он любуется пляской деву# шек на лесной поляне. Но танцы кончились, девушки удали# лись, и им овладела грусть. «Солнце уже давно закатилось, — молвил он, наконец, — на лугу стало сыро, из лесов повеяло прохладою. Что#то неизвестное надвигается на меня и смотрит вопросительно. Как, ты еще живешь, Заратустра? Почему, для чего, какою силою, зачем, каким образом! Разве не безумно продолжать жизнь! Друзья мои, ведь это вечер так во мне воп# рошает! Простите мне мою грусть! То было вечером: простите

> мне, что был вечер»
> В эти минуты скорби Ницше словно забывает роль: тщесла#
> вие уступает место искренности, маска сверхчеловека отпадает,
> и в его речах звучит симпатичная, человеческая нота».

ГЛАВА 4. СЛАБОСТЬ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА» У НИЦШЕ

1. Высшие и Низшие люди у Г. Спенсера

2. Левиафаны десптий и циклический гомеостаз в природе: энергии закрытые для роста и развития

3. Гибрис-Эго и сломанный циклический гомеостаз в Осевое время

4. Республика Платона: церковь Естественного Права. Контрольная энергия поля интеллекта: единственная энергия роста, развития и устойчивого равновесия.

1. ВЫСШИЕ И НИЗШИЕ ЛЮДИ У Г. СПЕНСЕРА

Далее в анализе доктрин Ницше мы уже не будем возвращаться к его первому метафизическому периоду, и будем говорить о нем как о дарвинисте и имморалисте, ведь именно его второй период оказал большое влияние на последующую философию и культуру.

Нам его постановка вопроса о высших и низших людях, как центральной теме его философии, будет интересна в разрезе тем «сила и слабость», а также «добро и зло». Мы постараемся показать в чем кардинальная ошибка философии Ницше в ответах на эти вопросы в отношении темы «высших и низших» людей.

Итак, мы уже показали, что между человеком и животным миром лежит метафизическая пропасть Активного Интеллекта (Мышления), Научного контроля, которое дает человеку доступ к силе космоса через контроль открытых энергий (законов этих энергий). Причем не только между человеком и животным ми-

ром, но также и между человеком и всеми прочими материальными (детерминированными) энергиями космоса (природы). Такой заурядной материальной энергией природы является поле Эгосистемы психики человека, которое функционирует как паразит на поле интеллекта его духовной энергии. Вся история разумного человечества, от первого осевого времени откровений этических религий, до гуманистической философии, литературы и психологии наших дней (Платон, Цицерон, св. Августин, Тацит, Плиний, Плутарх, Сенека, Марк Аврелий, Спиноза, Кьеркегор, Тойнби, Рассел, Камю, Ренан, Ясперс, Спенсер, Трубецкой, Толстой, Достоевский, Гоголь, Чехов, Маслоу, Фромм, Хорни, Олпорт, Адлер, Юнг, Франкл, Роджерс и др) была до сих пор таким процессом становления научного контроля поля интеллекта, и постепенного очищения от физического контроля поля Эгосистемы.

Соответственно этому мы можем понимать эволюцию истории человечества как эволюцию к становлению этой мощной духовной энергии человечества, к Энергии Научного Контроля, что и будет достижением общества своего «высшего состояния», когда подавляющее большинство людей будет носителями здоровой и развитой духовной энергии. Очень точно этот процесс исторического становления духовной энергии описан в «Социальной статике» Спенсера, где автор выдвигает гипотезу о прямом соотношении между «варварством» (первобытное сознание дикарей) и «магическим сознанием», а также «недостатком нравственного чувства». Вот где подтверждается, что противопоставление языческой мифологии дионисизма — «теоретическому человеку Сократа» есть на самом деле противостояние магического сознания дикарей и этического (нравственного) сознания людей научного мышления. Спенсер говорит о физическом контроле закона сохранения силы психики как об «обожании силы» (awe of power), и противопоставляет его «нравственному чувству любви к божескому закону» как антагонизм в сознании людей, который в процессе цивилизации ведет к упразднению первого и к усилению второго.

Г. Спенсер, «Социальная статика»:

> «Там, где варварство всего значительнее, там и чувства эти всего сильнее. От-
> сюда происходит тот факт, что все первобытные предания изобилу-ют
> рассказами о сверхъестественных существах, о богатырях и полубо-гах.
> Баснословные рассказы о Вакхе и Геркулесе, о Торе и Одине, о различных богах и полубогах, наполняющие древнейшую историю всех племен, показывают силу суеверного страха, с которым тогда смот-ре-
> ли на всякое превосходство. Убеждение некоторых островитян Полинезии, что только их начальники имеют души, представляет нам со-
> временный пример почти невероятного чувства уважения к высшим, под влиянием которого находится дикий человек. Только таким пу-тем
> в этом состоянии возможно достижение власти
> ...Это суеверное обожание силы уменьшается с успехами цивили-
> зации. Вместо того чтобы смотреть на монарха как на бога, начина-ют
> смотреть на него как на человека, управляющего по воле Бо-жьей, как
> на «помазанника Божьего». Подчинение делается менее раболеп-ным.
> Подданные не падают ниц перед правителем, рабы не целуют более ног своих господ. Послушание перестает быть неограниченным: лю-ди
> хотят уже веровать по своему выбору. Постепенно начинает расти
> то чувство, которое заставляет человека защищать свои права и по симпатии уважать права других; постепенно в человеке укрепляется чувство самообладания»
> ...Мы до сих пор требуем цепей, нам нужны правители, которые бы надевали их на нас, нам нужно обожание власти, которое вынужда-ло
> бы к повиновению ей. Именно настолько, насколько в нас не достает любви к божескому закону, настолько мы должны призывать страх перед законом человеческим, который бы заступил его место.
> ...Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины
> и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением

искать для себя удовлетворения за счет ближнего. По каким признакам узнаем мы недостаток нравственного чувства? На первом месте тут стоит невнимание к человеческой жизни; затем частые покушения
на человеческую свободу; далее — воровство и однородная с ним бес-
честность. Если наше учение верно, то мы должны встречать все эти явления в самых значительных размерах именно там, где уважение к
власти наиболее глубоко.
И что ж? Не видим ли мы, в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок-о-бок с обычаем
человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? Сожигание вдов, тайные религиозные убийства (так называемые «туги») мы видим среди племени, которое всегда состояло из жалких рабов. На некоторых островах Тихого океана дети
приносятся в жертву идолам, а родители погребаются живыми. В то же время там существует такое уважение к наследственным начальникам, что им часто приписывается божественная власть. Среди людоедов везде господствует неограниченная власть. Нам повествуют о
человеческих жертвах в связи с крайним раболепием поданных перед
правителями»

Г. Спенсер «Социальная статика»:

«При развитии цивилизации обожание «власти» и нравственное чувство изменяются в противоположных направлениях. И в настоящее время люди настолько же проникнуты уважением к авторитету, насколько в них недостает уважения к правам других людей.
Между временным и окончательным законным руководителем наших действий происходит непрерывная борьба, во время которой постоянно уменьшающееся влияние одной стороны дает рост другой. Выше было разъяснено, что чувство справедливости, симпатическое возбуждение которого заставляет людей поступать должным образом по отношению к другим, есть то же самое чувство, кото-
рое заставляет их настаивать на своих собственных справедливых требованиях. Оно побуждает их требовать свободы деятельности, свободы упражнять свои способности и понуждает их сопротивляться всякому нарушению в этом отношении. Этот стимул не тер-

> пит никаких ограничений за исключением тех, которые налагаются сочувственными побуждениями. В этом роде производится спор и в течение каждого фазиса цивилизации исход его определяется относительной силой обоих чувств. Когда нравственное чувство слишком слабо и не в состоянии создать ограничений, необходимых для общественной жизни, тогда его протест едва слышен и не мешает преобладающему обожанию силы устанавливать самый суровый деспотизм. Мало-помалу, когда нравственное чувство окрепнет до того, что станет препятствовать людям совершать самое грубое насилие, оно будет уже достаточно могущественно для успешной борьбы с излишними теперь крайностями принуждения. Если оно, наконец, достигнет такой силы, что чрез посредство своего рефлективного отправления внушить людям самое полное уважение к правам других и сделает правительство излишним, тогда непосредственная его деятельность породит столь бдительную ревность в охранении своих прав, что правительство сделается невозможным»

Мы видели, что теория «высших людей» Ницше, основанная на дарвинизме и дионисизме, дает прямо противоположное объяснение высших качеств человека, как Морали Господ, основанной на насилии над слабыми — рабами. То есть возводит в закон высшего как раз тот физический контроль имморализма (насилие-подчинение), тот «awe of power» дикарей, который Спенсер определяет как низшую ступень варварского сознания человечества. И Спенсер в отличии от Ницше понимает, что можно противопоставлять «нравственное чувство» духовной энергии разумных людей с одной стороны и варварство «Обожания силы» дикарей с другой стороны, но нельзя противопоставлять Мораль Рабов и Мораль Господ, потому что это две стороны одной медали физического контроля варваров: Насилие и подчинение в зависимости от обстоятельств. На языке теории психической энергии — два притяжения (Самолюбие и Влюбленность) единого циклического гомеостаза поля Эгосистемы (то есть одной и той же материальной энергии). Еще лучше сказано об этом у Э. Фромма в его теории садомазохизма (Искусство любить), где он также говорит о единстве отношений насилия и подчинения как двух сторон одного психического механиз-

ма — и болезненного механизма, который разрушает истинное Я человека.

Сам Ницше, повторяя здесь за Платоном, проводит эту мысль в Заратустре: «Если ты раб — ты не можешь быть другом, если ты тиран — ты не можешь быть другом». Действительно, если общее Я поля интеллекта (сочувствие, совесть, справедливость) есть церковь дружбы, то садомазохизм циклического гомеостаза Эго-системы — есть всегда отношения насилия и подчинения, господства и рабства. Так что дружба противостоит «морали господ» столько же сколько и «морали рабов». Но Ницше в последующих работах уже забывает о своем афоризме, и говорит, что дружба — удел морали господ.

> «Что нарушения свободы должны достигать наибольших размеров там, где уважение к власти всего значительнее, это само собой разумеется, так как рабство — учреждение, подающее повод к наибольшим нарушениям человеческой свободы, невозможно в среде, в которой обожание власти недостаточно сильно. Если бы влияние этого чувства не было крайне могущественно, то древние персияне не могли бы считать себя частною собственностью своего государя. Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы так же господствовали над народом, как их царь господствовал над ними. Спартанцы обращались со своими илотами с тою же суровостью, с какою их олигархи обращались с ними. Про раболепных азиатских индийцев рассказывают, что «за свое безмолвное подчинение властителям они вознаграждают себя тиранией, жестокостью и насилием по отношению к людям, находящимся в их зависимости».

Итак, Ницше, отказавшись от метафизики интеллекта, приходит к самым парадоксальным результатам в своих отчаянных поисках «высших людей»: он обозначает как «высшее» варварское магическое сознание со свойственным ему «обожанием си-

лы» или отношением насилия и подчинения, «по ту сторону нравственности».

Оправдывая безнравственность (имморализм) отношений садомазохизма, Ницше замечает, что именно физический контроль насилия и подчинения есть психический механизм обеспечивающий «силу человека», его «Рост и развитие» в направлении «воли к могуществу», то есть закона сохранения силы психики. Давайте посмотрим, насколько справедливы эти утверждения Ницше. Действительно ли физический контроль садомазохизма материальной энергии есть сила, рост и развитие человека?

2. ЛЕВИАФАНЫ ДЕСПОТИЙ И ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ В ПРИРОДЕ: ЗАКРЫТЫЕ ДЛЯ РОСТА МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ ПРИРОДЫ

До Ницше об этом писали маркиз де Сад и Дарвин, после Ницше — Гитлер. Это плоская мысль о том, что природа животного царства есть природа и человеческого царства, и что сама природа является «другом преступления» как говорил и делал Сад, и как только говорил (но не делал) Ницше, потому что поедание сильными слабых есть первый закон жизни. И что жизнь есть круговорот смерти и рождения в природе, и потому смерть, а значит убийство, говорит Сад, самое естественное природное действие. Дарвин назвал этот закон законом отбор сильнейших в борьбе за выживание и вывел из этого «Теорию Происхождения Человека», как продолжение теории эволюции животных.

И в частности Дарвин уже писал о том, что Ницше сделал для себя оружием нападение на христианство, как на «религию слабых»: что чем жестче условия борьбы за выживание, тем выше развитие животного (и значит человека), и что не следует помогать слабым, потому что это ухудшает человечество как вид животного и нации как отдельные расы. Это все уже прописано у Дарвина в «Происхождении человека» и я не раз давала эти цитаты. Точно также задолго до Ницше и Дарвина об этом уже

писал Сад, оправдывая свой «имморализм» теми же средствами, которыми делает это (совсем не оригинально) Ницше в своем дарвинизме «сверхчеловека». Позже, после Ницше, эту песенку затянет в «Моя борьба» Гитлер — наименее оригинальный автор из всех — убеждая в необходимости борьбы сильных рас и подчинения сильным расам слабых рас. Расизм Гитлера — уже полностью прописан в «По ту сторону добра и зла», «Генеалогии морали», «Антихристе» Гитлера, в том числе очень четко прописан антисемитизм, поскольку Ницше нападает на христианство как на продолжение иудаизма. И расизм Ницше есть результат его дарвинизма: он просто не знает как ему еще обрисовать отличия своей касты господ, кроме как вывести ее из «древних благородных родов», что есть «вопрос расы», как он говорит.

Ницше, «По ту сторону добра и зла»:

> «Возникновение *вида,* упрочение и усиление типа совершается под влиянием долгой борьбы с существенно одинаковыми *неблагоприятными* условиями. Напротив, из опытов животноводов и садоводов известно, что виды, на долю которых достаются излишки корма и вообще много ухода и заботливости, тотчас же начинают обнаруживать склонность к варьированию типа и богаты диковинными и чудовищными отклонениями (а также и чудовищными пороками). Посмотрим же теперь на какое-нибудь аристократическое общество, скажем, на древний греческий полис или Венецию, как на добровольное или недобровольное учреждение для целей *культивирования породы:* мы увидим там живущих вместе и предоставленных собственным силам людей, которые стремятся отстаивать свой вид главным образом потому, что они *должны* отстаивать себя или подвергнуться страшной опасности быть истребленными. И упрочить свое существование при постоянной борьбе с соседями или с восставшими, или угрожающими восстанием угнетенными».

Несмотря на все убожество этой дарвиновской аргументации, распространяющей биологизм животного мира на историю человечества, ей до сих пор не было дано надлежащего ответа. Итак, действительно закон отбора в борьбе за выживание животных есть закон развития человечества в том числе?

Вот ниже Оствальд и Мах дают исчерпывающее объяснение процесса циклического гомеостаза всех материальных энергии

природы: то есть процесса равновесия-неравновесия между двумя противоположными полюсами какой-либо величины, когда неравновесие оказывается толчком к движению выравнивания величин.

В. Оствальд, «Лекции по натурфилософии»:

> *«Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму... Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».*

Э. Мах, Понятие и заблуждение»:

> *«Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни»*

Уже Фрейд понимал биологическое и психическое неравновесие как такого рода циклический механизм гомеостаза,

когда напряжение потребности дает толчок к движению в поисках ее удовлетворения, а после наступает новый цикл «Голод-удовлетворение». Действительно, если мы посмотрим на биологическую энергию, мы легко увидим в ней этот механизм циклического гомеостаза между полюсами голода и удовлетворения: пищевой голод, тепловой голод, кислородный голод, жажда, половой голод — вся биологическая энергия есть циклическое движение между состояниями равновесия и неравновесия этих полюсов, между голодом и его удовлетворением. И какое бы развитие эволюция не дала животным в приспособлении к окружающей среде этот механизм циклического гомеостаза между периодами голода и покоя всегда будет оставаться в основе движения всей биологической энергии. В этом смысле это такая же закрытая для роста и развития природная энергия как все материальные энергии циклического гомеостаза в природе.

Теперь обратимся к циклическому гомеостазу материальной энергии психики. Известно из работ антропологов (Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм), что психикой дикарей движет «страх сверхъестественных сил». Дюркгейм так прямо и определяет происхождение этих сверхъестественных сил в сознании дикарей как «количественную абстракцию силы» первобытного сознания, которое видит мир как противостояние всего двух сил: себя и всего остального мира (тотемов). Тот же Дюркгейм экстраполирует это сознание дикарей на цивилизованное общество, и признает, что «поклонение авторитетам» или как бы сказал Спенсер «awe of power», «обожание силы» есть тот же процесс абстрагирования себя и мира как количественного противостояния силы. То есть если аборигены видят через «Кривое зеркало поля Эгосистемы» — природный мир и поклоняются тотемам, то современные люди видят через поле Эгосистемы социальный мир и наделяют людей магическими свойствами, поклоняются «авторитетам». В обоих случаях, имеет место страх сверхъестественных сил», который есть двигательный рычаг, или главная мотивация действий первобытных лю-

дей, и необразованных людей (эксперименты Милграма на «подчинение авторитету»).

Итак, если физический контроль закона сохранения силы порождает поле Эгосистемы (искаженная чувственная информация как количественная абстракция сил себя и мира) как двух фигур Эго и СуперЭго, то каким будет циклический гомеостаз между полюсами этого силового поля: Эго и СуперЭго? В зависимости от того, как отражает соотношение этих сил на данный момент силовое поле: как превосходство Эго над СуперЭго или наоборот, мы имеем два обратных притяжений — Самолюбие и Влюбленность. Соединение этих двух притяжений в «любви садомазохизма» или в отношениях господства и подчинения и есть временное равновесие, которое вскоре распадается образуя новый «Голод страха сверхъестественных сил» и новые притяжения Самолюбия и Влюбленности. Так функционирует циклический гомеостаз материальной энергии психики (силовое поле Эгосистемы).

Мы можем видеть из истории и антропологии, что все варварские общества имеют циклическое время, как например отсчет времени дикарями (Леви-Брюль), или отсчет времени в Древнем Египте. Наконец всем известно противопоставление циклического и линейного движения истории на востоке (знаменитом магическим сознанием) и на западе (где преобладает научный контроль). И этот циклический гомеостаз притяжений Самолюбия и Влюбленности (awe of power), или иначе отношения господства и рабства, насилия и подчинения (садомазохизма) всегда приводил к организации древних деспотий — Левиафанов. Распад и возобновление этих Левиафанов, смена династий, централизация или напротив распад на меньшие иерархии власти и подчинения — в этом неизменная и стабильная суть кругового движения всей истории древних деспотий.

Исследователи восточных Левиафанов подтверждают, что циклы истории востока в стационарный процесс по распаду и возобновлению иерархий господства и подчинения, без какого либо изменения содержания этого процесса или его развития.

Л. Васильев, «История Востока»:

> *«Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового?*
>
> *Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, об отдельных проявлениях которого уже упоминалось (это особенно заметно на примере Египта или Китая, но прослеживается также и в Индии, в Западной Азии, т.е. практически везде), от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы»*

Итак, материальная энергия психики есть только круговое вращение отношений насилия и подчинения в рамках деспотий-Леиафанов, когда власть может переходить от одних к другим, но суть отношений всегда остается неизменной, а реального прогресса не наблюдается ни в науках, ни в искусствах, ни в уровне жизни общества.

3. ГИБРИС-ЭГО СЛОМАННОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА В ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

Левиафаны садомазохизма циклического гомеостаза — это нормальные системы материальной энергии психики; они устойчивы и долговечны в своем функционировании как Левиафаны мертвой энергии, паразитирующей на живой духовной энергии людей. Для людей внутри системы это болезненные циклы боли, страха и бессмысленного труда, но сами Левиафаны устойчиво в своем балансировании между полюсами насилия и подчинения. Это то, что Кьеркегор назвал — болезнью бездуховности, ибо здесь поле интеллекта духовной энергии почти совершенно неактивно (есть оно всегда и у всех в основе психик, даже у дикарей, потому что материальная энергия функционирует только как паразит, пожирая ресурсы духовной энергии).

Зарождение интеллекта в осевое время обозначенное Ясперсом как 7—8 века до нашей эры, — стало началом движения «от Мифа к Логосу». Известно, что люди получили эту первую информацию, совершившую интеллектуальную и социальную революцию, во многом посредством Откровения. Ясперс выделяет пять регионов осевого времени, получивших такое откровение Логоса и этических религий: Индия, Израиль, Персия, Греция, Китай. Как бы там ни было — это время действительно больших перемен, и не только религиозных революций, но и социальных в том числе. Так, Ренан пишет в «Истории Израильского народа», что это время религиозной революции в Израиле, когда «движение профетизма» одержало верх над Левиафаном государства, разрушив его и подчинив законам этической религии, то есть закону божьему вместо произвола права сильного. Отношения насилия и подчинения поля Эгосистемы навсегда были сломлены, а на смену им пришла церковь дружбы — синагога, существующая и по сей день. Ренан утверждает, что эта революция пророков Израиля, боровшихся не только с садомазохизмом своего собственного государства, но также с такими монстрами-Левиафанами как Ассирия, Вавилон, Египет, — что

эта революция Израильских пророков стало решающим этапов в том числе и для всего человечества в направлении движения к свободным государствам естественного права (божьего права законов природы). И что самим евреям этот разрушенный Левиафан государства стоил громадной жертвы, так как они остались незащищенными и надолго попали в рабство: и тем не менее и там сохранив свои институты новой мировой этической религии, которая вскоре даст миру христианство. Ренан называет эту революцию пророков 7—8 веков — победой идеализма и первой республикой Платона. Ницше, который читал Ренана, глубоко возмущен такой его позицией, где развивается мысль, что развитие от иудаизма к христианству стало решающим в становлении всей западной цивилизации наряду с развитием науки и искусства в Древней Греции.

Действительно, другая религиозная революция имела место в Древней Греции, где как нам докладывает Ницше, «теоретический человек Сократа» победил мифологию языческого Олимпа. Уже задолго до Сократа эту революцию начал Орфей, и продолжил Пифагор. Философия получила громадное распространение в Греции, уступив древней мифологии Гомера. Религиозная революция здесь также как в Израиле сопровождалась социальной революцией, разрушившей Левиафан древней деспотии, как позднее это будет иметь место и в Риме. Так, Рождение Интеллекта в осевое время привело к слому Левиафанов физического контроля материальной энергии в Израиле, Греции, в Риме. Ренан также отмечает особый вклад Греции наряду с Израилем и Римом в становление западной цивилизации.

Б. Рассел, «История западной философии»:

> *«Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции. Многое из того, что создает цивилизацию, уже существовало в течении тысячелетий в Египте и Месопотамии и распространилось оттуда в соседние страны. Но некоторых элементов не доставало, пока они не были восполнены греками. Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они*

сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику, науку и философию; на место простых летописей, они впервые поставили историю; они свободно рассуждали о природе мира и целях жизни, не обремененные путами какого-либо традиционного, ортодоксального учения. Происшедшее было настолько удивительным, что люди до самого последнего времени довольствовались изумлением и мистическими разговорами о греческом гении.»

Однако, не следует смешивать эту колыбель новорожденного интеллекта в осевое время со зрелым научным контролем, который будет получен человечеством только со знанием, что познавать можно только энергии природы (Энергетика Оствальда) и что сознание человека также есть природная энергия — психическая энергия.

На указанном же этапе интеллект не справился со своей задачей, заплутал на поле Эгосистемы, и перестал быть научным мышлением, превратившись в ложный, оторванный от действительности интеллект. Что есть научное мышление? Анализ действительности окружающего мира в целях поиска законов природы. Что есть ложный интеллект поля Эгосистемы? Это формальная логика, которая анализирует уже не действительности, а миражи кривого зеркала Эгосистемы: иллюзию противоборства Эго и СуперЭго. В основном именно такое противоборство «загрузок Эго и СуперЭго» (термины Фрейда) и лежит в основе мифов и ложных философских систем (как философия Ницше например). Другими словами, это шизоидный интеллект, потому что в конечном итоге заблудившийся на поле Эгосистемы интеллект (где ему совсем не место) ломает физический контроль циклического гомеостаза.

Именно сломанный физический контроль циклического гомеостаза и разрушил Левиафаны древности в Израиле и Греции. Дело в том, что формальная логика на поле Эгосистемы старается помочь Эго победить СуперЭго, и доказывает победу Эго над СуперЭго логически. С этого момента остается только одно притяжение — Самолюбие, а притяжение подчинения, Влюбленность теперь сломано. Люди с шизоидным Гибрис-Эго

не способны подчиняться даже когда весь мир против них. Это все стандартная информация учебников психиатрии о преморбиде шизофрении, или о шизоидах. Хорошо об этом написано у Э. Кречмера в «Строении тела и характере», где он противопоставляет циклоидов и шизоидов. Действительно, циклоиды — это люди с нормальным циклическим гомеостазом материальной энергии психики, тогда как шизоиды — те, кому фиктивный интеллект сломал циклический гомеостаз и оставил только притяжение Самолюбия. Отсюда и гиперэстезия шизоидов: ведь циклоиды могут перейти на притяжение Влюбленности, когда их унижают и подчиниться, а для шизоидов этот ход на нижнюю эгозащиту закрыт, и «удар по Эго» закона сохранения силы становится смертельным (потому и приводит к шизофрении, то есть распаду психики).

Однако, для античной истории Гибрис-Эго (шизоидное Эго сломанного циклического гомеостаза) сыграло свою большую положительную роль, разрушив Левиафаны (так как разуршены оказались полюса господства и рабства, власти и подчинения, и все стали господами). Пусть это был пока только этап разрушения, без созидания, но ведь не построишь нового, не разрушив старого. В этом уничтожении Левиафанов и переходе к теократическим республикам в Израиле, к демократиям-полисам в Греции, к республике естественного права — в Риме — состояла выдающая положительная роль Гибрис-Эго. Однако, материальная энергия со сломанным циклическим гомеостазом не жизнеспособна, так как физический контроль поля Эгосистемы потерян. А другой, научный контроль поля интеллекта духовной энергии еще не найден. Психика не может существовать без обоих контролей закона сохранения силы, потому античность была обречена на погибель. И она погибла в жестоких междоусобных войнах.

Однако, еще в Древней Греции платоновский Сократ доказывает в «Государстве», что демократия-полис не есть конечное общество, и что ему на смену придет братство, социализм, дружба республики философов-правителей и естественного права

(законов разума, законов бога и природы). Сократа казнили, но с тех пор идеал платоновской республики живет.

Платона обвинили в «тоталитаризме» за его утопию социализма и всеобщего братства, однако есть громадная, метафизическая разница между тоталитаризмом Левиафанов и социализмом Платоновской республики. Единство Левиафана есть единство материальной энергии психики, ощущаемой как компульсия (принуждение) автоматизмов насилия и подчинения, как маски и страх перед магией чужих масок — то есть тюрьма живой духовной энергии людей, разбитой автоматизмами чужеродной мертвой энергии (как для господ, так и для рабов). В то же время Единство людей в платоновской республике (в синагоге, в христианской церкви, в пифагорейских сообществах) есть единство их истинной живой и разумной энергии, что ощущается как свобода «всеобщей воли» у Руссо, где один за всех и все за одного. Потому что поле интеллекта есть поле совести, сочувствия и справедливости единого Я контрольной энергии, что ощущается как счастье дружбы, и где управление принадлежит всем, так как правит естественное право законов природы (или божественное право, что то же самое), то есть законы этики, законы духовной энергии.

4. РЕСПУБЛИКА ПЛАТОНА: ЦЕРКОВЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. КОНТРОЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА: ЕДИНСТВЕННАЯ ЭНЕРГИЯ РОСТА, РАЗВИТИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСИЯ

Итак, Ницше утверждает, что для того чтобы были сильные и высшие, должны быть слабые и низшие, над которыми они будут командовать. Мы утверждаем обратное: два таких полюса в обществе являются признаком слабости, так как это полюса физического контроля закона сохранения силы материальной энергии.

Напротив, сильные и высшие — это те, кто сумел настолько очистить психику общества от поля Эгосистемы, что подавляю-

щее большинство стало церковью дружбы единого Я поля совести, сочувствия и сострадания. «Низшие люди» — это только переходный период в становлении духовной энергии, которая как только окрепнет ее научный контроль и соответственно сразу соединиться силовое поле интеллекта здоровых людей, просто сметет с лица земли все институты, которые чужеродны ее природе. И прежде всего все, что еще остается от Левиафанов садомазохизма и низших людей, пьющих кровь из людей посредством этих страшных чудовищ в их руках.

1) Рост и Развитие Контрольной энергии поля интеллекта

Это единственная открытая для роста энергия, хотя Ницше пытается выдавать за таковую циклический гомеостаз поля Эго-системы (кстати, он подчеркивает, что его дарвинизм-дионисизм есть энергия вечного круговорота). Если все прочие материальные (детерминированные) энергии закрыты в своем циклическом гомеостазе, то контрольная (духовная) энергия психики имеет доступ к силе других энергий через контроль законов природы. Это очевидно, достаточно взглянуть на мир техники, подаренный человечеству научным контролем.

Более того, контрольная энергия богата также способностью единения людей друг с другом в единое поле дружбы, что ощущается как законы этики (совесть, сочувствие, справедливость), а также как неизбывное счастье дружбы. Это счастье дружбы есть ощущение слияния энергий людей в единое силовое поле, то есть бесконечный рост энергии в здоровом обществе. Надо помнить, что единство Левиафанов не есть единство людей (то есть их духовной энергии), а есть единство поля материальной энергии, паразитирующей на их живой воле и чувствах в автоматизмах насилия и подчинения. Это напротив разбитая и разрушенная энергия одиночек, тогда как в единении силового поля интеллекта, и личность раскрывается больше, и дружба бесконечно обогащает людей. Об этом хорошо сказано в исследовании самоактуалов Маслоу (здоровых людей), где он подчеркивает, что большая способность к социализации одновременна у них с рельефностью

личностных качеств, таких как воля и самостоятельное принятие решений.

2) Устойчивое равновесие Контрольной энергии психики.

Ложная чувственная информация поля Эгосистемы обуславливает постоянное повторение циклов равновесия –неравновесия в попытках снять «страх сверхъестественных чувств», порождаемый полем Эгосистемы. Однако, борьба Эго и СуперЭго — это миражи, и потому Эго никогда не победит СуперЭго, а вместо этого будут циклы Эгозащиты Самолюбия и Влюбленности, лишенные смысла, но зато двигающие материальную энергию. Такова ограниченность «отражения» всех материальных энергий, в том числе и биологической, которая видит только то, что важно для снятия ее голода.

И только Контрольная энергия поля интеллекта может видеть Истину — то есть законы природы, и следовательно двигаться в реальности, в действительности, а не в миражах ограниченной информации. Это значит двигаться в Пространстве Интеллекта, там, где «знаки начертаны божьей рукой», там где формулы идеальных законов. Только контрольная энергия человека движется в пространстве интеллекта, тогда как все остальные материальные энергии движутся по кругу в физическом мире. И именно поэтому контрольная энергия обладает устойчивым равновесием настоящего знания в этом Пространстве Интеллекта, которое остается и накапливается для последующих поколений. Что значит для самочувствия, для Силы Человека это устойчивое равновесие? Это значит больше чем крылья Дедала, больше чем самолет Леонардо де Винчи мечтавших увидеть мир с высоты птичьего полета. Маслоу говорит, что его самоактуалы видят мир с точки зоения вечности и никогда не подходят к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Действительно, это взгляд с ослепительной, головокружительной высоты Божьего Полета — взгляд с его Божественного Дворца Знания, в который был допущен человек. Насколько устойчиво, хорошо и Сильно должен ощущать себя человек, которому доверен такой Научный кон-

троль? Надолго ли низшие люди, пьющие кровь из простых людей, спрячутся от его орлиного взора?

3) Богатство

Люди века материализма много написали книг по экономике, однако, большинство людей живет в нищете. Этим сказано все о «Науке экономике», такой же лженауке, как социальный дарвинизм.

Начать с того, что они видят противоположности между экономикой государственной собственности и экономикой частной собственности, называя их плановой и рыночной. Но ведь очевидно, что обе экономики — рыночные, и что обе экономики капиталистические, поскольку в их основе оборот капитала и рыночный обмен товаров. Разница только в том, что есть государственный капитализм с ограниченным рынком, и есть частный капитализм со свободным рынком, но по сути обе экономики мало чем отличаются, и люди одинаково бедны (или с небольшой разницей) при обеих системах. Потому как капитализм требует полноценного рынка, и потому советская экономика была кастрированным капитализм со своим урезанным рынком.

Однако, что в таком случае есть «Богатство народов», и что есть экономика? Уже из всего сказанного понятно, что есть богатство человека и почему человек несметно богат. Контрольная энергия человека есть ключ к силе всего космоса, как же можно сравнивать силовые ресурсы человека с животным миром? Неужели самый большой хищник, который обречен существовать между циклами голода и холода, может мечтать найти доступ к энергиям природы? Как же вообще пришло в голову сравнивать силы животного и человека, и соответственно всю природу энергий тех и других?

Что же мешает сегодня людям, уже открывшим столько энергий, уже таким несметно богатым ресурсами своей контрольной энергии — стать богатыми и перестать быть бедными? Да, вы правы. Им мешает активное поле Эгосистемы, которое ставит искусственные препятствия на пути людей, и транжирит

их энергию и добытые ресурсы в ничто и в никуда. Например, на войны, или на алкоголь и наркотики, или на всеобщее противостояние, маленькую войну всех против всех, и так далее.

Какой может быть экономика в обществе свободном от абсурда поля Эгосистемы. Очевидно это не будет капиталистическая и рыночная экономика, потому что целью станет не оборот капитала, а научный контроль этой столь важной сферы человеческой жизнедеятельности. Сегодня экономика в центре всех чаяний отдельных индивидов и целых государств. В здоровом обществе — это будет налаженная сферы, которая не будет занимать мыслей людей, и станет тем чем должна быть: просто средствами для духовной, интеллектуальной, культурной, социальной жизни, но не самой жизнью, как сегодня. Как только люди перестанут видеть друг в друге соперников, и станут одним полем совести, одной церковью дружбы, как только все усилия разума будут направлены на кооперацию, они очень быстро изобретут механизмы самого рационального и рачительного хозяйства с оптимальным обеспечением всех членов общества.

Ницше пишет, что трудиться должны рабы, низшие люди, чтобы освободить время для науки и искусства высшим людям. Это неправда, трудиться должны все, но так, чтобы высбодить всем время для науки и искусства. Наука и искусство, а также богатая социальная жизнь общества где будут открыты все неисчерпаемые богатства дружбы и станут центром жизни здорового общества, а вовсе не вульгарные балансы и аудиторские отчеты.

Чтобы не быть голословной вспомню три известных труда: «Протестантская этика и капитализм» М. Вебера, «Построенные на века» Коллинза и Пораса, «От хорошего к великому» Коллинза, и «Циклы американской истории» А, Шлезингера. В этих книгах доказывается, что не конкуренция и не «поэты чисел» роста прибыли от капиталооборота, а нравственные и социальные цели и усилия добросовестных людей создали самые большие ценности западной цивилизации (сегодня экономически лидирующей).

4. Право и Свобода

А. Тойнби пишет в «Постижении истории», что эволюция Права движется от Государства человеческих законов к Церкви законов божьих, или иными словами к Естественному праву законов природы. Мережковским выражает ту же мысль в своей политической публицистике, связывая большие надежды с естественным правом как Третьем Заветом. Е, Трубецкой в книге «Философия св. Августина», а также в книге «Право» также ставит вопрос о естественном праве как божественном праве Града Божьего у Августина, позаимствованного им у Цицерона и вообще у Римского права.

И поскольку такие законы природы одни для всего человечества, то это движение к международным институтам прав человека. Долго шел спор о том, что значит правление церкви вместо правления государства? Значит ли это коррупцию папства, или же коррупцию православия например? Например, Трубецкой по этому поводу спорит в печати с Мережковским: правление церкви есть пустой звук, говорит он Мережковскому. Действительно, если под законом божьим понимать старые священные писания, написанные полумифологическим языком, то не может быть и речи о правлении церкви, ибо история знает как искажали и манипулировали этими текстами самые испорченные люди. В таком случае, что есть правление церкви? Только правление естественного права, так что церкви в данном случае и будут — международные институты прав человека, составленные из граждан разных стран и контролирующие национальные правовые системы отдельных государств с тем, чтобы они оставались в согласии с естественным правом.

Цицерон, «О законах»:

> «Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы

> упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу… И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей… И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»

Э. Ренан «Марк Аврелий и конец античного мира»:

> «Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь которого, по неведению, присваивается компиляторам Юстиана; но которое в действительности, было делом великих императоров 2 века., превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами 3 века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, чем христианству, но в известном смысле более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом вырождающегося мира и при небольшом изменении сделается законом новейших народов. Этим то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во 2 веке преобразовать мир и как казалось, испытавшая полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Севера они стали впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период»… В первой книге своих дум, Марк Аврелий сам начертил нам картину той чудной среды, где как бы в небесном сиянии движутся благородные и чистые образы его отца, матери, деда, наставников. Благодаря ему, мы имеем возможность понять, сколько в старинных римских

> фамилиях, которые видели царствование дурных императоров, сохранилось еще честности, достоинства, прямоты, гражданского, и смею сказать, республиканского духа. Там чтили память Катона, Брута, Тразея и великих стоиков, душа которых не преклонилась перед тиранией. Царствование Домициана там ненавидели. Мудрецы, перенесшие его без унижения, почитались героями. Воцарение Антонинов было лишь призванием к власти того общества, чье праведное негодование нам изобразил Тацит, общество мудрых, сплотившегося путем союза всех, кого возмущал деспотизм первых цезарей. Никакого сходства с государем наследственным или Божьей милостью, ни с военачальником чисто республиканское владычество Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия не имело. Это была как бы высокая гражданская должность. Марк Аврелий в особенности не был ни в какой степени государем в прямом смысле этого слова. Его отвращение к «Цезарям», которых он считал своего рода Сарданапалами, роскошными, развратными и жестокими, выражается беспрестанно. В жизненном обиходе он был вежлив до крайности; сенату он возвратил все его прежнее значение»

В этом же русле рассуждают Б. Рассел, А. Эйнштейн, А, Швейцер, А, Тойнби, Г. Уеллс, К. Ясперс, Ж. Бенда. Не знаю, кто еще, но совершенно точно эти ученые утверждают, что нет пагубы большей, чем национальные суверенитеты и отказ от международных институтов естественного права. Каждый из них прямо говорит о необходимости ограничения национальных суверенитетов в пользу Международных институтов прав человека.

Век дьявола с его материализмом низвергнул цивилизацию с высот естественного права в преисподнюю национализма, где Мораль Господ делает все возможное, чтобы уничтожить духовную энергию человечества, и низвести всех прочих людей до роли Морали Рабов. Национальны суверенитет — это всегда Левиафан физического контроля, прямой или скрытый, потому что в его основе не естественное право поля интеллекта, а произвол физической силы. Спецслужбы этих национальных правительств и есть те самые «имморалисты», та самая «мораль господ», которые считают, что цель быть всегда господами оправдывает все, любые средства. Такова суть физиче-

ского контроля, как ее резюмировал Ницше. «Такова природа богов, — говорит Ницше в „Антихристе", — что либо они национальные боги, либо они бессильны». И обосновывает национализм как необходимость вражды для ведения войн «Господами». У нас достаточно всего, вы не находите: и национализма, и имморализма, и морали господ и морали рабов, и наконец войн.

Почему вы, интеллигенция, дворянство духа, спрашивает кто-то в «Трудно быть богом» не боретесь со злом? Потому что мы не знаем, что такое зло и что такое добро, общий смысл ответа. Ницше отвечает иначе: «святые» аристократы духа не борются потому что они слабые, а потому заслуживают своего рабского положения. Но на самом деле «духовный меч» Христа, который Ницше в упор не видит, называя Христа богом слабых и убогих, не способных к борьбе, — на самом деле «духовный меч» который принес Христос очень много сделал для победы Добра. А открытие психической энергии, которое даст ту же информацию на научном языке, и тем самым даст информацию научному контролю о механизмах зла физического контроля — уже само по себе есть приговор «злу». О какой борьбе может идти речь, когда силы между материальной энергией и контрольной энергии даже нельзя сравнивать? Добро проигрывало не потому что оно слабое как утверждает Ницше (добрые и слабые, добрые и глупые). Добро проигрывало, потому что его сила в научном контроле, которому не так просто созреть. Но как только научный контроль есть и он видит механизмы физического контроля вопрос победы добра уже решен: не может быть и речи о какой то борьбе.

Здоровая энергия людей сольется словно океан в один мощный источник дружбы и затем уже сама примет те социальные, политические и экономические формы, которые выражают ее природу.

ГЛАВА 5. КРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛИЗМА В 19 ВЕКЕ. НАЦИОНАЛИЗМ И БИБЛИЯ ДАРВИНА

1. Юм, Кант и их последователи: Фихте, Гегель, Маркс, Ленин, Ницше, Сартр, Леви-Стросс, Фуко и др

2. Национализм как следствие разрушенного Рационализма

3. Библия Дарвина в Церкви Сатаны

1. ЮМ, КАНТ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ: ФИХТЕ, ГЕГЕЛЬ, МАРКС, ЛЕНИН, НИЦШЕ, САРТР, ЛЕВИ-СТРОСС, ФУКО И ДР

Две книги прошлого века, которые имели успех в свое

время, но тем не менее прошли незамеченными. Незамеченны-

ми в том, что составляло их сущность, то есть критику современ-

ного интеллектуального дискурса. И Жюльен Бенда, и Альбер

Камю, авторы этих книг, противопоставляют античную филосо-

фию и картезианский рационализм немецкой спекулятивной

мысли и громко говорят о разрушенной традиции рационализ-

ма. Но никто не услышал той главной мысли, которую писатели

стремились донести: разум совершил в трудах немецких фило-

софов и их эпигонов самоубийство, Европа и вся западная куль-

тура задыхается, оказавшись отрезанной от источника своего кислорода, источника жизни — от рациональной философии и научного мировоззрения.

Так, Камю пишет в «Мифе о Сизифе»: «Аристократы духа идут к самоубийству мышления, откровенно бунтуя против мысли. Усилий требует как раз противоположное: сохранять на-
сколько возможно ясность мысли». Бенда назвал свою книгу «Предательство интеллектуалов» и доказывает на протяжении
всей книги губительность перехода современной эпистемоло-
гии от рационализма Декарта и Спинозы к диалектическому материализму Гегеля и Маркса. Это не разум, говорят оба, это
мистика.

Книги Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов» (1923, 1946 гг.), Альбера Камю «Бунтующий человек» (1956 г.),
Алена Финкелькраута «Поражение разума» (1987 г.).

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Новые ≪рационалисты≫ отвергают и не узкий рационализм совершенно так же, как узкий, только потому, что это рационализм.
> Здесь опять-таки те, которые, как ожидалось, должны были воспитывать в людях уважение к разуму и *которые притязают на это*, проповедуют им мистическую позицию. Людей, задача которых состоит в преподавании серьезного мышления и которые, превратившись в настоящих вертящихся дервишей, проповедуют, что такими приобретениями разума надо пренебречь.

Альберт Швейцер тоже пишет в «Упадке и возрождении культуры», что философию постигло крушение в середине 19 века, так что рационализм был погребен под ее останками,

а сама философия окончательно вышла на пенсию, потеряв все
связи с действительностью:

> «Философия после своего крушения в середине 19 века превратилась в пенсионера, вдали
> от мира, перебирающего то, что удалось спасти. Сочувственно оглядывалась она на оставленный позади рационализм. Горделиво хвасталась тем, что «Кант прошел ее насквозь», что Гегель «привил ей исторический подход» и что «ныне она развивается в тесном контакте с естественными науками». Однако при этом философия была беспомощнее самого жалкого рационализма. Рационализм при всей своей наивности был подлинной, действенной философией. Она же стала лишь эпигонской философией, облачившейся в тогу учености. В школах она еще играла какую-то роль, миру сказать ей было нечего. Итак, при всей своей учености философия стала чуждой реальной действительности»

Бертран Рассел в «Истории западной философии» говорит в том же ключе о влиянии Канта на последующее развитие философии:

> «Противоречия в философии Канта с неизбежностью вели к тому, что
> философы, которые находились под его влиянием, должны были быст-
> ро развиваться или в эмпиристском, или в абсолютистском направле-
> нии. Фактически в последнем направлении и развивалась немецкая философия вплоть до периода после смерти Гегеля. Непосредственный преемник Канта, Фихте (1762–1814), отверг «вещи в себе» и до-
> вел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием. Он полагал, что *Я* является единственной конечной реаль-
> ностью и что она существует потому, что она утверждает самое себя. Но *Я*, которое обладает подчиненной реальностью, также существует только потому, что *Я* принимает его. Фихте важен не как чистый фило-
> соф, а как теоретический основоположник германского национализма. Его непосредственный преемник Шеллинг (1775–1854) был более

> привлекателен, но являлся не меньшим субъективистом. Он был тес-
> но
> связан с немецкой романтикой. В философском отношении он незна-
> чителен, хотя и пользовался известностью в свое время. Важным ре-
> зультатом развития философии Канта была философия Гегеля»

Итак, речь идет о самоубийстве западной мысли в филосо-
фии антиинтеллектуализма или ложного рационализма. Дей-
стви-
тельно, если окинуть беглым взглядом историю спекулятив-
ной
мысли последних столетий, создается впечатление, что пи-
сатели
стремились к одной общей цели: стереть границы между че-
лове-
ком и животным (Дарвин, Маркс), между варварами и интел-
лек-
туалами (Леви-Стросс, Боас), между разумом и безумием (Фуко,
Ясперс), между психологическим и биологическим (Фрейд), меж-
ду идеальным и материальным (Гегель), между волей и раз-
умом
(Шопенгауэр, Ницше, Сартр). Так или иначе, но эти интеллек-
туалы
доказывали беспомощность, ложность и иллюзорность ра-
зума
средствами самого разума. Они уничтожали разум раз-
умом, по-
тому прав Камю, когда говорит о самоубийстве западной
мысли,
и прав Бенда, когда говорит о предательстве интеллектуалов.

Лев Клейн пишет, что экзистенциализм возник из философии жизни Шопенгауэра и Ницше в атмосфере всеобщего «увле-

чения Востоком и мистикой, уклоном к иррационализму». Нам представляется, что корни западного иррационализма мало связаны с непосредственным влиянием восточной мистики, хоть и сближают Восток и Запад на этой основе. Скорее всего, западный иррационализм восходит к философии немецкой феноменологии, которая начинается с «коперниковой революции» Канта, как сам он скромно оценивал вклад своей трансцендентальной философии. Именно «немецкой феноменологии», а не «немецкого идеализма», как принято говорить, потому что идеализм — это метафизика рационализма, а феноменология скептиков и эмпириков — всего лишь спекулятивная мистика.

И не случайно все направление спекулятивной мистики, которое начинается с Канта, стало ответом на эмпиризм Юма («Юм разбудил меня от догматического сна», — писал Кант), окончательно разрушившего здание картезианского рационализма. Ведь это Юм был первым крупным подземным толчком, который принес землетрясения, уничтожившее рационализм. Юм доказывал, что законов природы нет в природе, а есть только последовательностей событий, о которых мы, якобы, никоим образом не можем знать причинные ли это связи (то есть законы природы) или просто ряд событий. Кант ответил Юму в том русле, что нам и не надо доказывать причинные связи

между явлениями, потому что мы сами приписываем их миру, и развил свою знаменитую теорию «феноменов и вещей в себе».

Хоть сам Бенда и Камю склонны причислять Канта еще

к античной традиции вечных ценностей, они не правы, потому

что отказавшись признавать законы природы, Кант тем самым

снес фундамент здания рационализма. Последовавшая за ним

немецкая феноменология только растаскивала по кирпичам уже

завалившееся здание.

> «Фейербах очень остроумно и наглядно поясняет, как
> нелепо принимать какой-то «трансцензус» от мира явлений к миру в себе, какую-то непереходимую пропасть, созданную попами и перенятую у них профессорами философии»,

— пишет Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин прав в своей критике кантианства, но он проигрывает критике эмпиризма, который упрекает в отрицании законов природы (Юм). Потому что, эмпирики в данном случае более последовательны когда вслед за отрицанием интеллекта как первоосновы сущего, они отрицают и законы природы, как интеллектуальную форму космоса. Ленин же в своем материализме просто смешон, когда сначала отрицает идеализм метафизики интеллекта, а потом утверждает, что эмпирики не правы, и законы природы существуют. Эмпирики не правы, но они последовательны в своих рассуждениях, а Ленин нет: нельзя сохранить законы природы, отказавшись от метафизики интеллекта.

Действительно, эта пропасть навсегда разрушила единство интеллектуальной субстанции как мышления и законов природы (активного и пассивного полюсов единой субстанции интеллекта) у Платона, Декарта, Спинозы, Лейбница.

Айн Ренд из Untitled Letter, 1973 год:

> «Кант изобрел технику, чтобы продавать иррациональные идеи людям скептического и циничного ума, которые уже отказались от мистицизма,
> но еще смогли овладеть философией рационализма. Эта техника состоит в том, что если вы хотите пропагандировать самые порочные идеи (основанные на традиционно приемлемых идеях), ваши выводы должны быть ясными, зато ваши доказательства непостижимы. Ваши доказательства должны быть таким комком запутанных противоречий, чтобы они неминуемо парализовали критическую способность читателя. И под всеми этими туманностями и нагромождениями софизмов — ноль: отсутствие определений. Я предлагаю в качестве наглядной демонстрации — «Критику чистого разума»

Айн Ренд в интервью Тому Снайдеру (Tom Snyder):

> «Кант — это главный злодей нашей эпохи. Во всем виноват Кант. Не Карл Маркс, даже не религия, хоть я не одобряю религию, но они не злодеи. Злодей — Иммануил Кант, который проповедовал, что разум человека не действенен. Что вещи, которые мы воспринимаем, не существуют, они не реальны. Вещи в себе, согласно его философии, находятся в другом измерении, наш мир — это мир феноменов, как он его называл. Кроме него есть еще мир ноуменов, который для нас никоим образом не познаваем. И этот мир ноуменов — это и есть настоящая реальность. Вот только воспринять его мы не в состоянии. Ну давайте жить здесь на земле и исполнять свои обязанности. А наши обязанности нам сообщает некий голос, доносящийся из другого измерения, которого мы не знаем (а он откуда знает — об этом он не говорит). Он говорит, что на уровне морали мы должны исполнять наши обязанности. Для того, чтобы быть действительно добродетельными, нужно делать то, что не принесет ничего ни вам, ни другим. Иначе, если у вас есть какая-то цель, даже благополучие других людей, ваши поступки не имеют морального значения. Вот такой философ оказал влияние на сегодняшнюю жизнь. Если этому учению Канта и всевозможным производным от него учат в современных университетах (а все современные философии незаконнорожденные кантианцы), если этому учат детей, то что они привносят в жизнь, выходя из колледжа? То, что мы видим сегодня. Мы достигаем видимой вершины кантианства. Они курят траву, они пытаются любыми возможными способами уничтожить свой разум, они живут сегодняшним днем, у них нет ни целей, ни ценностей».

Жюльен Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Напомним, что в истории философии почитание единичного, индивидуального — это вклад немецких философов (Шлегеля, Ницше, Лотце), тогда как метафизическое преклонение перед всеобщим (соединенное даже с некоторым пренебрежением к экспериментальному) — преимущественно греческое наследие человеческого разума; так что и в этом отношении учение современных интеллектуалов в его глубинных особенностях означает торжество германских ценностей и поражение греческой культуры. ... Сегодняшняя действительность дает еще больше оснований для такого утверждения. Признанные учители наших поэтов (сюрреалистов) — Новалис и Гельдерлин; наши философы (экзистенциалисты) объявляют себя приверженцами Гуссерля и Хайдеггера; триумф ницшеанства стал подлинно мировым».

Жюльен Бенда пишет в «Предательстве интеллектуалов»,
что объявляя свои спекуляции «новым рационализмом», созда-
тели диалектической логики, диалектического материализма,
философий жизни (Гегель, Маркс, Бергсон), на самом деле «пре-
вратившись в настоящих вертящихся дервишей» преподают
«мистические учения». Он противопоставляет им античную фи-
лософию, философию Спинозы и Декарта, как единственно ис-
тинный рационализм. Потому что рационализм невозможен без
метафизики законов природы, который непрерывное «истори-
ческое» становление диалектической логики упраздняет. Стира-
ет границы между идеальным и материальным, между миром
идей Платона и физическим миром, между вечными истинами
и относительностью конформизма.

Жюльен Бенда:

> «Другим предательством интеллектуалов
> является, на протяжении двадцати лет, позиция многих из них в отношении последовательных изменений мира, особенно его экономических изменений. Она состоит в отказе от рассмотрения этих изменений с помощью разума (т. е. с точки зрения, внешней по отношению к ним) и от поиска их закономерностей, согласных с рациональными принципами; в желании совпасть с самим миром, поскольку он — независимо от любой умственной точки зрения на него — осуществляет свое преобразование — «становление» — через посредство иррационального, адаптированного, или противоречивого, и потому глубоко верного сознания своих потребностей. Это тезис *диалектического материализма*. Эта позиция, вопреки притязаниям тех, кто ее разделяет, никоим образом не является новой формой мышления, «новейшим рационализмом»; она есть отрицание разума, если полагать, что разум состоит как раз не в том, чтобы сливаться с вещами, а в том, чтобы создавать в рациональных понятиях представления о них. Это позиция *мистическая*. Заметим, впрочем, что она в точности соответствует позиции, выраженной в «Творческой эволюции» Бергсона, где утверждается, что для понимания эволюции биологических форм надо отбросить соответствующие воззрения интеллекта и соединиться с самой эволюцией как чистым «жизненным импульсом», чистой созидательной деятельностью, исключая всякое рефлексивное состояние, искажающее их чистоту. Можно еще сказать, что вследствие своей воли к совпадению с эволюцией мира — особенно с его экономической эволюцией — в качестве чистого инстинктивного динамизма этот метод есть принцип не мысли, а *действия*, в той степени, в какой действие противостоит мышлению, по крайней мере мышлению рефлексивному. Мы напомним этому профессору философии слова Спинозы: «Одно дело — круг, другое — идея круга. Действительно, идея круга не есть нечто, имеющее окружность и центр, подобно самому кругу...» — и скажем ему: «Одно дело — историческое становление, другое — идея этого становления, *которая не есть становление*»».

Почти в тех же выражениях формулирует свою критику историцизма диалектической логики Гегеля и Маркса — Камю.

Он так же, как и Бенда, вынужден констатировать, что немец-

кая феноменология привела к разрушению мира идей Платона,
к разрушению метафизического идеала, «трансцендентных вечных ценностей» и тем самым уничтожила рационализм, как бы сама ни утверждала обратного. Никакого «нового рационализма» не пришло на смену рационализму античному и картезианскому с началом немецкой критической философии. «То, что Гегель и Маркс (и Кант, добавим мы) выдают за новый рационализм, есть не более как мистическая романтика», — пишет Камю.

Альбер Камю: «Бунтующий человек»:

> «Как бы то ни было, именно у Гегеля революционеры XX века обнаружили целый арсенал, с помощью которого были окончательно уничтожены формальные принципы добродетели. Революционеры
> унаследовали видение истории без трансценденции, истории, сводящейся к вечному спору и к борьбе воль за власть.... Сведение всех ценностей к единственной — исторической не могло не повлечь за собой самых крайних последствий. Маркс верил, что по меньшей мере цели истории окажутся совместимыми с моралью и разумом. В этом состояла его утопичность. Маркс разрушил всякую трансцендентность, а затем по собственной воле совершил переход от факта к долженствованию. Но марксизм не научен, а в лучшем случае наукообразен. Он воплощение коренного разлада между научным разумом, плодотворным орудием поиска мысли и даже бунта, и разумом историческим, детищем немецкой идеологии, порожденным ею в процессе отрицания всех высших принципов. Исторический разум не есть разум, который, согласно своему предназначению, судит о мире. Притязая на суждение о мире, он в то же время движет им. Увязнув в гуще событий, он силится ими управлять. Он относится к миру и как наставник, и как завоеватель. Разум не проповедует, а ввязавшись в проповедь, перестает быть разумом. Вот почему исторический разум иррационален и романтичен, вот почему он напоминает то систематизированный бред сумасшедшего, то ми-

> стическое утверждение слова божия. Неудивительно поэтому, что, для того чтобы сделать марксизм научным и подкрепить эту фикцию, столь выгодную в наш научный век, пришлось сначала сделать науку марксистской, пустив для этого в ход террор. Научный прогресс со времен Маркса состоял, грубо говоря, в замене детерминизма и механистического материализма тогдашней эпохи пробабилизмом. Маркс писал Энгельсу, что учение Дарвина составляет основу их собственного учения. Стало быть, для того чтобы марксизм сохранил ореол непогрешимости, следовало отрицать биологические открытия, сделанные после Дарвина».

Кант и его последователи не считали себя антиинтеллектуалистами. Гуссерль называл свою феноменологию новым рационализмом и очень гневался, когда его ученик Хайдеггер прямо назвал свою философию иррационализмом, открещиваясь от него. Кант и Конт претендовали на чистое критическое и позитивное мышление, противоположность иррационализму. Гегель считал, что открыл новую истинно научную логику. Маркс и Ленин считали себя открывателями «объективной реальности» и «научного атеизма». Леви-Стросс, признавая себя кантианцем, считал, что открыл логическое мышление аборигенов. Между тем, каждый из них повинен в разрушении картезианского рационализма как активного и пассивного полюсов интеллекта, то есть в отрицании законов мышления и логики как аппарата мышления для открытия этих законов. Они отрицают причинные

связи, они отрицают объективную реальность, а если допускают и то, и другое (как Гегель и Маркс), то говорят об их постоянной изменчивости, чем фактически упраздняют и то, и другое. Они ставят на место открытия законов природы — описание или переживание, подменяют идею вещи самой вещью, смешивают форму и содержание, интеллект и материю. Человек либо приписывает природе воображаемые связи, либо описывает простые последовательности в которых нет причинных связей, либо проецирует бессознательные структуры на действительность, либо переживает объекты вместо того, чтобы их постигать, но так или иначе, во всех этих системах нет речи о научном процессе, который состоит в открытии законов природы.

Есть другие последователи Канта, которые открыто признают себя антиинтеллектуалистами, такие например, как Шопенгауэр, Ницше, Бергсон, Бретон, Сартр, Хайдеггер. И тут Клейн прав в том, что большое влияние на философию иррационалистов оказали восточные религии, особенно индуизм.

Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель» (Клейст покончил с собой, как известно):

> «Но как скоро Кант начнет оказывать действительное влияние на массы, оно скажется в форме разъедающего и раздробляющего

> скептицизма и релятивизма; и лишь у самых деятельных и благородных умов, которые никогда не выдерживали состояния сомнения, его место заступило бы то духовное потрясение и отчаяние во всякой истине, какое пережил, например, Генрих Клейст под влиянием философии Канта. „Недавно — пишет он как-то в своем захватывающем стиле, — я ознакомился с философией Канта и должен теперь сообщить тебе одну мысль из нее; ведь мне не нужно бояться, что она потрясет тебя так же глубоко, так же болезненно, как и меня. Мы не можем решить, есть ли то, что мы зовем истиной, подлинная истина, или это только так нам кажется. Если верно последнее, то истина, которую мы здесь собираем, после нашей смерти не существует более, и все наше стремление приобрести достояние, которое следовало бы за нами в могилу, тщетно. Если острие этой мысли не затронет твоего сердца, то улыбнись над другим человеком, который чувствует себя глубоко пораненным в своем интимнейшем святилище. Моя единственная, моя высшая цель пала, и у меня нет другой“. Когда же люди будут снова ощущать так естественно, как Клейст, когда же они научатся снова измерять смысл философии по действию на свое „интимнейшее святилище“?»

Принято считать, что в основе разрыва Камю и Сартра лежали политические разногласия. Камю де отстаивал анархический социализм, а Сартр бился за марксизм-ленинизм. Однако существо их противостояния было много глубже, так что политические разногласия предстают только рябью на поверхности воды. Камю заканчивает «Бунтующего человека» постулированием свободы как спинозовской осознанной необходимости и тем самым твердо становится на почву рационализма. Сартр, напротив, утверждает абсолютную свободу Ницше, которому он во всем стремился подражать.

Весь пафос философии Сартра (как у его предшественника Ницше и последователя Фуко) направлен против рацио-

нализма Декарта. Нет и не может быть никаких идеалов, ника-
ких вечных законов природы, никакой метафизики интел-
лекта.

И, соответственно, нет разума человека как способности по-
сти-
гать эти законы. Задача человека — из объекта природы стать
субъектом истории, обрести свободную волю и самому выби-
рать себе путь — путь, который ничем не ограничен. «По ту
сторону добра и зла», — писал Ницше. Нет больше добра
и зла, потому что нет критериев истинности, нет общей че-
лове-
ческой природы. Творить себя самому подобно законода-
тель-
ствующему разуму Канта или диалектической логике Геге-
ля —
вот сущность исторического существования. Вот в чем смысл
того, чтобы перестать быть пассивным объектом и стать субъек-
том истории. Сартр смеется над гуманизмом во всех сво-
их ра-
ботах. Он пишет «экзистенциализм — это гуманизм» только
от отвращения к извращениям фашизма, но недоволен своей
статьей. Это только вынужденная уступка времени, его фи-
лосо-
фия никак не предполагает гуманизма, в отличие от филосо-
фии Камю и всех рационалистов, настаивавших на общности
человеческой природы.

И потому Сартр так же цинично принимает этику или,
вернее, отсутствия этики в марксизме-ленинизме, его ни-
сколько
не смущает тотальный конформизм, принесенный историциз-
мом Гегеля. Камю в своей книге растоптал все самое свя-
тое, что

было в философии Сартра: его веру в абсолютную свободу воли, его презрение к рационализму и гуманизму, его дендизм, его индивидуализм, его историцизм. То, что весь этот сумбур оформился у Сартра в предпочтение марксизма, — это уже только частности, и именно противоречивость такого выбора закономерна, поскольку оба учения иррациональны.

Камю посмеялся над таким абсурдным соединением абсолютной свободы индивида и тоталитарной идеологией марксизма:

> «Освободить человека от всяких пут, чтобы засадить его затем в клетку исторической необходимости — это на самом деле означает сперва отнять у него все основания бороться, чтобы затем толкнуть его в любую партию, лишь бы у нее не было другого правила, кроме успеха».

После выхода книги Сартр опубликовал «Ответ Камю»: «Наша дружба не была легкой, но я буду о ней сожалеть!» Он обвинил Камю в том, что тот смешал два враждебных лагеря (буржуа и пролетариев) в один чудовищный мир, и на этом основании объявил его покинувшим лагерь борьбы со злом (с буржуями). И только после трагической смерти Камю в автокатастрофе Сартр написал о том, что действительно стало причиной их разрыва, о картезианском рационализме и гуманизме Камю: «Стоит только его почитать, подумать, как обнаруживаешь гума-

нистические ценности, которые он хранил в крепко сжатом кулаке: этот картезианец абсурдного мира отказывался покидать надежную почву нравственности и ступать по ненадежным дорогам практики». Действительно, Камю вдоволь посмеялся в «Бунтующем человеке» над иррационализмом и антигуманизмом сартровского экзистенциализма, так что Сартр смог заговорить об этом только после его смерти.

Камю под «двумя бунтами», совершенно противоположными друг другу по своему существу, тоже предполагает те два противоположных поля сознания, о которых мы говорили в предыдущей главе: поле эгосистемы и поле интеллекта. Тот, кто видит человеческую природу, ее основании в рационализме, тот видит и два поля сознания, как антагонизм, который необходимо изжить, чтобы «стать самим собой». Подобно Кьеркегору Камю пишет о сартровском бунте, как о «болезни к смерти», и перечисляет всех героев истории, причастных к нему: Сад, Ницше, Бретон, Бодлер, Гегель, Маркс, Рембо и др. Но не называет самого Сартра. Это бунт «демонический», как говорит Кьеркегор, «сатанинская упертость» против своей природы в поисках абсолютной свободы, которые всегда приводят к разрушению природы человека и его «внутреннему рабству». Не лучший ли

пример психоз Ницше? И напротив, есть здоровый бунт, суще-
ство которого — в поисках реализации человеческой при-
роды
и бунте против зла (поля эгосистемы, сказали бы мы), бунт, кото-
рый ведет не к неограниченной власти, нигилизму и террору, а к гуманизму, свободе и единению людей.

Альбер Камю «Бунтующий человек»:

> «Анализ бунта при-
> водит по меньшей мере к догадке, что человеческая природа действительно существует, соответственно представлениям древних греков и вопреки постулатам современной философии. К чему восставать, если в тебе самом нет ничего постоянного, достойного того, чтобы его сберечь? Если раб восстает, то ради блага всех живущих. Ведь он полагает, что при существующем порядке вещей в нем отрицается нечто, присущее не только ему, а являющееся тем общим, в чем все люди, и даже тот, кто оскорблял и угнетал раба, имеют предуготованное сообщество. Итак, здесь, в конце пути, пройденного нигилизмом, у самого подножия виселицы, возрождаются прежние ценности. Они — отражение, на сей раз историческое, той формулы, которую мы вывели, завершая анализ мятежного духа: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Суть этих ценностей — в лишениях и одновременно в ослепительной уверенности. Именно она предсмертным отблеском озарила лицо Доры Бриллиант при мысли о тех, кто отдал жизнь во имя нерушимой дружбы; она толкнула Сазонова к самоубийству на каторге в знак протеста против нарушения прав его собратьев; она снизошла и до Нечаева, когда он ответил пощечиной жандармскому генералу, который склонял его к доносу на товарищей. Положив угнетению предел, за которым начинается общее для всех людей достоинство, бунт определил свою первую ценность. Она основывалась в первую очередь на несомненной общности людей, на единстве их природы, на солидарности, рождающейся в цепях, на общении между людьми, на всем, что способствует их схожести и содружеству. Но пока достаточно и этого, чтобы сказать, что предельная свобода — свобода убивать — несовместима с целями бунта. Бунт ни в коей мере не является требованием

> тотальной свободы. Напротив, он призывает к суду над ней. Он по всей справедливости бросает вызов неограниченной власти, позволяющей ее представителям попирать запретные границы. Отнюдь не выступая за всеобщее своеволие, бунтарь хочет, чтобы свободе был положен предел всюду, где она сталкивается с человеком, причем под этим пределом подразумевается не что иное, как право человека на бунт. Свобода, которую он требует, должна принадлежать всем; а та, которую он отрицает, не должна быть доступна никому. Во имя совсем иной ценности бунтарь утверждает невозможность тотальной свободы, в то же время требуя для себя свободы относительной, необходимой для того, чтобы осознать эту невозможность. Каждая человеческая свобода в глубочайшем своем корне столь же относительна. Абсолютная свобода — свобода убивать — единственная из всех, не требующая для себя никаких границ и преград».

И в этом Бенда солидарен с Камю, он говорит о «двух моральных расах», где одни сумели стать нравственными, а другие нет. Они солидарны и в своем отношении к «новому рационализму» немецкой философии, которую противопоставляют античной и картезианской философии; и в своем воинствующем неприятии сюрреализма и дендизма; и в отношении к ницшеанству и атеистическому экзистенциализму; и в отношении к последствиям этого тотального разрушения разума, которое проявилось в потере абсолютных ценностей демократии и гуманизма и переходе к относительности и конформизму; и в отношении к местечковому национализму и отказу от космополитизма. В общем, со всем теми следствиями, которые имеет отказ от рационализма, от общей природы человечества.

Жюльен Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Я полагаю, человека характеризует не анатомическое строение тела, а некий моральный признак. Позиция интеллектуала выражена в следующих словах корифея: «...Мы... разумеем жизнь человеческую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разумом, истинной добродетелью и жизнью духа». Точно так же если интеллектуал, верный своей сущности, не придает значения биологическим расам у людей, то он должен допустить у них *расы моральные*, а именно группы людей, которые сумели подняться до определенной нравственности, в отличие от других, оказавшихся к этому неспособными. Слово «раса», может быть, является здесь не вполне точным, поскольку ничто не доказывает, что в низком моральном уровне этих вторых групп есть нечто фатальное и что они никогда не смогут его преодолеть, — хотя в отношении того народа, имя которого у всех на устах, глубина существующего у него культа силы, упорство этого культа, порой его наивность и неосознанность наводят на такие мысли».

Из критики немецкой феноменологии, садизма и дендизма, предпринятого в трудах Бенды и Камю, последующие поколения не сделали никаких выводов. Вопрос о гибельности разрушения метафизики рационализма в современной философии больше не ставился так остро, за исключением, может быть, «Поражения мысли» Алена Финкелькраута в 1987 году. Все беды современного общества сводят к прегрешениям конкретных личностей, например, Гитлера или Маркса и Ленина. Тот факт, что истинные причины глобального кризиса современной цивилизации в кризисе рационалистического мышления, даже не стоит на повестке дня.

На смену немецкой классической философии пришли новые поколения феноменологов, которые развили и заостри-

ли их идеи «новой рациональности», состоящие в разрушении
единственно возможной рациональности. Мы уже не раз упо-
минали их имена. Это и иерофании «человека религиозного»
Элиаде, и эволюционная эпистемология Поппера, и археология
знаний Фуко, и научные революции Куна, и эгоистичные мемы
Докинса, и, конечно же, мифологики Леви-Стросса.

Ален Финкелькраут пишет в «Поражении мысли» уже о таких корифеях антиинтеллектуализм, ставших известными после Бенда и Камю, как Мишель Фуко и Клод Леви-Стросс, о котором мы писали в предыдущей главе. Матешук пишет о Финкелькрауте, как о продолжателе мысли Бенда в предисловии к его книге:

> «Новый автор исследует предательство интеллектуалов посткоммунистического мира, в котором доминируют серые императивы поп-культуры, возрождающийся национализм и этнический сепаратизм. Как и Бенда, он ратует за Просвещение и его идеалы, особенно за идеал всеобщей человеческой сущности, стоящей над всеми этническими, расовыми и половыми различиями людей. Теперешние интеллектуалы оказались много дальше своих предшественников в деле дискредитации высших ценностей. Они дошли до того, что объявляют мысль и неразумие имеющими одинаковый статус, а саму истину — ложным идеологическим конструктом (Фуко). Отречение от разума происходит сегодня в значительной степени под влиянием мультикультурализма: отказа от признания существования универсального культурного канона; утверждения идеи равноценности различных культур; размывания грани между «высокой» и «низкой» культурами — а точнее вследствие подчинения культуры антропологии (Леви-Стросс).
> В этом смысле поистине губительным, по мнению Финкелькраута, было влияние Леви-Строса, заявившего, что он будет сражаться против иерархической классификации культурных различий и против «ложной антиномии» логического и пралогического мышления Леви-Брюля. Но главное, что понял но-

> вый последователь Бенда, — это то, что «современные атаки на элитарность культуры ведут не к расширению культуры, а к ее разрушению»».

Мишель Фуко «История безумия в классическую эпоху»:

> «Но безумие, в отличие от телесных болезней, являет собой некую истину: оно выводит на поверхность внутренний мир дурных наклонностей, извращений, страданий и насилия, прежде погруженный в дремоту. Оно обнажает ту бездонную пропасть, которая и придает свободе человека весь ее смысл; эта пропасть, высвеченная безумием, есть злоба в своем диком состоянии. Благодаря Саду и Гойе западный мир вновь обрел возможность перейти черту разума в неистовстве насилия и, минуя все обетования диалектики, вернуться к трагическому опыту безумия. Неразумие в современном мире, после Сада и Гойи, принадлежит к решающим моментам любого творчества, — иначе говоря, к тем смертоносным, властным стихиям, которые заложены в творчестве как таковом».

Имеет ли границы свобода мышления? Вот вопрос, к которому мы приходим после анализа современной философии.

Формальная логика, оторванная от действительности, может бесконечно развиваться во всех направлениях, как доказали эти корифеи спекулятивных построений. Свобода осознанной необходимости Спинозы — не может быть свободой оторванной от действительности, поскольку это свобода, основанная на знании законов природы. Френсис Бэкон писал о том, что мы должны подчиниться природе, и был абсолютно прав. Наша свобода в подчинении законам природы, в ограничении нашего знания рамками свободы природы. Только тогда мы можем быть увере-

ны, что не выйдем за границы действительности. Свобода, которую сосредотачивает в руках человека знание законов природы, громадна, но не абсолютна. Это свобода контроля законов природы, доступ к силе природных энергий, которые нам дает знание законов природы.

Каковы же пределы абсолютной свободы, провозглашаемой феноменологами? Как правильно заметил Кьеркегор, это свобода столько же связывает, сколько развязывает, и в конечном итоге оказывается ничем, «королем без королевства», оборачиваясь «внутренним рабством». С чем это связано? Мечтать о том, чтобы навязать природе свою волю, могли только аборигены с магическим сознанием. Или Кант, который утверждал, что люди приписывают причинные связи природе. На самом же деле, человек только способен выдумывать новый мир воздушных замков, никак не связанных с реальностью в тех случаях, когда он не ставит себе целью подчинение природе, открытие ее законов. Выдуманный и реальный мир соприкасаются в конечном итоге также болезненно, как парящий человек рано или поздно больно ударяется о землю.

Мысль — не мистическая данность, которую можно безнаказанно растягивать во все стороны. Она также часть этого детерминированного мира и подчиняется его законам. Или вы мыслите правильно, и тогда мышление сосредотачивает в вас всю силу активного интеллекта, на которую способна природа: знание себя и окружающей природы. Либо вы мыслите неправильно, и тогда такая шизоидная мысль, тоже подчиняясь законам психики, в конечном итоге приводит к гибели психики. Поэтому мы не можем говорить о свободе мышления, о которой можно было мечтать только в детстве человечества.

Спекулятивная мысль, оторванная от действительности, не может быть частью поля интеллекта. Она становится частью поля эгосистемы. Ее свобода ограничивается законами природы, которые человек не осознает. И тогда она уже подчиняется не действительности, которая дала бы ей силу и свободу, а кривому зеркалу поля эгосистемы, которая пленяет иллюзией всесилия.

Спекулятивная мысль на поле эгосистемы давно имеет свое название в психиатрии. Это шизоидная мысль, которую психиатры называют также метафизической интоксикацией (правильнее было бы говорить «мистическая интоксикация»). Нетрудно понять, в чем состоит функция формальной логики на поле эгоси-

стемы, отражающем мир в кривом зеркале противостояния Эго

и Супер-Эго. В том, чтобы доказать победу Эго над Супер-Эго.

Важно помнить, что эгозащита может быть магической

как у аборигенов, то есть сводится к ритуалам и коллективным

представлениям, как показали Робертсон Смит и Леви-Брюль.

А может быть «интеллектуальной», как у Сада или Ницше.

В первом случае это физическая эгозащита, во втором интел-

лектуальная эгозащита. Другой разницы между этими двумя видами активности нет. И в том, и в другом случае человек оторван от действительности «кривым зеркалом» эгосистемы и живет в миражах. И в том, и в другом случае нет доступа

к духовной энергии поля интеллекта. Юнг хорошо сформулиро-

вал это состояние, как «кокон» между миром и человеком,

в котором человек все больше запутывается. Адлер и Хорни го-

ворили о «порочном круге».

Альбер Камю:

> «Те, что все отрицают и дозволяют себе
> убийство, — Сад, денди-убийца, безжалостный Единственный, Карамазов, последыши разнузданного разбойника, стреляющий в толпу сюрреалист — все они добиваются, в сущности, стальной свободы, безграничного возвеличивания человеческой гордыни. Обуянный бешенством нигилизм смешивает воедино творца и тварь. Устраняя любое основание для надежды, он вбрасывает все ограничения и в слепом возмущении, затмевающем даже его собственные цели, приходит к бесчеловечному выводу: отчего бы не убить то, что уже обречено смерти. Вот почему наследие романтизма усвоил не Гюго, пэр Франции, а Бодлер и Ласенер, поэты преступления. По словам Бодлера, «все в этом мире источает злодеяние — и газета, и стена, и человеческое лицо». Так пусть преступление, этот закон мира, приобретет утонченный облик. Ласенеру, первому в истории джентльмену-пре-

ступнику, это удалось. Бодлер был менее последователен, но более талантлив. Он вырастит цветник зла, где преступление будет только более редкостным цветком, чем остальные. Сам ужас превратится в изысканное ощущение и редкостный предмет любования. «Я не только был бы счастлив стать жертвой палача — я не отказался бы и от роли самого палача, чтобы ощутить революцию двояким образом». Даже конформизм у Бодлера попахивает преступлением. Он избрал де Местра в качестве образцового мыслителя, потому что этот консерватор шел до конца и строил свое учение вокруг палача и смерти. «Подлинный святой, — лукавит Бодлер, — это тот, кто сечет кнутом и убивает народ ради блага народа». Его пожелание будет исполнено. Порода настоящих святых начинает распространяться по всей земле, чтобы закрепить эти любопытные выводы из бунта. Но Бодлер, несмотря на свой сатанинский арсенал, пристрастие к Саду и богохульство, остается слишком рьяным теологом, чтобы стать настоящим бунтарем. Его подлинная драма, благодаря которой он стал величайшим поэтом своего времени, состояла в другом. Бодлер упоминается здесь постольку, поскольку он был самым глубоким теоретиком дендизма и дал окончательные формулировки одному из выводов романтического бунта. Ницшеанство, теория индивидуальной воли к власти, было обречено вписаться в тотальную волю к власти. Оно было ничто без мирового господства. Очевидно, Ницше ненавидел либеральных мыслителей-гуманистов. Ницше уже предвидел подобную колонизацию в отношении Гегеля, своеобразие которого, по Ницше, состояло в том, что он изобрел такой пантеизм, где зло, заблуждение и страдание больше не могли служить аргументами против Бога. «Но государство, власти предержащие немедленно использовали эту грандиозную инициативу». Однако сам Ницше замыслил систему, где преступление уже не могло бы послужить аргументом против чего бы то ни было, и где единственной ценностью была бы божественность человека. Эта грандиозная инициатива тоже должна была быть использована. В этом отношении национал-социализм является не более чем временным наследником, впечатляющим в своем неистовстве завершением нигилизма. Маркс, как и Ницше, мыслил стратегически и так же ненавидел формальную добродетель. Они соединятся в марксизме-ленинизме и воплотятся в той касте, о которой Ницше уже говорил: она должна «заменить священника, воспитателя, врача»».

Ж. Бенда, «Предательство интеллектуалов»:

> ...Можно сказать, что они создали целую *религию жестокости* (Ницше, провозгласивший, что ≪всякая высшая культура состоит из жестокости≫; доктрина, открыто излагаемая во многих местах автором книги ≪О крови, страсти и смерти≫Барреса) ...На это я отвечу, что индивидуум, перенося свои стремления на целое, к которому он себя причисляет, тем самым отнюдь не меняет их природы. Он лишь безмерно увеличивает их масштаб. Национальный эгоизм, оттого что он является национальным, не только не перестает быть эгоизмом, но и превращается в ≪священный≫ эгоизм... Чтобы читатель в полной мере уяснил новизну позиции современного интеллектуала, приведу высказывание Ренана, под которым подписались бы все мыслящие люди со времен Сократа: ≪Человек не принадлежит ни своему языку, ни своей расе; он принадлежит лишь себе самому, ибо это существо свободное, т.е. существо нравственное≫. На что Баррес отвечает под овации единомышленников: ≪Вот что нравственно: *не желать быть свободным от своей расы≫*.

2. НАЦИОНАЛИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗРУШЕННОГО РАЦИОНАЛИЗМА

Лев Клейн в «Истории антропологический учений» прямо связывает становление национализма в 20-м веке с крушением рационализма под давлением шизоидного интеллекта или «мистики», как его называют и Бенда и Камю за неимением лучшего термина.

Лев Клейн «История антропологических учений»:

> «Крайний национализм в Европе, прежде всего немецкий, также был пропитан мистикой. Она ему сродни принципиально. Ведь с конца 18 века национализм теоретически осмыслялся и воодушевлялся учением о национальном духе, а в этом понятии изначально было нечто мистическое. Мистика оставалась и остается существенной частью националистической идеологии. Немецкий нацизм продемонстрировал это с полной очевидностью. ...Гитлер очень ценил писания фон Листа и в молодости находился под его влиянием. В конце 19 века в Вене Гвидо фрн Лист, подростком 14 лет заявил перед языческим алтарем в катакомбах под Собором Св. Стефана в Вене: «Когда я вырасту, я построю рам Вота-

на!» Уже тогда германское язычество влекло его больше, чем христианство. Храма Вотана он не построил, но написал много стихов и романов о германских мифоэпических богах и героях. Другими выдающимися ревнителями традиционализма были Рене Генон и Чезаре Андреа Эвола. Генон принял ислам, взял себе арабское имя, поселился в Египте и женился на дочери шейха из фатимидского рода. С этого момента он шейх Абдель Вахед Якья. Он критикует экспансию Запада, разрушающую традиционный мир Востока. Эвола автор книг «Очерки о магическом реализме» (1925), «Восстание против современного мира» (1934), одобренный Геноном. Отношение к христианству у него резко отрицательно, в 1928 он пишет «Языческий империализм». В 1934 по приглашению Гиммлера он едет в Германию и читает лекции высшим кругам СС. Пишет он в это время книги по расовому вопросу (Три аспекта еврейского вопроса, Миф крови, Синтез расовой доктрины), одобренные при встрече лично Муссолини... Мирча Элиаде хорошо понимал свою близость к идеологии Рене Генона и Эволы. Он познакомился с ними, а с Эволой встречался не раз. « Вы знаете, — скажет он своему интервьюеру Роке, — к такой космической религии, названной «политеизм» или «язычество» относились пренебрежительно не только богословы, но и некоторые историки рлигий. Но мне-то довелось жить среди «язычников». А их божества суть проявления вселенского таинства, этого неиссякаемого источника творческой силы, жизни и блаженства. В конечном итоге я пришел к тому, чтобы раскрыть духовную ценность так называемого «язычества». Это было сказано в годы, когда в ряде стран Европы уже наблюдался взлет неоязычества, которое все больше сливалось с националистической идеологией, с отвержением христианства, как навязанной иудеями идеологии. Мирча Элиаде становился ученым идеологом или святым покровителем этого движения... Ланц фон Либенфельз, вдохновитель и идейный предтеча Гитлера. Факт что Иисус был евреем с негодованием отвергал. О библейском Моисее писал специальные сочинения «Моисей как антисемит» и «Моисей как пророк расовой морали». Его выгнали католики за ложные нехристианские идеи и плотские грехи. Среди его произведений «практическое введение в ариохристианскую мистику», «Практический учебник каббалы» и др. Доказательств его концепциям не требовалось, достаточно было ссылок на писания Гобино, Чемберлена и Вагнера, а все остальное обосновывалось откровениями свыше и мистическим проникновением в суть вещей. На год младше Кроули был англичанин Алисте Кроули. Написав ряд книг по магии, Кроули инициировал сатанизм. Он счи-

> тал, что сатана не враг человека. Себя он называл Великим Зверем и симпатизировал Гитлеру. Упования Гитлера на ясновидцев хорошо известны, что отражено в романе Фейхвангера «Братья Лаутензак».

Ж. Бенда пишет, что крушение рационализма под давлением мистики «новых рационалистов» (или шизоидного интеллекта) привело сначала к уничтожению науки как единой истины, к уничтожению этики как абсолютных общечеловеческих ценностей, выражающих природу человека, а потом к становлению национализма и милитаризма. Конечно, Естественное право как законы природы человека, как Институт прав человека, основанный на метафизике интеллекта, перестает существовать в связи с полной победой «мистицизма» и отказом от единой истины и этики в пользу множества мелких и враждующих национальных истин и ценностей.

Жюльен Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой *национальной* духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам.... Они провозглашают, что не существует высшей морали, перед которой должны склоняться все люди; что если рассматривать, в частности, международные отношения, то у каждого народа своя *собственная*, специфическая мораль, имеющая такую же ценность, как и мораль его соседей; и что те должны понимать эту мораль и к ней приспосабливаться. ... Это возвеличение особой морали и презрение к морали всеобщей.
>
> Как известно,
> целая школа, включающая не только политических и общественных деятелей, но и солидных философов, в течение полувека доказывает, что народ должен составить понятие о своих правах и обязанностях, обусловленное изучением его особого духа, его истории, его географического положения и конкретных обстоятельств, в которых он находится, а не велениями ил-

люзорного сознания человека всех времен и народов; что класс должен построить для себя шкалу блага и зла, определенную рассмотрением его особых нужд, особых целей, особых условий его жизненной среды, и не помышлять о «справедливости самой по себе», «гуманности самой по себе» и другой «мишуре» общей морали....

Чтобы читатель в полной мере
уяснил новизну позиции современного интеллектуала, приведу высказывание Ренана, под которым подписались бы все мыслящие люди со времен Сократа: «Человек не принадлежит ни своему языку, ни своей расе; он принадлежит лишь себе самому, ибо это существо свободное, т. е. существо нравственное». На что Баррес отвечает под овации единомышленников: «Вот что нравственно: *не желать быть свободным от своей расы*».

Этого очевидного возвеличения стадного инстинкта народы не сумели распознать у священнослужителей духа. ... Можно сказать, что в последние пятьдесят лет все авторитетные моралисты Европы — Бурже, Баррес, Моррас, Пеги, Д'Аннунцио, Киплинг, значительное большинство немецких мыслителей — одобряют готовность людей сознавать себя принадлежащими своей нации, своей расе, поскольку нация и раса отличают их от других и противопоставляют их другим, и стыдят их за всякое стремление сознавать себя в качестве человека, со всем, что есть в этом качестве общего, превосходящего этническое деление. Те, кто со времен стоиков не переставали проповедовать растворение национального эгоизма в чувстве отвлеченного вечного бытия, теперь порочат любое чувство этого рода и провозглашают высокую нравственность такого эгоизма.

В наше время потомки Эразма, Монтеня, Вольтера обличают гуманитаризм как моральную деградацию; более того, и как умственную деградацию, поскольку он сопряжен с «полным отсутствием практического чутья»....

Очевидно, что истина — большая помеха для намеревающихся утвердиться в своих от-
личиях: коль скоро они ее принимают, они принуждены сознавать себя во всеобщем. Какая радость для них — узнать, что это всеобщее лишь фантом, что существуют одни только частные истины, «истины лотарингские, провансальские, бретон-

> ские, согласие между которыми, устанавливавшееся веками, определяет то, что благотворно, почитаемо, *истинно во Франции*» (соседи наши говорят об *истинном в Германии*); иными словами, им приятно узнать, что Паскаль — не более чем грубый ум, что истина по сю сторону Пиренеев — полнейшее заблуждение по другую. — Подобное поучение человечество слышит и относительно класса: оно узнает, что есть буржуазная истина и рабочая истина; что даже функционирование нашего разума различно в зависимости от того, рабочие мы или буржуа. Преклонение перед частным и презрение к общему — это ниспровержение ценностей, характерное для всего мировоззрения современного интеллектуала и провозглашаемое им в гораздо более высокой области мысли, чем политика».

Айн Ренд «Атлант»:

> «Путь человеческой истории представлял собой полосу затмений на стерильных отрезках, разрушенных мистикой и силой, с немногими краткими проблесками солнца. Когда высвобожденная энергия людей разума творила чудеса, вы удивлялись им, восхищались ими и быстро уничтожали их. Однако на сей раз уничтожений не будет. Мистики проиграли. Мы, люди разума, выживем».

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Национализм, по моему мнению, есть не что иное, как рационализация милитаризма и агрессии Национализм — это детская болезнь, свинка человечества. Секрет бомбы должен быть передан мировому правительству… Пока государства требуют себе неограниченного суверенитета, мы несомненно снова и снова будем сталкиваться с масштабными войнами, в которых будет использоваться все более мощное и высокотехнологичное оружие. Всякий, кто действительно хочет уничтожить войну, должен решительно высказаться за ограничение суверенитета собственной страны в пользу международных институтов. Спасти человечество может лишь наднациональная система, основанная на законе, созданная для того, чтобы стать заменой методам грубой силы. Я выступаю за мировое правительство, поскольку убежден, что у нас нет другого пути избавления от опасности, угрожающей сейчас человечеству, — величайшей опасности на протяжении всей нашей истории. Избежать полного уничтожения — эта цель должна быть для нас важнее всех прочих. Необходимо создать мировое правительство, имеющее юриди-

> ческую власть разрешать конфликты между государствами... Власть его должна быть основана на четкой и ясной конституции, одобренной государствами и народами, и только ему должно быть разрешено распоряжаться наступательным вооружением Есть лишь один путь к миру и безопасности — путь наднациональной организации. Одностороннее вооружение тех или иных государств никого ни от чего не защищает, а лишь увеличивает общую напряженность и неопределенность Единственное спасение цивилизации и рода человеческого — создание мирового правительства, при котором безопасность государств и народов будет охраняться законом. Все что происходит в международных делах, должно делаться с мыслью о том, поможет ли это или помешает созданию мирового правительства?»

К. Ясперс «Истоки истории и ее цель»:

> «*Мировой порядок* являет собой единство без единой власти. Порабощению всех из единого центра противостоит принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета. Поэтому путь к мировому порядку ведет через самоограничение тех, кто обладает могуществом, и это самоограничение является условием свободы всех. Там, где кроме суверенитета, принадлежащего мировому порядку человечества в целом, остается еще какой-либо суверенитет, остается и источник несвободы; ибо он может быть сохранен только в качестве силы, противопоставляемой другой силе. Между тем насильственная организация, захват и создание посредством этого захвата государства всегда ведет к диктатуре, даже в том случае, если отправным пунктом была свободная демократия. Именно это произошло в Риме при переходе от республики к правлению цезарей. Именно так Французская революция сменилась диктатурой Наполеона. Демократия, совершающая завоевания, сама отрекается от себя. Демократия, стремящаяся к взаимопониманию людей, способствует всеобщему объединению, основанному на равенстве прав. Претензия на полный суверенитет вырастает из энергии порвавшего коммуникации самоутверждения. Последствия этого были словом и делом беспощадно доведены до сознания людей в век абсолютизма, когда, собственно, и возникло понятие суверенитета. Там, где при совместном решении великих держав действует право вето, там в полной мере сохраняется требование абсолютного суверенитета. Если люди собираются для установления мира, к которому все безусловно стремятся, они договариваются о необходимости подчиняться решению большинства. Изменить это можно, только убедив остальных в необходимо-

сти отказаться от этого решения посредством принятия нового решения. Ни вето, ни насилие не допускается. Мотивы отказа от права вето и суверенитета основаны на человечности, на стремлении к миру, на мудром предвидении того, что власть не может быть сохранена без объединения с другими, на предвидении того, что в войне, даже при победе над врагом, может быть столько потеряно, что эти потери превысят все остальное, на радостном стремлении прийти к соглашению в духовной борьбе и в создании единого мирового порядка, на радости совместной жизни с достойными людьми и на нежелании господствовать над побежденными и над рабами. Установление единого мирового порядка привело бы вместе с устранением абсолютного суверенитета и к устранению прежнего понятия государства во имя счастья людей. Результатом этого было бы не мировое государство (которое было бы мировой империей), а постоянно восстанавливающая себя посредством обсуждения и принятия решений организация государств, в ограниченных сферах пользующихся самоуправлением, другими словами, результатом был бы глобальный федерализм. Мировой порядок был бы продолжением и повсеместным распространением внутриполитической свободы. То и другое возможно только при ограничении политической власти вопросами существования. В этой плоскости речь идет не о развитии, формировании и раскрытии человеческой природы в целом, а о том, что по самой своей сущности свойственно или может быть свойственно всем людям, что, несмотря на все различия, на отклонения в вере и мировоззрении, объединяет людей, другими словами, об общечеловеческом. *В естественном праве* с давних пор делались попытки выявить эти общие свойства, связывающие всех людей. Естественное право устанавливает права человека, стремится создать внутри мирового порядка инстанцию, которая защищала бы отдельного человека от насильственных действий со стороны государства посредством действенных правовых процессов под эгидой суверенитета всего человечества».

А. Швейцер «Упадок и возрождение культуры»:

«Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению. К началу XIX столетия мышление признало за национальным государством право на существование. В обоснование этого указывалось на то, что национальное государство как естественный и гомогенный организм лучше всего способно осуществить идеал культурного государства. Современные массы требуют огра-

дить национальные воззрения от влияния разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священнейших чувств. Если в былые времена упадок культуры не вызывал такой путаницы в чувствах народов, то объясняется это тем, что национальная идея в рамках прежних культур никогда не возводилась до уровня культурного идеала нынешней значимости. Поэтому тогда и не могло случиться, чтобы национальная идея в конце концов подменила подлинные идеалы культуры и еще больше стимулировала и усложнила состояние бескультурья представлениями и убеждениями, внушенными уродливо националистическим подходом к жизни. В том, что истоки национализма лежат не столько в самой действительности, сколько в ее искаженном преломлении в воображении масс, нетрудно убедиться на примере любой националистической концепции. Национализм утверждает, что ведет реальную политику. В действительности же для него совершенно не характерен подлинно деловой и здравый подход к решению любых вопросов внешней и внутренней политики. Ибо национализм по своей сущности не только эгоистичен, но и энтузиастичен. Его реальная политика представляет собой стимулируемую народной страстью, догматизированную и идеализированную переоценку отдельных территориальных и экономических проблем, затрагивающих интересы масс. Он отстаивает свои требования без сколько-нибудь осмысленного определения их реальной ценности. Стремясь заполучить богатства, стоившие миллионы, современные государства обременяли свою экономику вооружениями, поглощавшими миллиарды. В благом намерении позаботиться о защите и расширении торговли они облагали последнюю поборами, угрожавшими ее конкурентоспособности в большей степени, чем все мероприятия противника. Итак, на деле реальная политика была нереальной, потому что из-за примешавшегося народного пристрастия делала неразрешимыми простейшие вопросы. Напоказ она выставляла экономические интересы, а про запас держала националистические идеи величия и преследования «врагов» нации. Ради усиления своей мощи каждое культурное государство брало себе в союзники всех, кого только могло. В результате полуцивилизованные и совсем нецивилизованные народы стали использоваться в эгоистических интересах одними культурными народами против других. Но помощники не довольствовались отведенной им ролью слепых орудий. Они во все возрастающей степени влияли на ход событий, пока не приобрели власти предписывать культурным народам Европы, когда следует выступить ради них друг против друга. Таково было возмездие за то, что мы отказались

от собственного достоинства и принесли в жертву бескультурью последние остатки того общего достояния, которым некогда располагали. Показательным для нездоровой сущности так называемой реальной политики национализма было стремление во что бы то ни стало прикрыться розовым флером идеала. Борьба за власть стала борьбой за право и культуру. Коалиции, в основе которых лежали эгоистические интересы борьбы одних народов против других, выдавались за содружества, продиктованные исконным родством уз и судеб, и подкреплялись ссылками на прошлое, даже если история давала больше примеров смертельной вражды, чем проявлений внутреннего родства. В конечном счете национализму было уже недостаточно в своей политике отвергать любую надежду на осуществление идеи культурного человечества. Провозглашая идею национальной культуры, он стал разрушать представление о самой культуре. Раньше была просто культура и каждый культурный народ стремился усваивать ее в наиболее чистой и развитой форме. При этом народности было присуще гораздо больше самобытности и цельности, чем ныне. И если тем не менее тогда не проявлялось никакого стремления к обособлению духовной жизни на национальной основе, то это доказывает лишь, что такое стремление отнюдь не показатель силы нации. Противоестественность такого развития проявляется не только в его непосредственных результатах, но и в той роли, которая по его вине выпадает на долю самомнения, высокомерия и самообольщения. Все ценное в личности пли в ее действиях, объясняется национальным своеобразием. Считается, что под чужими небесами ничто подобное вообще невозможно. В большинстве стран это тщеславие зашло уже так далеко, что для него вполне достижимы и геркулесовы столбы глупости. Само собой разумеется, духовное начало в национальной культуре отступает далеко на задний план. Оно теперь в большей мере лишь внешний наряд ее. А на деле национальная культура носит ярко выраженный материальный характер. Она представляет собой совокупность всех внешних достижений соответствующего народа и выступает в союзе с его экономическими и политическими требованиями. Коренящаяся якобы в своеобразии народа национальная культура отнюдь не ограничивается, как можно было бы предполагать, рамками соответствующей народности. Она чувствует себя призванной овладеть также другими народами и тем самым осчастливить их. Современные народы ищут рынков сбыта для своей культуры так же, как и для изделий своей промышленности или сельского хозяйства. Следовательно, национальная культура стала орудием пропаганды и статьей экспорта. Поэтому не случайно проявляется поистине трогательная забота о рекламе.

> Необходимые фразы можно получить уже в готовом виде, остается только комбинировать их... Так мир становится ареной конкуренции национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре. Мы уже больше не верим, что пароды, которые в качестве наследников греко-римского мира вместе вступили в средневековье и затем в условиях интенсивнейшего взаимного обмена идеями на собственном опыте познали Ренессанс, Просвещение и мышление нового времени, составляют вместе со своими ответвлениями в новых частях света монолитное культурное целое. Но если различия в их духовной жизни проявлялись в новейшее время все сильнее, то причина здесь прежде всего в неуклонном упадке культуры. Так при отливе обнажаются разделяющие водную стихию мели, которые во время прилива скрыты под водой»

3. БИБЛИЯ ДАРВИНА В ЦЕРКВИ САТАНЫ

Разрушенный Рационализм — самоубийство разума в 19 веке — вновь поставило западную цивилизацию на грань гибели как это уже было в античности, когда Гибрис-Эго шизоидного интеллекта одержало вверх над научным интеллектом духовной энергии.

Еще раз научная цивилизация оказалась висеть в воздухе, лишив самое себя основы основ своего существования — научного контроля. Лозунг «Нового рационализма» гласящий, что есть «много истин» вместо одной, означал только, что истины больше нет, а значит нет и науки, и научного мышления.

Вот когда духовная энергия поля интеллекта — «энергия добра» — оказалась беспомощной и разбитой в самом своем фундаменте. КТо ошибся бы сказав в этот период вслед за Ницше: «добрый и глупый, добрый и слабый»? Действительно, духовная энергия поля интеллекта не стоит ничего без научного контроля. И как раз в это время начинается интенсивное становление дарвинизма, Лженауки, рожденной гибелью рационализма, пришедшей на смену этическим религиям осевого времени. Этические религии осевого времени в согласии с этикой платонизма и «Этикой» Спинозы давали пусть пока смутную, но истинную картину сознания человека, как борьбы энергий добра

и зла в психике человека. Новая лженаука — Социальный Дарвинизм — принесла в корне ложную картину человеческого существа, вообще упразднив уровень сознания, уровень психической энергии, и отождествив человека с животным.

Из этого отождествления «животного и человеческого царств» как закона селекции, закона отбора выживания сильнейшего, справедливого для обоих царств, родилась Библия Сатаны, оправдывающая все пороки человечества, как борьбу за выживание: право силы, победителей не судят, естественность эгоизма, смысл жизни в наслаждениях, борьба хищников и ягнят, пожирание животных друг друга. Здесь как можно видеть весь арсенал пороков поля Эгосистемы, который с точки зрения этических религий есть «болезнь к смерти» человечества, а с точки зрения дарвинизма — его самая здоровая сущность.

Так, американский сатанист Ла-Вей, насчитывающий несколько миллионов последователей, глава официальной Церкви Сатаны, пишет, что его «Книга Сатаны» основана на теории происхождения человека Дарвина, что это бунт против немощного распятого Христа и гимн материализму и гедонизму.

Уже маркиз де Сад, первый знаменитый «сатанист», провозгласивший культ зла и преступления, строит свои шизоидные силлогизмы на посылках материализма, животной природы и эгоизма, которые эта животная природа предполагает. Он знал и почитал Вольтера и показал, к чему может привести подобный цинизм, если довести его до логического конца. Это противопо-

ставление христианской морали и культа эго, которое отчетливо
видно у Ницше, Сада, у современных социальных дарвинистов
вырождается в открытый культ против разума и добродетели.

Википедия

> «Современные сторонники социального дарвинизма“: „Сторонники современного сатанизма описывают себя как сторонников социального дарвинизма и евгеники. Сатанинская Библия создана Антоном Ла-Вей, основателем Церкви сатанизма в XX веке. Социал-дарвинистские идеи представлены всюду в этой Библии, Антон Шандор Ла-Вей описывает сатанизм как «религию, основанную на универсальных чертах человека», и люди описаны в его Библии как всецело плотские и как животные. Каждый из семи смертельных грехов описан им как естественный инстинкт человека и таким образом оправдан. Идеи социального дарвинизма имеют особое значение в «Книге Сатаны“, где Ла-Вей использует идею Рагнара Редберда: „Сила есть право», хотя эту идею можно найти повсюду в ссылках на врожденную силу человека и инстинкт самосохранения. Сатанизм Ла-Вея есть «обобщение Маккиавелевского личного интереса».

Хотя ряд авторов отрицает очевидный факт приверженности Гитлера теории социального дарвинизма, на этот счет написана не одна монография. Гитлер прямо заявил, что теория военного прогресса Дарвина уничтожает все предшествующие теории гуманизма и объявляет право сильного — единственным законом человеческого общества. Он говорит в своей книге, что не может быть сомнения в том, что существование человечества требует тяжелой борьбы, так как война делает человека человеком; что в последнем счете людьми движет только инстинкт самосохранения, то есть выживание сильнейшего в борьбе за место под солнцем; что под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, (ду-

рачки-гуманисты), которую он сводит к глупости, трусости и самомнению, тает как снег, что, наконец, человечество стало великим в вечной борьбе и деградирует при существовании вечного мира.

Совершенно в рамках терминологии Дарвина Гитлер пишет о том, что только борьба за выживание делает человечество сильным, здоровым и прогрессивным. Тем самым борьба является фактором более высокого развития. Как можно видеть, Гитлер (и на этом настаивают многие авторы, изучавшие его идеологию) строил свою теорию в полном соответствии с основными положениями теории происхождения человека Дарвина.

Вот только некоторые авторы, которые писали о том, что дарвинизм лежал в основе мировоззрения Гитлера: Hannah Arendt «The Origins of Totalitarianism» 1951, «Darwin and Hitler: In Their Own Words», Benjamin Wiker, «Human Events», May 5, 2008, «Was It Immoral for «Expelled' to Connect Darwinism and Nazi Racism?» Richard Weikart, Discovery Institute, May 2, 2008, «Connecting Hitler and Darwin», David Berlinski, Human Events, April 19, 2008, «Think about the Connection between Hitler and Darwin», David Klinghoffer, Jewcy.com, April 18, 2008, «Don't Doubt It», David Klinghoffer, National Review Online, April 18, 2008, «Darwin and the Nazis», Richard Weikart, «The American Spectator», April 16, 2008.

А вот слова самого Дарвина о праве сильного

и о необходимости уничтожения слабых для целей евгеники. Чарльз Дарвин «Происхождение человека»:

> «Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя
> есть следствие быстрого размножения. ... Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития. ... Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впадать в бездеятельность и отступать в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими. ... У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство — крайне неблагоприятно для человеческой расы. ... Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть, мы должны переносить безропотно несомненно вредные последствия переживания и размножения

> слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака».
> 49. Теория естественного отбора в человеческом обществе, как мы могли видеть на примере эволюционной эпистемологии Карла Поппера, не только не перестала быть актуальной, но напротив, антропологи вновь развернулись к Дарвину, инициировав третью волну эволюционизма, «дарвиновскую археологию». Лев Клейн пишет, что новые социальные дарвинисты противопоставили себя социальному дарвинизму Герьерта Спенсера, который не придавал должного на их взгляд значения естественному отбору.

Лев Клейн «История антропологических учений»:

> «Дарвин придерживался эмпирических выводов из открытых им механизмов изменения видов в процессе естественного отбора. И даже избегал терминов «эволюция» и «прогресс». А вот Спенсер исходил из общего философского принципа прогресса. Пропагандируя эволюцию, главной ее движущей силой он считал не естественный отбор, а лишь механизм адаптации, которую можно рассматривать и в духе Ламарка. Так вот, все эволюционисты в культурной антропологии, начиная с Тейлора и Моргана и кончая Лесли Уайтом, в сущности, применяли идеи Спенсера, а не Дарвина. Они считали, что в человеческом обществе естественный отбор остановился, уступив место социальным критериям выживания, адаптация же действует и в человеческом обществе, определяя направление изменений. Культуру они рассматривали как средство адаптации, их уклон можно назвать адапционизмом. Эти оценки сформулировал в 1980 г. американский археолог Роберт Даннел. Он и его соратники предложили вернуться к принципам Дарвина и восстановить значение естественного отбора. Противопоставили адаптационизму Спенсера селекционизм Дарвина. Они, полагая, что естественный отбор не остановился в человеческом обществе, а только приобрел другие формы, ратуют за селекционизм».

Результатами дарвиновской археологии стало развитие

направления селекционизма в антропологии. Появились труды
по этологии (изучение поведения животных), а вслед за ними
труды по сравнительной этологии и человеческой психологии.

«На основе этих работ дарвиновский селекционизм превратил-
ся в социобиологию, цель которой, — пишет Лев Клейн, — пока-
зать общность эволюционных механизмов групповой этологии
животных и коллективной психологии людей». Клейну близко
это направление, он считает людей кроманьонцами, как Леви-
Стросс считал себя человеком неолита.

Ричард Докинс (дарвиновский ротвейлер) пишет книгу
«Эгоистичный ген», где развивает мысль о том, что выживают
не организмы, а гены. Организмы приходят и уходят. А гены
знают, как о себе позаботиться, направляя все поведение лю-
дей в русле естественного отбора. Это очень эгоистичный ген.
Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интере-
сами генов. Теория эгоистичного мема Ричарда Докинса срод-
ни эволюционной эпистемологии Поппера, у которого теории
выживают в жесткой конкуренции. Так и мемы, будучи едини-
цами культурной информации, способствуют выживанию в про-
цессе естественного отбора. «Мемы так же эгоистичны, как
и гены», — пишет Клейн. Другой автор, Роберт Даннел, пишет,
что естественный отбор действует так же в культуре, как

и в природе, только он направлен не на генетическую природу
человека, а на его культуру. Это именно естественный отбор,
независимый от намерений и целей человека (как утверждал
и Поппер в отношении своего «третьего мира» конкурирующих
теорий). В отличие от Докинса, у Даннела отбор действует
не на гены, а на сами артефакты и лежащие в их основе идеи.

«Социобиологи заговорили о коэволюции, что было констата-
цией, — пишет Клейн, — двух направлений наследственности:
генетической и негенетической (культурной)».

Таким образом, дарвиновская археология противопоста-
вила адаптационизму Ламарка и Спенсера селекционизм есте-
ственного отбора Дарвина, который уже и культуру обосновал
с позиций биологизма и селекционизма. Эгоистичные гены и ме-
мы, конкурирующие теории, этология и социобиология — за все-
ми этими наукообразными терминами стоит стандартная для
биологизма и материализма редукция интеллекта и сознания
человека к животному миру. Мы уже не раз имели возможность
наблюдать последствия такой редукции на практике. Но другой
науки на сегодня у нас нет.

Разрушенный рационализм как основа научного контроля духовной энергии и одновременно ложная наука социального дарвинизма, которая обосновывает, что энергия поля Эгосистемы есть здоровье, сила и культура человечества — вот те результаты шизоидного мышления 19 века, которые сделали его веком дьявола, и продолжают сказываться еще и в 21 веке.

ГЛАВА 6. ЭКСПЕРИМЕНТЫ МИЛГРАМА: МОРАЛЬ ГОСПОД И МОРАЛЬ РАБОВ В ДЕЙСТВИИ

1. ЛЕВИ-СТРОСС ПРОТИВ ЛЕВИ-БРЮЛЯ В ОБЪЯСНЕНИИ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ ДИКАРЕЙ

Великие географические открытия поразили

Новое время не только масштабами новых открытых земель,

но в не меньшей степени и знакомством с первобытными людь-
ми. Аборигены не были те ми же людьми, но с меньшим разви-
тием. Их психика носила качественные отличия, она оказа-
лась
насквозь мистифицирована вопреки уверениям младой ма-
тери-
алистической науки о том, что человек всего лишь живот-
ное. То-
гда, казалось бы, чем менее развиты люди, чем ближе они
к природе, тем больше их поведение должно определять-
ся жи-
вотными инстинктами, тем больше они должны походить
на жи-
вотных. Ан нет, аборигены оказались во многих отношениях
очень далеки от поведения биологического выживания,
свой-

ственного животным.

Например, аборигены четко делили весь мир на видимые и невидимые силы, на природную реальность и магическую (колдовскую реальность). Никто не мог сказать, как они к этому пришли, грамоте они обучены не были. Они обожествляли солнце, луну, ветер, растения или животных (какое-либо конкретное) и молили у них о пощаде. Они отдавали большую часть своих скудных запасов на жертвоприношения этим рукотворным идолам. Они истязали себя пытками, мучили голодом и жаждой, они запрещали себе технические усовершенствования из страха разозлить богов.

Ученые Нового времени пришли к выводу, что мышление этих первобытных людей очень далеко от природы, что оно насквозь мистическое, что психика аборигенов объята страхом сверхъестественных сил, что им всюду мерещится черт и дьявол.

Где же тут искать животный мир? Даже Дарвин впоследствии признал в «Происхождении человека», что проблема эта кажется ему неразрешимой и ответа на вопрос он не видит. Он только робко намекает, что собаки тоже «обожествляют» хозяев. «*Проф. Браубах утверждает, что собака смотрит на своего хозяина, как на Бога».*

Чарльз Дарвин «Происхождение человека»:

> «То же высокое умственное развитие, которое впервые побудило человека
> верить в невидимое вмешательство духов, затем в фетишизм, политеизм и наконец в монотеизм, должно было роковым образом вести к различным странным суевериям и обычаям до тех пор, пока его разум оставался на низкой ступени развития. О некоторых из них страшно вспомнить: таковы, например, приношения людей в жертву кровожадному богу, испытание невинных посредством яда или огня, колдовство и т. п. Тем не менее полезно размышлять иногда об этих суевериях, потому что они показывают, какой глубокой благодарностью мы обязаны развитию нашего разума, науке и успехам наших знаний. Сэр Леббок справедливо замечает: «Мы можем сказать без преувеличения, что смутный ужас перед неведомым злом висит подобно черной туче над жизнью дикаря и отравляет ему всякую радость». Эти печальные и косвенные результаты наших высших способностей можно сравнить с побочными и случайными ошибками инстинктов низших животных».

Мы сразу можем отметить всю неадекватность попыток Дарвина экстраполяции эволюции животного мира на человеческое общество. Уже дикари — это не животные, не биологическая энергия, и Дарвин вынужден это признать в приведенной цитате. Потому что первый закон животного мира — сохранение жизни, и Дарвин не знает как объяснить, что дикари как раз живут в направлении обратном закону сохранеия жизни (в отличии от животных). Разве животное станет истязать себя, чтобы угодить тотемам? Разве животное станет отдавать свои скудные ресурсы для служения ритуалов тотемам? Разве животное откажется от усовершенствований, из страха перед тотемами? Разве животное станет отравлять себя и других, чтобы доказать кто прав? Вся, абсолютно вся активность абориген, вытекающая из магического сознания есть действия противоположные закону сохранения жизни. И Дарвин, как мы могли видеть, не умел объяснить этого факта (как и всех других связанных с психической энергией человека).

Мнения антропологов разделились. Эволюционисты считали, что мистика аборигенов, «анимизм» природных сил и тоте-

мизм в поклонении идолам природы — это зачатки философского мышления, примитивные попытки объяснить окружающий мир. Дюркгейм ввел понятие психической энергии. Он считал, что мистика аборигенов — это разделение на «сакральное и профанное» с целью обретения «психической энергии» в массовых скоплениях людей, необходимых для проведения сакральных ритуалов. Леви-Стросс заявил, что аборигены обладают полноценным развитым сознанием, ничем не уступающим цивилизованным людям. Он возражал Леви-Брюлю, который считал, что феномен первобытного сознания проливает свет на качественную неоднородность сознания: два качественно различных мышления, способных сосуществовать в одной психике, в одном человеке: мистическое (пралогичное) и научное.

Разве концепция Леви-Брюля не объясняет мифологические концепции о борьбе добра и зла в психике? Философские концепции экзистенциалистов и гуманистической психологии о борьбе истинного и ложного «я» в человеке?

На сегодня в антропологии прочно удерживается два мнения на сравнительный анализ психики дикарей (первобытного сознания) и психики цивилизованных людей. Вкратце это противостоянии в антропологии можно определить как «позиция Леви-Стросса против позиции Леви-Брюля».

Леви-Брюль утверждал качественные различия между психикой дикарей и психикой цивилизованного человека, при этом он подчеркивает, что это две автономные системы мышления (или две энергии), которые могут сосуществовать и в психике

одного человека, и потому обе системы сохранились и в современном обществе. Однако, в первобытном обществе выражено преобладает «до-логичное» или «пралогичное» мышление, тогда как в цивилизованном обществе преобладает логическое мышление (но есть место и пра-логичному).

Люсьен Леви-Брюль «Первобытное мышление»:

> «Мы
> сталкиваемся здесь с тем, что выражено в формуле эскимосского шамана: «Мы не имеем верований, мы боимся». Это означает: «Наши представления о невидимых силах не сравнимы с религиозными верованиями белых. Эмоциональная в существе своем природа наших представлений исключает всякое общее понятие об отношениях этих сил между собой, всякую догму об их сущности. Здесь нам не над чем размышлять. Мы умеем только бояться. При каждом знамение возвещающем беду, нас обуревает страх, и мы стараемся умиротворить божество, которое предполагаем разгневанным. Мы думаем только об обрядах и церемониях, от которых ждем спасения в этих случаях»…. Другими словами, какова бы ни была невидимая сила, какого бы ни было сверхъестественное влияние, присутствие или действие которых первобытный человек замечает или подозревает, едва только он обратил на них внимание, эмоциональная волна, более или менее сильная, заполняет все его сознание. Все представления рода пронизаны у первобытного человека подобной эмоциональной струей. Каждое из представлений приобретает, таким образом, тональность, которая мгновенно погружает первобытного человека в аффективное состояние, испытанное им уже много раз. У него нет нужды в интеллектуальном акте для того, чтобы распознавать это состояние. Здесь начинает действовать аффективная категория сверхъестественного. Таков, думается, глубокий смысл столь многочисленных свидетельств, где первобытные люди на разные лады повторяют: «Основа наших идей о невидимых силах — страх, который они нам внушают», «Мы не верим, мы боимся». Этим они хотят охарактеризовать основной элемент в их представлениях, относящихся к существам сверхъестественного мира. Этого элемента первобытный человек вовсе не представляет в собственном смысле этого слова, он его чувствует и мгновенно узнает».

И Дюркгейм, и Леви-Брюль говорили о резкой черте

между сакральным (священным, сверхъестественным) и мир-
ским (профанным, обычным), которую проводят аборигены
в своем мировоззрении. Понятно, что сакральным они называют
то, что видят сквозь «очки» поля эгосистемы (загрузки Супер-
Эго), а обычном то, что воспринимают через поле интеллекта,
непосредственно.

Леви-Стросс сосредоточил все усилия, чтобы опровергнуть эту позицию Леви-Брюля и развил концепцию новой логики, чтобы доказать что логика абориген идентична современному мышлению, и что никаких качественных отличий нет. Исчерпывающую критику дает концепции Леви-Стросса Л. Клейн в «Истории антропологических учений», которая наряду с Открытием психической энергии ставит точку в этом споре в пользу теории Леви-Брюля.

Один из самых веских его аргументов
в пользу качественной однородности сознаний первобытного
и цивилизованного человека состоит в «парадоксе неолита». По-
чему, спрашивает Леви-Стросс, если сознание первобытных лю-
дей действительно не способно к логическому мышлению, они
смогли совершить неолитическую революцию (то есть перейти
от присваивающего к производящему хозяйству)? И почему по-
сле этой революции развитие на тысячелетия было остановле-
но? Чем, кроме добровольного нежелания жить в научной циви-
лизации, можно объяснить тот факт, что развитие техники резко

остановилось после неолитической революции?

На этот вопрос очень просто ответить даже с позиций теории Леви-Брюля, который постулировал сосуществование двух типов мышления в одном человеке — и в цивилизованном, и в первобытном. Вся история человечества — это противоборство этих двух антагонистичных систем сознания. Темные века мистики и войн, когда побеждает мистическое сознание, и светлые века просвещения и демократии, когда побеждает сознание научное. Понятно, что никакого парадокса в остановке развития человечества после неолита нет. Научное сознание развивается очень медленно и требует огромных усилий. Мистическое сознание спонтанно и действует автоматически, не требуя ни развития, ни волевых усилий. До сих пор еще в наших так называемых цивилизованных обществах, где научное мышление сделало уже такой глобальный прогресс в сравнении с временами неолита, победа зачастую оказывается на стороне мистического сознания. Что же говорить о неолите.

Лев Клейн «История антропологических учений»:

> «Мир событий по Леви-Строссу хаотичен. Порядок в этот хаос вносится человеческим разумом. Этот порядок и есть сущность предметно-событийного мира. В нашем восприятии реальности помимо явной информации есть еще и скрытная, которую мы не осознаем. А ее надо выявить. Эта информация — структура, внесенная в мир нашим разумом, то есть структура нашего разума. Тут есть нечто общее с идеей универсальной грамматики Хомского, выдвинутой примерно в то же время. Структура эта

неизменна с того времени, как возник человек. Первобытное мышление по логической мощи равно нашему. Единственное различие — в употреблении. Замечалось, что в книге Леви-Стросса «Мышление дикаря» речь идет не столько о разуме дикаря, сколько о разуме самого Леви-Стросса. По Леви-Строссу, разум профессора французского колледжа ничем не отличается по своей структуре от разума австралийского аборигена. Свой разум он считал неолитическим. С равным успехом он мог бы назвать его верхнепалеолитическим. Ведь с тех пор человек биологически не изменился, стало быть мозг действительно один. Мозг, но не разум. Ибо в мышлении сказывается еще и развитие. Лурия экспериментально доказал, что мышление даже не дикарей, а неграмотных среднеазиатских дехкан не имеет некоторых качеств и операций, характерных для мышления образованных горожан. Таким образом, уже в исходной предпосылке есть изъян. Больше года он прожил среди намбиквара. Их жизнь — это вечное блаженство. Это «общество, сведенное к простейшему выражению" — „ничего кроме людей». Золотой век — это неолит. Образ жизни наиболее благоприятный для человека. Задача антрополога изучить их и указать человечеству пути спасения. Миссия — вернуть человечество в неолит. «Мне невкусен век, в котором мы живем». Вот почему он объявлял основателем культурной антропологии Жан-Жака Руссо. Тот тоже видел гармонию в первобытном, естественном человеке. Но разум, о котором говорит Леви-Стросс — это не рассудок, не сознание, и структуры, о которых он говорит, это не структуры сознания, а структуры бессознательного. Бессознательное Леви-Стросса отличается от бессознательных импульсов по Фрейду (чисто биологических). Бессознательно у Леви-Стросса логично, рационально, и есть не что иное, как скрытый, неосознаваемый механизм знаковых систем. Они не ощущаются самими практикующими их людьми, как не осознается говорящими грамматика. Бессознательное не содержит конкретных целей, мыслей и чувств. Оно есть форма. По Леви-Строссу, бессознательное всегда пусто, или точнее, оно также чуждо образам, как желудок чужд проходящей через него пище». Учение Леви-Стросса объявляли (и он с этим соглашался) разновидностью кантианства: у Канта априорные формы чувствования и разума накладываются на опыт. У Леви-Стросса тоже налагаются, и тоже априорные, но формы не рассудка, а его бессознательной основы. По Леви-Строссу, разум (в форме этого бессознательного) налагает свою структу-

> ру на нашу речь — парадигму фонотеки, морфологии, синтаксиса. На обычаи, обряды, верования. Но эти структуры в них скрыты, закодированы. В символах. Главная цель — понять этот код. Механика этого кода прячется по Леви-Строссу в бинарных оппозициях. Материал для его анализа мифологии составили свыше 800 мифов американских индейцев. Задача была ясна: выявить единые структуры разума и установить типологическое сходство мифов. Очень схожую задачу до него ставил В. Я. Пропп в «Морфологии сказок». Пропп шел от эмпирического материала. Он уловил сходство многих сюжетов волшебной сказки и установил единую обобщенную сюжетную схему. То есть вскрыл структуру. Леви-Стросс пошел другим путем, не от материала, а от априорных установок. Прежде всего, он выявлял не общее сходство сюжетов, а общее сходство элементарных единиц сюжетов — бинарных оппозиций. Их, конечно, можно везде где угодно. Что до Проппа, то Леви-Стросс обвинил его в формализме, точь-в-точь как советские идеологи обвиняли его в 30-х! Правда, Леви-Стросс вежливо аттестует себя как ученика Проппа. Это неверно во всех отношениях. Леви-Стросс никогда не видел Проппа лично и не воспринял ничего из его работ. (Это я слушал блестящие лекции Проппа и писал студенческую работу под его руководством. Это я имел бы некоторое право называть себя учеником Проппа.) Леви-Стросс вводит специальную терминологию («понятийный инструментарий»), которая очень привлекает неофитов, жаждущих научности «зоэма» — животный персонаж, «арматура» — совокупность устойчивых элементов содержания, «бинарный оператор». Он умудряется видеть бинарные оппозиции в чем угодно — по одному противоположному свойству, например, уши/анальное отверстие, глаза/испражнения. Что толку разбирать 4 тома результатов? С помощью таких правил, проводя такие операции, можно любой миф свести к любой схеме. Разные мифы могут быть представлены как трансформации одного. Здесь нет науки, а есть мифотворчество. Сам же Леви-Стросс кокетливо и цинично называл свою книгу «Мифом о мифах». Так оно и есть».

Вполне справедливую оценку дает работам Леви-Стросса Лев Клейн. Нелепа вся концепция Леви-Стросса: от попыток уравнять операционную мощь мышления первобытных и цивилизованных людей до утверждения о райской жизни дикарей

и «золотом веке» неолита. Ничего лучше не могло произрасти на почве немецкого идеализма Канта и Гегеля или материализма Маркса, которым был привержен Леви-Стросс.

Действительно, если мы обратим наши взоры к анализу литературы, нам нетрудно будет найти в ней эти два качественно различных сознания Леви-Брюля: мистическое сознание с загрузками Супер-Эго, проекциями и интроекциями Юнга с одной стороны и научное восприятие с другой стороны.

Карл Юнг, изучив мифы первобытных людей, развил свою ныне широко известную теорию архетипов бессознательного. Он пришел к выводу, что мифы дикарей слагаются из образов бессознательного, свойственных всем без исключения людям. И назвал эти образы архетипами. Он так же, как Фрейд, рассматривал сознание как энергетическую систему, но в отличие от Фрейда Юнг говорил именно о психической энергии. В его понимании «либидо» не было энергией биологический инстинктов, как у Фрейда, но энергией психики, в том числе энергией бессознательных архетипов. Юнг считал, что психика есть поле противодействия архетипов бессознательного и сознательного, волевого «Я», образующих вместе «самость», психику человека. Если энергия архетипов поглощает «Я», то есть волевую, сознательную часть психики человека, тогда наступает психоз, человек лишается воли и распадается на автоматизмы, которые есть проявление

энергии архетипов. Если человек информирован об этой опасной тенденции архетипов и умеет отличать эти образы бессознательного от своего «Я», то ему психоз не грозит.

Карл Юнг:

> «Вместе с усилением влияния коллективного бессознательного ослабевает руководящая власть сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательное и безличный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под рукой невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами».

Понятно, что архетипы в теории Юнга — это кривое зеркало поля эгосистемы в теории психической энергии. Юнг правильно отказался понимать биологические инстинкты как источник бессознательного и правильно определил бессознательное как психическую энергию. Он был прав также и в том, что увидел в архетипах бессознательного источник психозов.

Но он, как и Фрейд, не разделил эти два поля психики, как истинное «Я», фундаментальную энергию психики, и ложное «Я», патологию поверхностного образования, разрушающего здоровье и разум психики (как сделали Фромм, Хорни, Роджерс, например). Он считал, что архетипы составляют неотъемлемую часть психики всякого существа и могут быть так же полезны, как и служить источником психоза. В этом смысле он оказал большое влияние на концепцию иерофаний Мирчи Элиаде, видевшего в «явлениях сакрального» проявления энергии архети-

пов бессознательного. Лев Клейн пишет, что какое-то время они

совместно выпускали научный журнал.

Тем не менее вечную славу Фрейда, при всех грубых

ошибках, которые он совершил, составит открытие поля эгоси-

стемы, как двух противостоящих фигур Эго и Супер-Эго. Он от-

крыл структуру бессознательного как силового поля психики

с двумя противоположными полюсами: Эго и Супер-Эго. Фрейд

всегда подчеркивал противостоящий характер этих фигур бессо-

знательного.

Хотя сам он считал, что его эгосистема — это вся

психика человека, тогда как на самом деле — это только болезнь психики, энергия-паразит, которая разрушает истинную здоровую психику человека. Поэтому с резкой критикой именно в этом пункте выступили бывшие ученики Фрейда: Фромм, Хорни, Юнг, которые подчеркивали, что Фрейд обнаружив болезнь психики, отказывается видеть структуры здоровой энергии в основании сознания каждого челоевка. Фромм посвятил этой критике Фрейда книгу: «Величие и ограниченность Фрейда», где он в частности доказывает, что Фрейд, который увидел два противоположных притяжения поля Эгосистемы — Самолюбие и Влюбленность, не смог отделить эту больную «любовь-садомазохизм», от истинной любви-дружбы здоровых людей. Об этом же различии между «саолюбием-влюбленностью» нездоровых людей и «любовью-дружбой» пишет Маслоу в исследовании самоактуалов.

Надо сказать, что объяснения Фрейда о поле Эгосистеме, о противосто-

ящем характере полюсов Эго и Супер-Эго, обнаруженных им

в ходе психотерапевтической практики, довольно фанта-

стичны,

как можно видеть ниже. Он придумывает биологические пояснения, которые сводятся к абсурду.

Однако, если трактовать противостояние Эго и СуперЭго как полюса

силового поля бессознательной психики, то все становится на свои места.

Зигмунд Фрейд:

> «Можно, однако, сказать, что скрывается
> за страхом «Я» перед «Сверх-Я», перед страхом совести. Высшее существо, ставшее «Идеалом Я», когда-то угрожало кастрацией, и эта кастрация, вероятно, является тем ядром, вокруг которого откладывается страх совести; кастрация именно то, что продолжает себя как страх совести. ... Хотя и доступное всем дальнейшим влияниям, оно на всю жизнь сохраняет характер, полученный им вследствие своего происхождения от Эдипова комплекса, а именно — способность противопоставлять себя «Я» и преодолевать его. Оно — памятник былой слабости и зависимости «Я» и продолжает свое господство и над зрелым «Я». Как ребенок был принужден слушаться своих родителей, так и «Я» подчиняется, категорическому императиву своего «Сверх-Я». ... Вопрос, ответ на который мы отложили, гласит: как это происходит, что «Сверх-Я«, в основном, проявляет себя как чувство вины (лучше — как критика: чувство вины есть соответствующее этой критике восприятие в «Я») и при этом развивает по отношению к «Я» такую исключительную жестокость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то найдем, что могучее «Сверх-Я», захватившее сознание, неистовствует против «Я» с такой беспощадной яростью, как будто бы присвоив себе весь имеющийся в индивиде садизм. Согласно нашему пониманию садизма, мы сказали бы, что в «Сверх-Я» отложился разрушительный компонент, обратившись против «Я». То, что теперь господствует в «Сверх-Я», является как бы чистой культурой инстинкта смерти, и действительно ему довольно часто удается довести «Я» до смерти, если только оно до того не защитится от своего тирана обращением в манию».
> В этом смысле все архетипы Юнга имеют своим происхождением всего две эти изначальные фигуры силового поля эгосистемы, кривого зеркала чувственной информации. И когда Юнг говорит о проекции и интроекции, как «смешном обожествлении» или «самоуничижения», он как раз сводит все свои архетипы к противостоящим фигурам поля эгосистемы.

> Карл Юнг: «В случае Проекции он колеблется между избыточным и болезненным превознесением до небес своего врача и исполненным ненависти презрением к нему. В случае Интроекции он впадает в смешное самообожествление или моральное самоуничижение. Ошибка, которую он совершает в обоих случаях, состоит в том, что он приписывает содержания коллективного бессознательного некоторому определенному лицу. Таким образом, он превращает другого или себя самого в бога или дьявола».

Фрейд писал, что человек искажает мир, если воспринимает его как «загрузки Супер-Эго». Значит, он говорил о кривом зеркале поля эгосистемы. Мы уже говорили, что это чувственная

информация, искажающая представление о себе и о мире, как

двух противостоящих образах (информация, поставляемая фи-

зическим контролем закона сохранения силы психической энер-

гии).

Зигмунд Фрейд:

> «Стремление, которым суждение здесь фальсифицируется, — есть идеализация. Но этим самым нам облегчается и ориентировка, мы видим, что с объектом обращаются, как с собственным Эго, что значит, при влюбленности большая часть нарцистического либидо перетекает на объект. В некоторых формах любовного выбора очевиден даже факт, что объект служит заменой никогда не достигнутого собственного Супер-Эго. Его любят за совершенства, которых хотелось достигнуть в собственном Эго и которые этим окольным путем хотят приобрести для удовлетворения собственного нарциссизма. Всю ситуацию можно без остатка резюмировать в одной формуле: объект занял место Супер-Эго».

Что это за информация Кривого Зеркала поля Эгосистемы? Дюркгейм пишет в исследова-

нии религии австралийцев, что они сводят все свое сакральное

мировоззрение к некоему единому знаменателю «силы». Неко-

ей абстракции силы, не реальной, природной силы, которая имеет качественные характеристики, а некоей единой количе-
ственной абстракции. Действительно, это абстракция силы, кото-
рая показывает противостояние двух сил: всемогущества внеш-
ней силы мира и ничтожность Эго (образа себя). Страх, кото-рый
порождает такая картина поля эгосистемы, и есть тот са-мый за-
гадочный страх сверхъестественных сил дикарей, о котором столько писал Леви-Брюль.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Это не религия таких-то животных, таких-то людей или таких-то образов, а религия своего рода безымянной и безличной силы, которая встречается в каждом из этих существ, но не тождественна ни одному из них. Никто не обладает этой силой полностью, но все они причастны ей. Она настолько полностью независима от отдельных субъектов, в которых воплощена, что предшествует им и переживает их. ...Мы не обнаружили у истоков и в основе религиозной мысли никаких определенных и отдельных объектов и существ, которые обладали бы сакральным характером сами по себе; напротив, то, что мы увидели, — это неопределенные и безликие силы. В разных обществах эти силы более или менее многочисленны (хотя иногда они сливаются в одну), а их безличность весьма похожа на безличность физических сил, проявления которых изучают естественные науки. Что же касается отдельных священных вещей, то они всего лишь индивидуализированные формы этого основного принципа. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что даже в религиях, где есть
> настоящие боги, существуют обряды, обладающие силой, которая действует самостоятельно и независимо от божественного вмешательства»

Леви-Брюль, считал, что поле эгосистемы (пралогичное, мистическое сознание в его определении)

не является частью здоровой разумной психики человека, но сосуществует рядом с ней. Он говорил о качественном различии двух систем сознания, сосуществующих в одном индивиде. И считал, что эволюция состоит не в том, что поле эгосистемы развивается в поле интеллекта (то есть пралогичное сознание в разумное), а в том, что оба сознания всегда сохраняют свои характеристики, но у аборигенов больше развито мистическое сознание (поле эгосистемы), а у развитых людей научное сознание (поле интеллекта). Следовательно, эволюция приведет к изживанию мистического сознания, но пока современные люди могут вполне видеть мир подобно аборигенам: иногда как мистику сакрального, иногда как действительность научного восприятия.

Важно помнить, что мы, в отличие от Леви-Стросса и Фрейда, говорим о двух системах сознания (или двух силовых полях, двух энергиях психики в теории психической энергии). Поле эгосистемы — это только одна система психики, причем та ущербная и болезненная ее часть, о которой все эволюционисты от Спенсера и Кьеркегора до Леви-Брюля писали, как о той, которую человечеству предстоит изжить. Именно об этом поле эго-

системы мы можем говорить, как о «структуре» психике в том смысле, в каком писал о структурах сознания как о скрытых кодах бессознательного, накладывающихся на реальность (и проявляющихся в символах культуры) Леви-Стросс. Мы, конечно, не можем говорить, как о структуре бессознательного, об аппарате мышления человека, представляющего истинное «Я», здоровую психику человека, способную адекватно воспринимать реальность и вести научные исследования.

Тогда «декодировать скрытые структуры» будет означать показать, как поле эгосистемы извратило все общественные институты человека, от институтов магии и колдовства первобытных обществ до шизоидных мировоззренческих систем и смешанных с мистикой философий мировых религий.

Очень похоже говорит о противостоянии мистического и рационального сознания Айн Рэнд: поле садомазохизма против поля разума и совести. Ее терминология сбивает с толку, однако «эгоизм» Айн Ренд не имеет ничего общего с полем Эгосистемы, которое она описывает как «мистику тщеславия тиранов и самопожертвования рабов» и противопоставляет истинному самоуважению разумных людей (эгоизм в ее терминах). Закон сохранения силы психики ощущается как «важность самооценки» для здоровья психики, что является общим местом психологии (связь самооценки и здоровья). Однако, уже со времен Спинозы отмечается также и два различных вида самооценки (тщеславие и самуничижение с од-

ной стороны и достоинство и самоуважение с другой стороны). Адлер делает акцент на важности самооценки в своей теории комплекса неполноценности и разделяет здоровую самооценку и нездоровый комплекс неполноценности имеющий обратной стороной тщеславие. Хорни упрекает Адлера в том, что он хоть разделил эти виды самооценки, но не указал между ними качественного различия (а только количественное). Айн Ренд не делает этой ошибки, она делит и вид самооценки и две качественно отличные энергии.

Айн Рэнд «Добродетель эгоизма»:

> «Но если человек ценит разрушение, как садист или самоистязание как мазохист, если он выбирает иррациональные ценности, его эмоциональный механизм вместо функций охранной системы начинает выполнять функцию разрушителя. Иррациональное невозможно, оно противоречит фактам реальности; факты нельзя отменить по собственному желанию, но они могут уничтожить того, кто этого пожелает. Если человек жаждет противоречий и стремится к ним, он разрушает собственное сознание; его внутренняя жизнь превращается в гражданскую войну слепых сил, сталкивающихся в темных, неясных, бессмысленных, бесполезных конфликтах. Нужно добавить, что эмоциональное состояние всех этих иррационалистов неправильно называть счастьем или даже удовольствием: это не более чем секундное облегчение преследующего их хронического ужаса».

Айн Рэнд «Атлант»:

> «Не заблуждайтесь относительно характера мистиков. На протяжении веков их целью было ослабить ваше сознание, их единственной страстью — править вами посредством силы. Каждый диктатор мистик, и каждый мистик — потенциальный диктатор. Мистик жаждет от людей повиновения, а не согласия. Вы настолько порочны, что верите, что способны приспособиться к диктатуре мистика и угождать ему, повинуясь его приказаниям. Но угодить ему нельзя никак, если станете повиноваться, он будет менять свои приказания. Он хочет повиновения ради повиновения и разрушения ради разрушения. Вы настолько трусливы, что верите, будто можно прийти к соглашению с мистиком, но откупиться от него нельзя никак.

> Откуп, которого он хочет, это ваша жизнь».

Психология Кьеркегора стала импульсом развития гуманистической психологии, основными теоретиче- скими постулатами которой было признание психики как осо- бой человеческой реальности несводимой к животному; разде- ления двух качественно различных систем сознания, лож- ного «Я» и истинного «Я»; признание противоборства между этими двумя антагонистичными системами; признание ложного «Я» скрытой болезнью, которую необходимо выявить и устра- нить.

Такова магистральная мысль работ Карена Хорни, Эриха Фром- ма, Карла Юнга, Абрахама Маслоу, Альфреда Адлера, Гор- дона Олпорта, Виактора Франкла, Карла Роджерса, Бертрана Рас- села («Завоевание счастья»). О Платоне и Спинозе, предше- ственни- ках всей гуманистической философии и психологии, мы говорили выше.

Платон «Государство»:

> «Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая. Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда подстрекаемая и насилуемая яростным слепнем, она будет полна смяте-

> ния и раскаяния».

Теория психической энергии понимает обе системы сознания, как два силовых поля психики, образованных законом сохранения силы психики. Джон Милль писал, что наука становится зрелой, когда открыт самый важный ее закон, как гравитация в механике или периодический закон в химии. С другой стороны, Гордон Олпорт писал, что психология станет наукой, когда будет найдена «клетка» психологии, единица изучения. Таким законом для психологии является закон сохранения силы психики, образующий два ее силовых поля. А «клеткой» психологии будут, соответственно, эти поля психики. В одном случае — это физический контроль сохранения силы, который образует поле эгосистемы (с полюсами Эго и Супер-Эго). В другом случае — научный контроль сохранения силы, который образует поле интеллекта (с полюсами активного и пассивного интеллекта).

Поле эгосистемы ощущается, как страх сверхъестественных сил (как тщеславие и злорадство), так как отражает человека и мир, как абстракцию двух противоборствующих сил: беспомощного индивида и всесильный мир. Это мотивация дефицита или боли, согласно определению Фромма и Маслоу, так как в ее

основе потребность избежать боли, которая принципиально неутолима (эгосистема всегда воспроизводит искаженную картину мира, страх и неспособность взаимодействовать с реальностью).

Эрих Фромм «Человек для себя»:

> «Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же, не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение. ... Эти желания похожи на нормальные физиологические потребности, поскольку и те, и другие берут начало в некоей нехватке или дефиците. В первом случае в основе дефицита лежат нормальные химические процессы внутри организма; во втором случае желания являются результатом психической дисфункции».

Абрахам Маслоу:

> «В любом случае психологическая жизнь личности во многих ее аспектах проживается в одном ключе, когда личность зациклена на «ликвидации дефицита», и совершенно в другом, когда она руководствуется «метамотивацией», то есть сосредоточена на самоактуализации».

Поле интеллекта ощущается, как страсть к познанию (притяжения активного и пассивного полюсов интеллекта, мышления и законов природы), что мы часто наблюдаем в жизни мыслителей. Его мотивация — это мотивация избытка или удовольствия, согласно Фромму и Маслоу. Их деятельность эффективна и конструктивна, так как люди, у которых активно поле интеллекта, способны видеть реальность и адекватно контакти-

ровать с ней (научный контроль). Разумное начало души Плато-
на, Интеллектуальная любовь к Богу Спинозы, «мыслю, сле-до-
вательно, существую» Декарта. Эйнштейн говорил о том, что
научная деятельность имеет своим источником глубин-ную по-
требность человеческой души в знании. В нашей интерпрета-
ции поле интеллекта психической энергии, как порождение
метафизики интеллекта (активного и пассивного интеллекта),
он называет рационалистической религиозностью.

Альберт Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Состояние ума, дающее человеку возможность выполнять такого рода ра-
> боту, сродни состоянию благоговейного верующего или влюб-
> ленного: ежедневные усилия определяются не сознательным на-
> мерением, не какой-то программой — они исходят прямо
> из сердца. Я придерживаюсь мнения, что все сложные и творче-
> ские изыскания в научной сфере исходят из глубоко религиоз-
> ного чувства. Кроме того, я верю, что такая религиозность — это
> единственно возможная творческая религиозная активность
> в наше время».

Поле эгосистемы и поле интеллекта противостоят друг
другу и как эмоциональные системы: как поле тщеславия, страха
и злорадства с одной стороны и поле самоуважения, отваги
и совести с другой стороны.

Известно, что Карл Поппер в «открытом обществе» противопоставил «экономизм» Маркса как истинную науку «психологизму Д. Милля как лженауке. Он уверяет вслед за О. Контом, что науки психологии нет, и хвалит Маркса за то, что тот и не пытался объяснять общество законами психологии подобно Миллю, но сразу взялся за «законы экономики».

Однако, ход его аргументации очень легко опровергнуть если мы теперь имеем понятие «силовых полей психики» как

«единицы психики», которых у нас не было до Научной Революции Энергетики.

Поппер говорит, что история началась с аборигенов, а у аборигенов нет индивида, к которому можно применить законы психологии, а есть только институты «коллективных представлений». что «коллективные представления» в форме магических институтов ритуалов предшествовали разумной психике индивида. Он делает из этого тот вывод, что психологии нет как науки, нет законов сознания человека. Разумному человеку предшествуют «институты», а когда разум развивается, индивид высвобождает себя из-под власти этого «племенного духа» коллективных представлений. Но мы теперь можем ему возразить: да, психики индивида нет у дикарей, есть единое поле эгосистемы. То, что Ле Бон называл психологией масс. Есть единый цикличный гомеостаз поля эгосистемы, который соединяет психику дикарей в нерасторжимое целое через притяжения Самолюбия и Влюбленности. Это вполне законы психики и вполне наука психология. А вот общественных институтов тут пока нет и в помине. Поэтому Карл Поппер поспешил отдавать лавровый венок Марксу за «экономизм», презиравший психологическую трактовку. В конечном итоге победил «психологизм» Милля.

Карл Поппер, защищая «экономизм Маркса» и противопоставляя ему «психологизм» Милля отстаивает также Нормативное право против Естественного права. Он хочет доказать, что

если природой управляют законы природы (он готов допустить хоть он эмпирик), то о законах природы в обществе нечего и говорить: обществом управляют законы человеческие, институты установленные человеком, «социальная инженерия». Соответственно с этим, Поппер настаивает, что попытки Милля обосновать «естественное право» как законы психики, как законы природы — абсурдны. И соответственно, он вслед за иррационалистами 19 века, обосновывает уникальность и специфичность национальных правовых систем, и отсутствие какого либо общечеловеческого естественного права, каких либо общих для всех «Прав человека».

Однако, теория психической энергии опровергает аргументацию Поппера и доказывает правоту «психологизма» Милля против «экономизма» Маркса, и утверждает Естественное право как общую природу человека, как законы психики общие для всего человеческого рода.

Понятие силовых полей психики, как единиц психической энергии, позволяют объяснить различную структуру общественных образований. Поле эгосистемы, как деспотии физического контроля садомазохизма, левиафаны, где воля господ поглощает волю рабов (или воля одного волю всех как у Гоббса) — цикличный гомеостаз притяжений Самолюбия и Влюбленности поля эгосистемы. И поле интеллекта, как демократии научного контроля, где есть истина законов природы и все равны в знании законов природы, управление построено, как контроль этих законов природы, а эмоциональное поле объединено совестью и сочувствием. Современные правовые государства юридического контроля — это среднее между двумя вышеперечисленными. Поэтому оно всегда в критическом со-

стоянии и стремится либо назад — к цикличному равновесию

физического контроля, либо вперед — к устойчивому равнове-

сию научного контроля государства будущего.

Сегодня победа Нормативного Права иррационализма 19 века ведет к тому, что современные правовые государства оказались на «ничьей земле»: это и не физический контроль откровенных деспотий, и не научный контроль естественного права. В результате та неустойчивость, те взрывы мировых войн, то засилье коррупции, что мы наблюдаем со времен становления националистических государств Нормативного права. Процесс этот не остановится сам по себе, потому что психическая энергия нуждается в контроле: государства либо вернуться к физическому контролю садомазохизма Левиафанов (куда их сегодня ведут спецслужбы), либо обретут абсолютную устойчивость научного контроля Международных институтов Естественного права.

Эта та же ситуация кризиса, в которой западная научная цивилизация оказалась в пору заката античности, погубленной «Мистикой»ё ее шизоидного интеллекта «гибрис-Эго». Однако, теперь мистика поля Эгосистемы проиграет, и разум (то есть научный контроль победит. Потому что, есть Научная Революция Энергетика и есть Открытие психической энергии.

Айн Ренд «Атлант»:

> «Путь человеческой истории представлял собой полосу затмений на стерильных отрезках, разру-
> шенных мистикой и силой, с немногими краткими проблесками солнца. Когда высвобожденная энергия людей разума творила чудеса, вы удивлялись им, восхищались ими и быстро уничтожали их. Однако на сей раз уничтожений не будет. Мистики проиграли. Мы, люди разума, выживем».

2. СРЕДНИЙ, ЗДОРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЭКСПЕРИМЕНТЫ СТЕНЛИ МИЛГРАМА НА «ПОДЧИНЕНИЕ АВТОРИТЕТУ»

Дюркгейм в «Тотемических системах Австралии» проводит параллель между «страхом сверхъестественных сил» у aборигeн и таковым же у цивилизованных людей, подчеркивая, что иррациональность в поклонении авторитетам имеет то же происхождение, что и «сакральное» в сознание дикарей. Иначе говоря, это та же количественная абстракция силы, порождаемая кривым зеркалом поля Эгосистемы.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Кроме того, мы можем видеть, что сегодня, так же как и в прошлом, общество постоянно создает священные вещи практически с нуля. Если оно вдруг увлеклось неким человеком, решив, что обнаружило в нем свои основные устремления, которые движут его, а также средства для их реализации, то этот человек возносится над остальными и как бы обожествляется. Общественное мнение будет наделять его величием, полностью аналогичным тому, которое оберегает богов. Так было со многими правителями, в которых верили их эпохи: если их не делали богами, то, по крайней мере, считали непосредственными представителями божества. То, что единственным автором всех этих обожествлений является общество, очевидно из факта, что нередко подобным образом сакрализовывался человек, не имевший на это права, если исходить из его личных заслуг».

Об этой сакрализации «социальных авторитетов» пишут и многие другие мыслители, как напрмер Б. Рассел, З. Фрейд и Э. Фромм.

Б. Рассел «Власть и личность»:

> «Мы можем наблюдать на большей части поверхности земли нечто похожее на возврат к системе обожествления власти, принятой в древнем Египте, контролируемый новой кастой священников. Хотя эта тенденция не так сильна на Западе как на Востоке, она тем не менее, зашла так далеко, что легко привела бы в изумление 18 и 19 века как в Англии, так и в Америке. Инициатива личности подрублена как государством, так и гигантскими корпорациями, что

> породило большой риск появления, как в древнем Риме, разновидности апатии и фатализма, губительных для полноценной жизни».

З. Фрейд, «Будущее одной иллюзии»:

> «Вследствие какой-то диффузии, или заразительного действия, характер святости, неприкосновенности, можно даже сказать, потусторонности с немногих важных запретов распространился на все другие культурные установления, законы и предписания. Этим последним, однако, сияние святости часто не к лицу; мало того, что они взаимно обесценивают сами себя, поскольку отражают расходящиеся до противоположности устремления разных эпох и регионов, они еще и выставляют на обозрение все черты человеческого несовершенства. Среди них легко распознать такие, которые могут быть лишь продуктом близорукой робости, выражением честолюбивых интересов или следствием произвольных предпосылок. Неизбежно сосредоточивающаяся на них критика в нежелательной мере подрывает уважение и к другим, более оправданным требованиям культуры. Поскольку будет рискованной задачей разграничивать то, что повелел сам бог, и то, что восходит скорее к авторитету какого-нибудь всесильного парламента или высокого должностного лица, то всего лучше, пожалуй, вообще вывести бога из игры и честно признать чисто человеческое происхождение всех культурных установлении и предписаний. Вместе с мнимой святостью эти запреты и законы утратили бы и свою оцепенелую неизменность».

Э. Фромм четко разграничивает понятия «Рационального авторитета» и «иррационального авторитета», чтобы показать (как он делает это всегда) различное восприятие поля интеллекта и поля Эгосистемы (то есть научного контроля и физического контроля):

Э. ФРомм, «Человек для себя»:

> «Реальная же проблема в том, какой вид авторитета следует нам признать. Говоря об авторитете, имеем ли мы в виду рациональный авторитет или иррациональный? Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность. Человек, чей авторитет уважается, компетентно справляется с задачей, возложенной на него теми, кто ему доверяет. Ему не нужно запугивать их или возбуждать в них восхищение его магическими свойствами; до той поры, пока он способен компетентно помогать, а не эксплуатировать, его авторитет базируется на рациональных основаниях и не взывает к иррацио-

нальному благоговению. Рациональный авторитет не только допускает, но и требует постоянного внимательного разбора и критики со стороны тех, кто его признает; он всегда временен, его признание зависит от его действенности.

Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми. Эта власть может быть физической или ментальной, она может быть реальной или условной, порожденной лишь тревогой и беспомощностью человека, подпавшего под влияние этого авторитета. Власть — с одной стороны, страх— с другой, всегда служат опорой иррационального авторитета. Такой авторитет не только не нуждается в критике, но и запрещает ее. Рациональный авторитет основывается на равенстве между авторитетом и субъектом, которые различаются только уровнем знания и умения в той или иной области. Иррациональный же авторитет по самой своей природе строится на неравенстве, предполагающем различие в ценности. Формально авторитарная этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо; здесь норму всегда устанавливает авторитет, стоящий над индивидом. Такая система основывается не на разуме и знании, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективном чувстве слабости и зависимости; на отказе от решений, предоставляющем авторитету право принимать их, руководствуясь своей магической властью; его решения не могут и не должны подвергаться сомнению. Материально, или в смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов авторитета, а не интересов субъекта; она — эксплуататорская, Он обладатель качеств, не достижимых для кого бы то ни было: магической власти, мудрости, силы, в чем ни один из людей не может с ним даже сравниться. Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или единственным вождем, посланным судьбой, принципиальное неравенство

> между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной совести. Те, кто подчинен ему, служат средствами для его целей и, соответственно, они — его собственность, которой он пользуется в своих целях. Верховная власть авторитета ставится под сомнение при попытке творения перестать быть вещью и стать творцом».

Теперь, когда мы переходим к Экспериментам Стенли Милграма на «Подчинение авторитету», мы уже знакомы с поставленной проблемой. В экспериментах Милграма речь идет о подчинении иррациональным авторитетам и о механизмах физического контроля поля Эгосистемы.

Это легко доказать, основываясь на материалах опубликованных Милграмом в качестве отчета о проведенных экспериментах (перевод мой — английский текст есть в английской версии Научной Революции).

Суть эксперимента Йельского университета. Дали объявление на поиск желающих участвовать в эксперименте, якобы на проверку когнитивных способностей. Тем, кто откликнулся предложили поработать «учителями», которые будут проверять обучаемость «учеников» под надзором ученых из Йельского университета. За неправильные ответы «учеников» те, кто будет в роли «учителей» должны давать разряды тока по возрастающей шкале, вплоть до очень высоких уровней опасных для жизни.

Понятно, что «ученики» были актерами, что настоящего тока не было, и что настоящими испутуемыми были «учителя», которых проверяли на то, как далеко они зайдут в исполнении приказов ученых Йеля (авторитетов) в наказании током «учеников». При этом никакого силового или социального давления на них не оказывалось за непослушание, ничего кроме строгих приказов ученых Йеля им не грозило. Результаты поразили всех, и прежде всего самого Милграма. «Учителя» в 70% случаев довели наказание «учеников» до самых высоких уровней, просто чтобы услужить ученым сотрудникам Йельского университета. «**Тем не менее, наблюдался резкий спад в подчинении: 16 из 20 испытуемых прервали эксперимент, когда в роли экс-**

периментатора был простой человек, — пишет Милграм, - несмотря на его настояние, что эксперимент должен продолжаться и длительной плотины из убеждающих аргументов с его стороны.

Милграм признает, что люди в его экспериментах как бы раздваивались между с одной стороны своей совестью и разумом (научный контроль поля интеллекта) и с другой стороны — мистификацией поля Эгосистемы, которая заставляла их видеть в авторитетах количественную абстракцию силы кривого зеркала, и что поле Эгосистемы взяло вверх над полем совести: тщеславием красоваться перед авторитетами, страх перед авторитетами стал больше, чем укоры совести, которые они также чувствовали.

С. Милграм, «Подчинение авторитету»:

> **«Другая психологическая сила, работающая в этой ситуации, может быть названа «контр — антропоморфизм». Потому как психологи много обсуждали примитивную тенденцию людей приписывать неодушевленным предметам и силам качества людей. Обратная тенденция, однако, приписывание неодушевленных качеств человеческим по своей природе силам, как в происхождении, так и в дальнейшем развитии. Некоторые люди обращаются с системами человеческого происхождения как если бы они существовали над и вне всего человеческого, вне контроля прихотей и человеческих чувств. Человеческая составляющая за посредниками этих сил и институтов отрицается. Так, когда экспериментатор говорит, «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали», испытуемый воспринимает это как требование, которое находится над любой человеческой командой.** Он не задает кажущиеся очевидными вопросы, «Чей эксперимент? Почему надо обслуживать автора идеи, в то время как жертва будет страдать?» Желания человека — автора эксперимента — стали частью схемы, которая отдает сознание испытуемого под влияние нечеловеческой силы. «Теперь оно будет продолжаться, теперь оно будет продолжаться» повторял один испытуемый. У него не хватило ума понять, что такой же человек как он хотел, чтобы это продолжалось. **Для него человеческий посредник испарился из ситуации, и «Эксперимент» сам требовал своего собственного нечеловеческого желания.**
>
> Многие люди в эксперименте были в каком-то смысле против того, что они делали с учеником, и многие возражали, даже оставаясь по-

слушными. Но между мыслями, словами и критическим шагом непослушания злой власти находится другая составляющая, способность трансформировать принципы и ценности в поступок. **Некоторые испытуемые были абсолютно убежденны в неправильности своего поведения, но не могли заставить себя пойти на открытый конфликт с авторитетом.** Некоторым доставляли удовольствие их мысли и они чувствовали себя — по крайней мере про себя — на стороне ангелов. **То чего они не смоги понять — что субъективные чувства нерелевантны моральному вопросу в запасе постольку поскольку они не были воплощены в действие. Политический контроль осуществляется через действия. Моральная позиция охранников концентрационных лагерей не имеет значения, если на деле они позволяют убивать невинных людей в своем присутствии. Таким же образом, так называемое «интеллектуальное сопротивление» в Европе — в котором люди путем изменения направления мыслей считали, что они проявили неповиновение завоевателям — было всего лишь ослаблением напряжения, предпринятым психологическим механизмом».**

С. Милграм «Подчинение авторитету»:

«Вторым неожиданным аспектом было напряжение, вызванное процедурой. Можно предположить, что человек просто прервет эксперимент или продолжит как предпишит его совесть. Но это очень далеко от того, что мы наблюдали на деле. Некоторые испытуемые показали поразительную реакцию эмоционального напряжения.

Как мы должны интерпретировать факт обнаружения нервного напряжения? Во-первых, это указывает на присутствие конфликта. Если бы тенденция соглашаться с властью была единственной психической силой, действующей в этой ситуации, все испытуемые довели бы эксперимент до конца, и не было бы никакого напряжения. Напряжение, как принято считать, происходит от одновременного присутствия двух или больших несовместимых реакций. Если бы сочувствие жертве было единственной силой, все испытуемые спокойно отказались бы повиноваться экспериментатору. Вместо этого, наличествовали обе тенденции — и послушаться и отказаться от выполнения приказа, часто сопровождаемые крайним нервным напряжением. Конфликт развивается между глубоко укоренившейся предрасположенностью не причинять вреда другим и равно принудительной тенденцией подчиняться представителям власти. Испытуемый тотчас же оказывается перед дилеммой, и наличие сильного напряжения, говорит о значительной мощности каждого из антагонистичных векторов.

> Более того, напряжение определяет силу уровня отвращения, которого испытуемый не может избежать через неповиновение. Когда человек чувствует себя некомфортно, натянутым, или ощущает стресс, он старается предпринять шаги, которые позволят ему прекратить неприятные ощущения. Такое напряжение может служить в качестве движущей силы, которая позволяет избегать поведения. Но в данной ситуации, даже когда напряжение чрезвычайно высоко, многие испытуемые неспособны на реакцию, которая приведет к спаду напряжения. Поэтому, должен существовать конкурирующий стимул, тенденция или запрет, которые предотвращают активацию реакции неповиновения. Сила этого запретного фактора должна превосходить силу стресса, иначе произошел бы сад напряжения через неповиновение. Каждое свидетельство крайнего напряжения определяют в то же время показатели мощности сил, которые управляют испытуемым в данной ситуации.
> Наконец, напряжение служит свидетельством реальности ситуации для испытуемых. Нормальные испытуемые не дрожат и не потеют, если они не чувствуют себя глубоко увязшими в серьезной проблеме».

Вот как об это рассказывает сам Милграм.
С. Милграм, «Подчинение Авторитету»:

> «На уровне наличия желания и отсутствия принуждения подчинение сохраняет видимость сотрудничества; на уровне применения силы или наказания против индивида, подчинение есть следствие страха. Наш эксперимент работает только в условиях добровольного подчинения в отсутствии угрозы всех сортов, подчинение, которое считается должным просто на том основании, что авторитет утверждает, что имеет право на контроль действий человека. Любая сила авторитета в этом эксперименте основана на силе, которую испытуемый приписал ему, а не на какой-либо объективной угрозе или же доступе к физическим средствам контроля испытуемого.
> Чаще всего даваемое объяснение состоит в том, что те, кто доходил до самых высоких рычагов шока были чудовищами, представляющими садистскую прослойку общества. Но если учесть, что почти две трети участников подпадают под категорию «послушных» испытуемых, и что они все представлены обычными людьми, из рабочих, управляющих и профессиональных классов общества, аргумент теряет свою основу. Действительно, это очень напоминает вопрос, который Ханах Арендт поднял в своей книге 1963 года, Эрихман в Йерусалеме. Арендт настаивал на том, что попытки пра-

восудия представить Эрихмана как садиста-чудовища были ошибочны в корне, что он на самом деле был всего лишь безличным бюрократом, который просто сидел за своим столом и выполнял свою работу. Отстаивая эту точку зрения, Арендт стал предметом всеобщего презрения, даже клеветы. Каким-то образом всем казалось, что чудовищные поступки, проведенные в жизнь Эрихманом, требовали свирепую, извращенную и садистскую натуру, воплощения дьявола. **После наблюдения сотен обычных людей подчиняющихся авторитету в наших собственных экспериментах, я должен заключить, что концепция Арендта о банальности зла больше похожа на правду, чем человек мог бы вообразить. Обычные люди, которые применяли шок к жертвам, делали это из чувства обязанности — от понимания своих обязанностей как испытуемых — а вовсе не из какой-то особенной предрасположенности к агрессии.**

Это возможно самый фундаментальный урок, извлеченный из нашего исследования: **обычные люди, просто выполняя свою работу, и без какой-либо особенной враждебности с их стороны, могут стать агентами чудовищных разрушительных процессов. Более того, даже когда деструктивный характер их работы становится очевидным, и их просят продолжать выполнять действия несовместимые с моральными стандартами, сравнительно немного людей находят в себе силы отказать авторитету.** Множество запретов против непослушания авторитету вступают в игру и удачно держат человека на его месте.

Общая тенденция в корректировке мыслей у послушных испытуемых стремление уйти от ответственности за свои поступки. **Они освобождают себя от ответственности, передавая всю ответственность экспериментатору, законной власти.** Они видят себя ни как людей, которые действуют в рамках морали, но как агентов внешнего авторитета. **В последовавших за экспериментах интервью, на вопрос почему они продолжали эксперимент, самым типичным ответом было: «Я не стал бы делать этого сам. Я просто делал то, что мне сказали».** Неспособные проявить неповиновение авторитету экспериментатора, они переносят всю ответственность на него. Это старая история о том «что они только выполняли свой долг», которую слышали снова и снова в защитных речах тех, кого обвиняли в Нуремберге. **Но будет неправильно думать об этом, как о крепком алиби, состряпанном для случая. Скорее, это фундаментальный метод мышления большинства людей, в замкнутой ситуации подчиненной позиции во властной структуре общества. Это испарение чувства ответственности самое далеко идущее последствие подчинения авторитету.**

Поступок, исполненный под приказом, психологически, глубоко отличается от спонтанного поступка.

Человек, который, по внутренним убеждениям, не приемлет воровства, убийства и насилия может обнаружить себя, выполняющим эти действия с относительной легкостью под командой авторитетных лиц. Поведение, которое невообразимо для человека самого по себе, может быть выполнено без колебаний под приказом.

Хотя человек, работающий под влиянием авторитета, кажется нарушающим стандарты своего сознания, не будет правильным сказать, что он теряет свое моральное чувство. Вместо этого, моральное чувство приобретает радикально другой фокус. **Он не реагирует моральной сентиментальностью на свои действия. Скорее, его моральное чувство занято теперь вычислениями того, насколько здорово он справляется с ожиданиями уполномоченного властью лица. Во время войны солдат не спрашивает хорошо или плохо бомбардировка села; он не чувствует вины или стыда разрушая деревню: скорее он чувствует гордость или стыд в зависимости от того, насколько хорошо он выполнил миссию, порученную ему.**

Есть основания думать, что испытуемые по прибытии, были ориентированы на экспериментатора больше чем на жертву. Они пришли в лабораторию, чтобы удовлетворить структуре, которую обеспечил экспериментатор, а не жертва. Они пришли не понимать поведение, а показать свое поведение компетентному ученому, и они горели желанием удовлетворить всем требованиям ученого. **Большинство испытуемых были весьма заинтересованы впечатлением, которое они производили на экспериментатора, так что казалось, что эта увлеченность мнением ученого в сравнительно новой и странной среде сделала испытуемых в каком-то смысле нечувствительными к третьей части социальной ситуации. Испытуемые были столь озабоченны шоу, которое они исполняли для экспериментатора, что влияние другого конца социальной лестницы не стало весомым.**

Систематическая клевета на жертву обеспечивает психологическое оправдание жестокого обращения с жертвой и является постоянным спутником резни, погромов и войн. **В любом случае, нашим испытуемым было бы значительно легче наказывать шоком жертву, если бы жертву убедительно обрисовали как свирепого преступника или извращенца.**

Очень интересен, однако, факт, что многие испытуемые резко принижали жертву, как следствие своих действий против них. Такие комментарии как «Он был такой глупый и упрямый, он заслуживал шока», были очень частыми. Однажды предприняв шаги против жертвы, эти испытуемые посчитали необходимым видеть его как

> недостойного человека, чье наказание было неизбежным следствием недостатков его интеллекта и характера».

К сожалению, эти испытуемые Милграма на сегодняшний день — средние здоровые люди с относительно чистым от поля Эгосистемы заражением. И мы видим как легко активировать поле Эгосистемы «загрузками СуперЭго» в качестве «магических авторитетов» даже у относительно здоровых людей в ситуации, где отсутствует какая-либо информацию о закономерностях психической энергии; — где научный контроль людей все еще ничего не знает о механизмах физического контроля. Именно эта ситуация делает бессильными и глупыми «добрых» людей относительного психического здоровья, которые легко становятся орудием зла и жертвами зла в руках людей с Устойчивой Верхней Эгозащитой циклического гомеостаза. Тех, кого Ницше называл Моралью Господ, обладающих «коварством и хитростью» и видящих свою цель в подчинении своей воле Класса Рабов любыми средствами. Хищники-волки пожирающие домашний скот — ягнят, — так Ницше понимает «силу» «благородной белокурой бестии». Правда здесь только в том, что физический контроль садомазохизма, насилия и подчинения, господ и рабов в самом деле есть вид психического пожирания Верхней Эгозащитой Нижней Эгозащиты, поскольку циклический гомеостаз материальной энергии одинаков и для биологической энергии и для психической.

А вот в чем у Ницше очередной фундаментальное противоречие (а вся его «философия» есть сплошное противоречие, что говорит о том, что философом он все не стал, но художником стал точно), так это в его определении «благородной бестии» Морали Господ, которую он отличает от «рабов» гордым цитированием античности: «Мы Правдивые!» Вот уж нет. Вся подлость и коварство Верхней Эгозащиты садистов держится исключительно на лжи, и Ницше вынужден это признать награждая своих «благородных» «коварством и хистростью».

Нет, хищник-волк, ты не «благородная бестия» Ницше, который был только душевнобольным поэтом, ты всего лишь подлый

и тупой садист, те «низшие люди», потерявшие небо всего человеческого, нравственного, разумного, благородного, наконец. Но об этом в следующей главе.

ГЛАВА 7. ФИЛОСОФИЯ ДОБРА И ЗЛА В «АРХИПЕЛАГЕ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА

1. ФРАНКЕНШТЕЙН СПЕЦСЛУЖБ ИЗ ПРОБИРКИ 19 ВЕКА У А. СОЛЖЕНИЦЫНА

«Архипелаг» Солженицына — выдающееся произведение не только благодаря самому факту разоблачения одного из величайших феноменов зла в истории, ведь факты так легко исказить глупой или ложной интерпретацией. «Архипелаг» Солженицына — выдающийся шедевр духовного подвига, который несет (и не мог не нести!) правду фактов в свете моральной философии Добра и Зла.

Именно Философия Солженицына, его глубокое духовное прозрение в сущность фактов Зла Советской Империи (такого же Франкенштейна как Гитлеровская империя, вылупившихся из пробирки дарвинизма и материализма 19-го века) с точки зрения живого еще истинного носителя энергии Духа — вот в чем истинная значимость великого подвига Солженицына, которая поставила его книгу в разряд «Священных Писаний» бу-

дущего, на которых будет жить человечество до конца своего существования. (многие из этих книг, большую их часть мне удалось процитировать в трудах по Научной Революции Энергетика).

В чем же существо философии этого Святого, которого современные остатки разоблаченного им КГБ, уже поспешили опять причислить к «врагам и предателям» народа? (Ибо для кого секрет истинное отношение путинского режима к разоблачениям истории их спецслужб Солженицыным?) Прозрение Солженицына такого как у всех людей, у которых духовная энергия достигла своего высочайшего развития от Сократа, Платона, Христа, Спинозы и Кьеркегора до современных ученых таких как ФРомм или Маслоу; даже Ницше в свой первый период творчества, когда он писал «Шопенгауэра как воспитателя». Это прозрение антагонизма двух силовых полей психики, где одно духовное, а другое материальное, как смертной борьбы Добра и Зла. И именно потому, что как всякий религиозный гений он сумел показать Зло КГБ (и иже с ними МГБ, НКВД, он хорошо рассказал истории этих служб) через призму этой философии, он сумел пролить свет на правду фактов, и донести истину до сердец своих читателей.

Вслед за Ж. Бенда и в согласии с А. Камю Солженицын подчеркивает, что «диалектика марксизма-ленинизма» не имеет ничего общего с «рационализмом», а является разрушением рациональной мысли, логики, науки и значит истины. Он подчеркивает, что марксисты знаменитыми растяжками своей диалектики во все стороны довели «относительность истины» до того, что судебный процесс и какие либо доказательства стали вообще излишними: сажали невиновных, а доказательством признавалось только признание под пытками, причем пытали не только обвиняемых, но и их семьи.

> «Оказывается, в тот грознопамятный год в своём докладе, ставшем в специальных кругах знаменитым, Андрей Январь–евич (так и хочется обмолвиться Ягуарьевич) Вышинский в духе гибчайшей диалектики (которой мы не разрешаем ни государственным подданным,

ни теперь электронным машинам, ибо для них да есть да, а нет есть нет) напомнил, что для человечества никогда не возможно установить абсолютную истину, а лишь относительную. И отсюда он сделал шаг, на который юристы не решались две тысячи лет: что, стало быть, и истина, устанавливаемая следствием и судом, не может быть абсолютной, а лишь относительной. Поэтому, подписывая приговор о расстреле, мы всё равно никогда не можем быть абсолютно уверены, что казним виновного, а лишь с некоторой степенью приближения, в некоторых предположениях, в известном смысле. (Может быть, сам Вышинский не меньше своих слушателей нуждался тогда в этом диалектическом утешении. Крича с прокурорской трибуны «всех расстрелять как бешеных собак!», он–то, злой и умный, понимал, что подсудимые невиновны. С тем большей страстью, вероятно, он и такой кит марксистской диалектики, как Бухарин, предавались диалектическим украшениям вокруг судебной лжи: Бухарину слишком глупо и беспомощно было погибать совсем невиновному — он даже нуждался найти свою вину! — а Вышинскому приятнее было ощущать себя логистом, чем неприкрытым подлецом.)

Отсюда — самый деловой вывод: что напрасной тратой времени были бы поиски абсолютных улик (улики все относительны), несомненных свидетелей (они могут и разноречить). Доказательства же виновности относительные, приблизительные, следователь может найти и без улик и без свидетелей, не выходя из кабинета, «опираясь не только на свой ум, но и на своё партийное чутьё, свои нравственные силы» (то есть на преимущества выспавшегося, сытого и не–избиваемого человека) «и на свой характер» (то есть волю к жестокости)!

И только в одном Вышинский не дотянул, отступил от диалектической логики: почему–то пулю он оставил абсолютной...

Так, развиваясь по спирали, выводы передовой юриспруденции вернулись к доантичным или средневековым взглядам. Как средневековые заплечные мастера, наши следователи, прокуроры и судьи согласились видеть главное доказательство виновности в признании её подследственным

Однако простодушное Средневековье, чтобы вынудить желаемое признание, шло на драматические картинные средства: дыбу, колесо, жаровню, ерша, посадку на кол. В Двадцатом же веке, используя и развитую медицину и немалый тюремный опыт (кто–нибудь пресерьёзно защитил на этом диссертации), признали такое сгущение сильных средств излишним, при массовом применении — громоздким

Объединить ли всё теперь и объяснить, что сажали безвинных? Но мы упустили сказать, что само понятие вины отменено ещё про-

> летарской революцией, а в начале 30–х годов объявлено правым оппортунизмом! Так что мы уже не можем спекулировать на этих отсталых понятиях: вина и невиновность».

Далее, Солженицын подчеркивает тот факт, что Двадцатый век породил Идеологию, которая и стала роковой, породив того Франкенштейна карательных служб советской системы (и не только советской подчеркивает Солженицын, но и гитлеровской тоже), который поразил человечество масштабами и бесчеловечностью совершенного Зла. Дух не может не видеть своего истинного врага: разрушенный рационализм и дарвинизм 19 века.

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»:

> «Если бы чеховским интеллигентам, всё гадавшим, что будет через двадцать — тридцать — сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытать муравьями, клопами, загонять раскалённый на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого лёгкого — пытать по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, — ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом.
>
> Да не только чеховские герои, но какой нормальный русский человек в начале века, в том числе любой член РСДРП, мог бы поверить, мог бы вынести такую клевету на светлое будущее? То, что ещё вязалось при Алексее Михайловиче, что при Петре уже казалось варварством, что при Бироне могло быть применено к 10–20 человекам, что совершенно невозможно стало с Екатерины, — то в расцвете великого Двадцатого века в обществе, задуманном по социалистическому принципу, в годы, когда уже летали самолёты, появилось звуковое кино и радио, — было совершено не одним злодеем, не в одном потаённом месте, но десятками тысяч специально обученных людей–зверей над беззащитными миллионами жертв.
>
> Кому–кому, но следователям–то было ясно видно, что дела — дуты! Они–то, исключая совещания, не могли же друг другу и себе серьёзно говорить, что разоблачают преступников? Они понимали, что дела — дуты, и всё же трудились за годом год. Как это?.. Либо заставляли себя не думать (а это уже разрушение человека), приня-

> ли просто: так надо! тот, кто пишет для них инструкции, ошибаться не может.
> Но, помнится, и нацисты аргументировали так же?
> От сравнения Гестапо — МГБ уклониться никому не дано: слишком совпадают и годы и методы. Ещё естественнее сравнивали те, кто сам прошёл и Гестапо и МГБ, как Евгений Иванович Дивнич, эмигрант. Гестапо обвиняло его в коммунистической деятельности среди русских рабочих в Германии, МГБ — в связи с мировой буржуазией. Дивнич делал вывод не в пользу МГБ: истязали и там и здесь, но Гестапо всё же добивалось истины, и когда обвинение отпало — Дивнича выпустили. МГБ же не искало истины и не имело намерения кого–либо взятого выпускать из когтей».

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»:

> «Идеология! — это она даёт искомое оправдание злодейству и нужную долгую твёрдость злодею. Та общественная теория, которая помогает ему перед собой и перед другими обелять свои поступки и слышать не укоры, не проклятья, а хвалы и почёт.
> Благодаря Идеологии досталось Двадцатому веку испытать злодейство миллионное. Его не опровергнуть, не обойти, не замолчать — и как же при этом осмелимся мы настаивать, что злодеев — не бывает? А кто ж эти миллионы уничтожал? А без злодеев — Архипелага бы не было.
> Прошёл слух в 1918–20 годах, будто Петроградская ЧК и Одесская своих осуждённых не всех расстреливали, а некоторыми кормили (живьём) зверей городских зверинцев. Я не знаю, правда это или навет, и если были случаи, то сколько. Но я и не стал бы изыскивать доказательств: по обычаю голубых кантов я предложил бы им самим доказать нам, что это невозможно. А где же в условиях голода тех лет доставать пищу для зверинца? Отрывать у рабочего класса? Этим врагам всё равно умирать — отчего ж бы смертью своей им не поддержать зверохозяйство Республики и так способствовать нашему шагу в будущее? Разве это — не целесообразно»? Вот та черта, которую не переступить шекспировскому злодею, но злодей с идеологией переходит её — и глаза его остаются ясны».

Здесь, упрекая идеологию дарвинизма и материализма в Редукции всей Духовной Культуры человечества до уровня зверей, Солженицын ставит вопрос о противостоянии Духовной Энергии Добра и Материальной энергии Зла уже широко и многосторонне, излагая свою идею далее на страницах всего труда.

Но чтобы понять о чем ведет речь мыслитель, важно помнить об этой отправной точке: двадцатый век с его Идеологией звериного человечества породил то страшное Зло по безнаказанному убиению миллионов невинных. И что противостоит этой звериной идеологии — только Духовная энергия человечества, и именно с позиций этой духовной энергии интеллигенции, еще живой в таких героях мысли как Солженицын, и дает Солженицын оценку глубины «грязи и гниловища» разложения человечества эпохи дарвинизма.

2. ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: «СМЫВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КАЛ И ПРАХ»

Очень четко ставит Солженицын вопрос о противостоянии двух «моральных рас», как говорит Ж. Бенда: чекистов (то есть всех тех, кто служил в карательной системе страны) против интеллигенции, и не забывает сообщить разницу между истинными интеллигентами и теми кого так стали называть в советское время. Действительно, как всегда с Физическим контролем поля Эгосистемы Чекисты в описании Солженицына оказываются не только «По ту сторону Интеллекта и Развития», но и «По ту сторону Добра и Зла», то есть начисто лишены как мысли, так и совести. Более того, их режим стабильно обеспечивал деградацию и самых интеллигентных людей, доводя их до состояния животных в ГУЛАГах, и в пыточных камерах.

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов — и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически — и они не таковы. Им по службе нужно только чёткое исполнение директив и бессердечность к страданиям — и вот это их, это есть. Мы, прошедшие через их руки, душно ощущаем их корпус, донага лишённый общечеловеческих представлений.
> …Философы, психологи, медики и писатели могли бы в наших лагерях как нигде наблюдать подробно и множественно особый процесс сужения интеллектуального и духовного кругозора человека, сниже-

ния человека до животного и процесс умирания заживо. Но психологам, попадавшим в лагеря, большей частью было не до наблюдений: они сами угожали в ту же струю, смывающую личность в кал и прах».

А. Солженицын «Архипелаг»:

«В статье «Как организовать соревнование» (7–10 января 1918) В. И. Ленин провозгласил общую единую цель «очистки земли российской от всяких вредных насекомых». Ленин в этой статье предвидел разнообразные: где посадят, где поставят чистить сортиры, где «по отбытии карцера выдадут жёлтые билеты», где расстреляют тунеядца; тут на выбор — тюрьма «или наказание на принудительных работах тягчайшего вида»

А ещё: «...в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне... нет... саботажников, называющих себя интеллигентами?» Правда, формы очистки от насекомых

И невозможно было бы эту санитарную очистку произвести, да ещё в условиях войны, если бы пользовались устарелыми процессуальными формами и юридическими нормами. Но форму приняли совсем новую: внесудебную расправу, и неблагодарную эту работу самоотверженно взвалила на себя ВЧК — Часовой Революции, единственный в человеческой истории карательный орган, совместивший в одних руках: слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение решения.

В 19-м же году с широким замётом вокруг истинных и псевдозаговоров («Национальный Центр», Военный Заговор) в Москве, в Петрограде и в других городах расстреливали по спискам (то есть брали вольных сразу для расстрела) и просто гребли в тюрьму интеллигенцию, так называемую околокадетскую. А что значит «околокадетская»? Не монархическая и не социалистическая, то есть: все научные круги, все университетские, все художественные, литературные да и вся инженерия. Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80% её, и была «околокадетской». Сюда, по мнению Ленина, относился, например, Короленко — «жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками», «таким „талантам“ не грех посидеть недельки в тюрьме». Об отдельных арестованных группах мы узнаём из протестов Горького. 15.9.1919 Ильич отвечает ему: «...для нас ясно, что и тут ошибки были» но — «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!», и советует Горькому не «тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов»

...В самом деле, ненадёжных попутчиков, всю эту интеллигентскую шать и гниль — когда же сажать, если не в канун войны за миро-

> вую революцию? Когда большая война начнётся — уже будет поздно.
> ...То есть мы никогда инженерам и не доверяли — этих лакеев и прислужников бывших капиталистических хозяев мы с первых же лет Революции взяли под здоровое рабочее недоверие и контроль. Однако в восстановительный период мы всё же допускали их работать в нашей промышленности, всю силу классового удара направляя на интеллигенцию прочую.
> ...В прошлых потоках не забывали интеллигенцию, не забывают её и теперь. Достаточно студенческого доноса (сочетание этих слов давно не звучит странно), что их вузовский лектор цитирует всё больше Ленина и Маркса, а Сталина не цитирует — и лектор уже не приходит на очередную лекцию. А если он вообще не цитирует?.. Садятся все ленинградские востоковеды среднего и младшего поколения. Садится весь состав Института Севера (кроме сексотов). Не брезгуют и преподавателями школ».

Солженицын противопоставляет чекистов и интеллигенцию как добро и зло, и при этом подчеркивает, что это противопоставлении духовной энергии совести и разума — звериной энергии силового давления и тщеславия («верхнего и нижнего разума», «отсутствия у них верхнего разума», отсутствия «духовно-нравственных ограничений»); также показывает различие между истинной интеллигенцией, с которой воевали чекисты, и теми, кого они стали так называть. Например, те врачи, которые служили системе (здесь напрашивается параллель с разоблачениями ЦРУ Д. Марксом, который пишет, что ученые психологи и др ученые вынуждены были переходить все нормы этики, работая на ЦРУ). Сравнивая Инженеров среди которых ему приходилось расти, еще ту «чеховскую интеллигенцию» с «духовной печатью на лице», со злодеями-чекистами, Солженицын прямо противопоставляет их как служителей добра и служителей зла. (О «докторе Гаазе», о его подвигах для заключенных (немец-врач в России 19-го века) замечательно написал Герцен в своих вопоминаниях).

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «А между тем ни по одному из этих признаков человек не может быть зачислен в интеллигенцию. Если мы не хотим потерять это по-

нятие, мы не должны его разменивать. Интеллигент не определяется профессиональной принадлежностью и родом занятий. Хорошее воспитание и хорошая семья тоже ещё не обязательно выращивают интеллигента. Интеллигент — это тот, чьи интересы и воля к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им. Интеллигент это тот, чья мысль неподражательна.

....Инженер?! Мне пришлось воспитываться как раз в инженерной среде, и я хорошо помню инженеров двадцатых годов: этот открыто светящийся интеллект, этот свободный и необидный юмор, эта лёгкость и широта мысли, непринуждённость переключения из одной инженерной области в другую и вообще от техники — к обществу, к искусству. Затем — эту воспитанность, тонкость вкусов; хорошую речь, плавно согласованную и без сорных словечек; у одного — немножко музицирование; у другого — немножко живопись; и всегда у всех — духовная печать на лице».

А, Солженицын «Архипелаг»:

«Этот полковник — слитное воплощение инстинкта власти и инстинкта наживы. В начале 1945 года, в самое дорогое «трофейное» время, он напросился в ту часть Органов, которые (во главе с самим Абакумовым) контролировали этот грабёж, то есть старались побольше оттяпать не государству, а себе (и очень преуспели). Наш герой отметал целыми вагонами, построил несколько дач (одну в Клину). После войны у него был такой размах, что, прибыв на новосибирский вокзал, он велел выгнать всех сидевших в ресторане, а для себя и своих собутыльников — согнать девок и баб, и голыми заставил их танцевать на столах. Но и это б ему обошлось, да нарушен был у него другой важный закон, как и у Кружкова: он пошёл против своих. Тот обманывал Органы, а этот, пожалуй, ещё хуже: заключал пари на соблазнение жён не чьих-нибудь, а своих товарищей по опер-чекистской работе. И не простили! — посажен был в полит-изолятор со статьёй 58-й! Сидел злой на то, как смели его посадить, и не сомневался, что ещё передумают. (Может, и передумали.) Эта судьба роковая — сесть самим, не так уж редка для голубых кантов, настоящей страховки от неё нет, но почему-то они плохо ощущают уроки прошлого. Опять-таки, наверно, из-за отсутствия верхнего разума, а нижний ум говорит: редко когда, редко кого, меня минует, да и свои не оставят

....Тюремный врач — лучший помощник следователя и палача. Избиваемый очнётся на полу и слышит голос врача: «Можно ещё, пульс в норме». После пяти суток холодного карцера врач смотрит на око-

> ченелое голое тело и говорит: «Можно ещё». Забили до смерти — он подписывает протокол: смерть от цирроза печени, инфаркта. Срочно зовут к умирающему в камеру — он не спешит. А кто ведёт себя иначе — того при нашей тюрьме не держат. Доктор Ф. П. Гааз у нас бы не приработался
> …Но увы: всякий бывший арестант подробно вспомнит о своём следствии, как давили на него и какую мразь выдавили, — а следователя часто он и фамилии не помнит, не то чтобы задуматься об этом человеке о самом. Так и я о любом сокамернике могу вспомнить интересней и больше, чем о капитане госбезопасности Езепове, против которого я немало высидел в кабинете вдвоём.
> Одно остаётся у нас общее и верное воспоминание: гни–ловища — пространства, сплошь поражённого гнилью. Уже десятилетия спустя, безо всяких приступов злости или обиды, мы отстоявшимся сердцем сохраняем это уверенное впечатление: низкие, злорадные, злочестивые и — может быть, запутавшиеся люди».

А. Солженицын «Архипелаг»:

> Как только всколыхнулась в обществе память о тех беззакониях и пытках, так стали нам со всех сторон толковать, писать, возражать: там (в НКГБ–МГБ) были и хорошие!
> Их–то «хороших» мы знаем: это те, кто старым большевикам шептали «держись!» или даже подкладывали бутербродик, а остальных уж подряд пинали ногами. Ну, а выше партий — хороших по–человечески — не было ли там?
> Вообще б их там быть не должно: таких туда брать избегали, при приёме разглядывали. Такие сами исхитрялись, как бы отбиться. Во время войны в Рязани один ленинградский лётчик после госпиталя умолял в тубдиспансере: «Найдите что–нибудь у меня! в Органы велят идти!» Изобрели ему рентгенологи туберкулёзный инфильтрат — и сразу от него гебешники отказались.
> Кто ж попадал по ошибке — или встраивался в эту среду, или выталкивался ею, выживался, даже попадал на рельсы сам. А всё–таки — не оставалось ли?..В Кишиневе молодой лейтенант–гебист приходил к Ши–повальникову ещё за месяц до его ареста: уезжайте, уезжайте, вас хотят арестовать!»

А. Солженицын «Архипелаг»:

> Я ещё не знал ни слова наседка, ни — что в каждой камере она должна быть, я вообще не успел ещё обдумать и сказать, что этот человек, Г. Крамаренко, не нравится мне, — а уже сработало во мне

> духовное реле, реле–узнава–тель, и навсегда закрыло меня для этого человека. Я не стал бы упоминать такого случая, будь он единственным. Но работу этого реле–узнавателя внутри меня я скоро с удивлением, с восторгом и тревогой стал ощущать как постоянное природное свойство. Шли годы, я лежал на одних нарах, шёл в одном строю, работал в одних бригадах со многими сотнями людей, и всегда этот таинственный реле–узнаватель, в создании которого не было моей заслуги ни чёрточки, срабатывал прежде, чем я вспоминал о нём, срабатывал при виде человеческого лица, глаз, при первых звуках голоса — и открывал меня этому человеку нараспашку, или только на щёлочку, или глухо закрывал. Это было всегда настолько безошибочно, что вся возня оперуполномоченных со снаряжением стукачей стала казаться мне козявочной: ведь у того, кто взялся быть предателем, это явно всегда на лице, и в голосе, у иных как будто ловко–притворчиво — а нечисто. И, напротив, узнаватель помогал мне отличать тех, кому можно с первых минут знакомства открывать сокровеннейшее, глубины и тайны, за которые рубят головы. Так прошёл я восемь лет заключения, три года ссылки, ещё шесть лет подпольного писательства, ничуть не менее опасных, — и все семнадцать лет опрометчиво открывался десяткам людей — и не оступился ни разу! Я не читал нигде об этом и пишу здесь для любителей психологии. Мне кажется, такие духовные устройства заключены во многих из нас, но, люди слишком технического и умственного века, мы пренебрегаем этим чудом, не даём ему развиться в нас

3. «ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА»: ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Закон сохранения силы психики имеет свою специфику на поле интеллекта и на поле Эгосистемы. Для научного контроля поля интеллекта — сила это доступ к энергиям природы, а также единство всей контрольной (духовной) энергии в церкви дружбы. Поэтому сила Духа в Этике (нравственности, морали), то есть в совести, справедливости и сочувствии. О том, почему до сих пор это поле считалось «слабым» мы уже говорили и еще скажем позже.

Для физического контроля поля Эгосистемы — сила это количество силового давления и ничего более. Именно поэтому

физический контроль этой материальной энергии действительно «по ту сторону добра и зла» (то есть всякой этики), и именно поэтому люди с активной Эгозащитой нуждаются в том, чтобы оказывать давление на других людей — так мотивирует «страх сверхъестественных сил» (тщеславие и стыд перед магическими авторитетами) поля Эгосистемы.

Гениальность хода рассуждений Солженицына состоит в том, что он разворачивает изложение фактов о зверствах чекистов именно в разрезе этой дихотомии: противостояние Этики Духа с одной стороны — Давления Силы (количества силы, абстракции силы) с другой стороны. Он очень четко проводит разграничительную линию между двумя этими системами контроля: физическим контролем поля Эгосистемы и научным контролем поля интеллекта и совести. Здесь опять прямая параллель с рассуждениями Д. Маркса, разоблачающего ЦРУ («ЦРУ и контроль сознания»): оба указывают, что спецслужбы противопоставляют понятию «совесть» (этика) — понятие «целесообразности», то есть вместо абсолютной истины того, что хорошо и плохо (порок и добродетель, добро и зло) предлагают оппортунизм силового давления в зависимости от ситуации.

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Духовно-нравственных преград, которые могли бы удержать Органы от пыток, не
> было никогда. В первый послереволюционный год в «Еженедельнике ВЧК», «Красном мече» и «Красном терроре» открыто дискутировалась применимость пыток с точки зрения марксизма. И, судя по последствиям, ответ был извлечён положительный, хотя и не всеобщий.
> Вернее сказать о 1938 годе так: если до этого года для применения пыток требовалось какое-то оформление, разрешение для каждого следственного дела (пусть и получалось оно легко), — то в 1937-38 ввиду чрезвычайной ситуации (заданные миллионные поступления на Архипелаг требовалось в заданный сжатый срок прокрутить через аппарат индивидуального следствия, чего не знали массовые потоки «кулаческий» и национальные) насилия и пытки были разрешены следователям неограниченно, на их усмотрение, как требовала их работа и заданный срок. Не регла-

ментировались при этом и виды пыток, допускалась любая изобретательность.
...Но чаще того — цинизм. Голубые канты понимали ход мясорубки и любили его.
«Был бы человек — а дело создадим!» — это многие из них так шутили, это была их пословица. По–нашему — истязание, по их — хорошая работа. Жена следователя Николая Граби–щенко (Волгоканал) умилённо говорила соседям: «Коля — очень хороший работник. Один долго не сознавался — поручили его Коле. Коля с ним ночь поговорил — и тот сознался».
...Отчего они все такою рьяной упряжкой включились в эту гонку не за истиной, а за цифрами обработанных и осуждённых? Потому что так им было всего удобнее, не выбиваться из общей струи. Потому что цифры эти были — их спокойная жизнь, их дополнительная оплата, награды, повышение в чинах, расширение и благосостояние самих Органов. При хороших цифрах можно было и побездельничать, и по–халтурить, и ночь погулять (как они и поступали). Низкие же цифры вели бы к разгону и разжалованию, к потере этой кормушки, — ибо Сталин не мог бы поверить, что в каком–то районе, городе или воинской части вдруг не оказалось у него врагов.
Так не чувство милосердия, а чувство задетости и озлобления вспыхивало в них по отношению к тем злоупорным арестантам, которые не хотели складываться в цифры, которые не поддавались ни бессоннице, ни карцеру, ни голоду! Отказываясь сознаваться, они повреждали личное положение следователя! они как бы его самого хотели сшибить с ног! — и уж тут всякие меры были хороши! В борьбе как в борьбе! Шланг тебе в глотку, получай солёную воду!
...Люди не есть люди, а «определённые носители определённых идей». «Каковы бы ни были индивидуальные качества [подсудимого], к нему может быть применим только один метод оценки: это — оценка с точки зрения классовой целесообразности» (стр. 79).
То есть ты можешь существовать, только если это целесообразно для рабочего класса. А «если эта целесообразность потребует, чтобы карающий меч обрушился на головы подсудимых, то никакие... убеждения словом не помогут» (стр. 81), — ну, там доводы адвокатов и т. д. «В нашем революционном суде мы руководствуемся не статьями и не степенью смягчающих обстоятельств; в Трибунале мы должны исходить из соображений целесообразности»

И опять мы можем наблюдать глубину духовного прозрения Солженицына, когда он прямо связывает всю симптоматику поля Эгосистемы в один синдром «людей нижней сферы»: и количе-

ственное давление силы вместо нравственности (совести), и ложь вместо истины и справедливости, и воровство и разврат вместо «духовной печати» инженеров, и наконец садомазохизм отношений «власти и подчинения», когда власть представляется вершиной бытия (магические авторитеты). Обратите внимание как он четко разделяет Верхнюю сферу Духа и Нижнюю сферу материальной энергии (он считал, что голубым цветом чекисты хотели компенсировать себе отсутствие «Небес верхней сферы»). И Солженицын подчеркивает, что «упоительность власти» стала тем дьяолом, которому чекисты продали всю душу: и разум и совесть.

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «По роду деятельности и по сделанному жизненному выбору лишённые верхней сферы человеческого бытия, служители Голубого Заведения с тем большей полнотой и жадностью жили в сфере нижней. А там владели ими и направляли их сильнейшие (кроме голода и пола) инстинкты нижней сферы: инстинкт власти и инстинкт наживы. (Особенно — власти. В наши десятилетия она оказалась важнее денег.)
> Власть — это яд, известно тысячелетия. Да не приобрёл бы никто и никогда материальной власти над другими! Но для человека с верою в нечто высшее надо всеми нами, и потому с сознанием своей ограниченности, власть ещё не смертельна. Для людей без верхней сферы власть — это трупный яд. Им от этого заражения — нет спасенья.
> Помните, что пишет о власти Толстой? Иван Ильич занял такое служебное положение, при котором имел возможность погубить всякого человека, которого хотел погубить! Все без исключения люди были у него в руках, любого самого важного можно было привести к нему в качестве обвиняемого. (Да ведь это про наших голубых! Тут и добавлять нечего!) Сознание этой власти («и возможность смягчать её», — оговаривает Толстой, но к нашим парням это уж никак не относится) составляло для него «главный интерес и привлекательность службы». Что там привлекательность! — упоителъностъ»

Д. Маркс «ЦРУ и контроль сознания»:

> «...Один из бывших психологов ЦРУ, до сих пор чувствующий свою вину за участие

в некоторых операциях этой организации, считает, что сосредоточенность ЦРУ на контроле и манипулировании отражает в более концентрированной форме то, как американцы относятся друг к другу. Он говорит: ≪Я не думаю, что ЦРУ слишком далеко от нашей культуры. Все зависит от меры. Существует много людей, у которых отсутствует даже такая этика, которая имеется у ЦРУ, имевшего по крайней мере идеологическую базу≫. Этот психолог полагает, что США превратились в страну, в высшей степени ориентированную на контроль (от школы до политики и телевизионной рекламы). Шпионаж и методы СОЛ уникальны только в том отношении, что им в большей степени свойственны системность и секретность.

...В 1953 г. директор ЦРУ Аллен Даллес сделал редкое заявление по поводу коммунистического ≪промывания мозгов≫: ≪Нам, людям Запада, трудно понять все детали. Немногие выжили, и в нашем распоряжении нет людей, которых можно было бы использовать в качестве «подопытных кроликов», проверяя на них необычные методы≫. Но в то самое время, как Даллес произносил эти слова, в ЦРУ по его распоряжению приступили к поиску и ученых и ≪кроликов≫.

Некоторые эксперименты так далеко зашли за черту этических норм экспериментальной психиатрии (которые и без того крайне зыбки), что руководители ЦРУ посчитали благоразумным проводить большую часть работы за пределами Соединенных Штатов.

...Камерон определял ≪изменение паттерна≫ как изменение схемы поведения личности (паттерна) нормальных людей и шизофреников с помощью интенсивного электрошокового воздействия, которое обычно сочеталось с

длительным сном под воздействием снотворных препаратов. Таким образом, это
был психиатр, согласный (причем крайне охотно) полностью стереть человеческий разум. Ранее, в 1951 г., Морзе Аллен в рамках программы
ARTICHOKE назвал это процессом ≪создания растения≫. Камерон оправдывал
этот метод создания ≪чистой доски≫ *(tabula rasa)* своей теорией
≪дифференцированной амнезии≫, хотя он и не подтвердил ее какими-либо
статистическими данными. Он просто утверждал, что после ≪полной амнезии≫ к
человеку постепенно вернется память о нормальном поведении без его
шизофренической составляющей. Камерон бездоказательно постулировал
возможность ≪дифференцированной амнезии≫. Такая возможность
применительно к человеку, который знает слишком много и которого можно
заставить забыть то, что он знает, издавна была мечтой и целью программ
ARTICHOKE и MKULTRA.
...Камерон писал, что подвергающийся изменению паттерна типичный пациент —
обычно женщина — проходил три этапа. На первом этапе пациентка утрачивала
значительную часть памяти. Однако она все еще понимала, где она находится,
почему и за что люди мучили ее. На втором этапе она утрачивала ≪временное и
пространственное представление≫, но все еще хотела возвратить себе память.
Неспособность ответить на такие вопросы, как ≪Где я?≫ и ≪Как я сюда попала?≫,
вызывала у нее сильное беспокойство. На третьем этапе все беспокойство
пропадало. Камерон описывал это состояние как крайне интересное сужение
диапазона воспоминаний, к которым человек обращается для обоснования своих
заявлений».

4. ПОРОГ ЗЛОДЕЙСТВА: РОЖДЕНИЕ САТАН-ЭГО ИЗ УСТОЙЧИВОЙ ВЕРХНЕЙ ЭГОЗАЩИТЫ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

В смысле глубины прозрения в метафизическую сущность борьбы добра и зла в советской системы Солженицын вполне достоин быть причислен к предтечам открытия психической энергии (как, например, Сократ, Спиноза, Кьеркегор, Рассел, Тойнби, Ренан, Толстой, Трубецкой, Мережковский и дрне говоря уже о христианских Евангелиях).

Вот например цитата, из которой видно, что Солженицын понимал не только противостояние поля интеллекта и поля Эгосистемы как двух чужеродных энергий, но также и то, что эти две системы сосуществуют в психике одного человека. И именно от того, найти и раздавить зло стало такой сложной задачей, растянувшейся на тысячелетия уже после пробуждения у человека интеллекта в его полную силу.

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Если б это было так просто! — что где–то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?..
> В течении жизни одного сердца линия эта перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство рассветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем всё.
> Завещал нам Сократ: познай самого себя!

Но вот еще одно из его прозрений, которое можно наряду со всеми фактами его отчета принять за первую формулировку «Сатан-Эго» как Устойчивой Верхней Эгозащиты циклического гомеостаза:

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Физика знает пороговые величины или явления. Это такие, которых вовсе нет, пока не перейден некий природе известный, природою зашифрованный порог. Сколько ни свети жёлтым светом на литий — он не отдаёт электронов, а вспыхнул слабый голубенький — и вырваны (переступлен порог фотоэффекта)! Охлаждай кислород за сто градусов, сжимай любым давлением — держится газ, не сдаётся! Но переступлено сто восемнадцать — и потёк, жидкость.
> И видимо, злодейство есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, оскользается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства — в его возможностях возврат, и сам он — ещё в объёме нашей надежды. Когда же густотою злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог — он ушёл из человечества. И может быть — без возврата».

Действительно, «густота злых поступков» как КГБ так и Гестапо, а по отчетам Оливера Стоуна, А, Шлезингера, Н. Хомского, Д. Перкинса, Д. Маркса и др. также и ЦРУ — вполне тянет на «качественное отличие» людей, принадлежащих к этим системам от нормальных, здоровых людей с живой еще совестью. «Они переживают самих себя», — сказал Кьеркегор о таких людях, уверяя что людям легче заметить потерю чего угодно, деньги, ноги, но только не самого себя. Действительно, так под постоянной тренировкой зла, которое разрушает поле совести и сочувствия интеллектуальной энергии, люди постепенно перестают быть людьми, и становятся ходячими мертвецами. «Нарастает гордость на человеке как сало на свинье», — говорит Солженицын. Это и есть «злодеи».

Достоевский очень четко разграничивает поле разума и совести здоровых людей и поле тщеславия и страха нездоровых людей.

Ф. Достоевский «Записки из Мертвого дома»:

> «Вот, например, человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем. Одна боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний, убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона.

А вот рядом с ним другой, который даже и не подумает ни разу о совершенном им убийстве, во всю каторгу. Он даже считает себя правым.

...Когда же понял, что я добираюсь до его совести и добиваюсь в нем хоть какого-нибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупеньким мальчиком, с которым нельзя и рассуждать, как с большим. Даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мной самым простодушным смехом, без всякой иронии, и, я уверен, оставшись один и вспоминая мои слова, может быть, несколько раз он принимался про себя смеяться.

...Я заговорил о палаче. Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке. Но не равно развиваются звериные свойства человека. Если же в ком-нибудь они пересиливают в своем развитии все другие его свойства, то такой человек, конечно, становится ужасным и безобразным. Палачи бывают двух родов: одни бывают добровольные, другие — подневольные, обязанные. Добровольный палач, конечно, во всех отношениях ниже подневольного, которым, однако, так гнушается народ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетного, чуть не мистического страха.

...Развилась ли в них эта гордость в отпор всеобщему к ним презрению; усиливалась ли она сознанием страха, внушаемого ими их жертве, и чувством господства над нею, — не знаю. Может быть, даже самая парадность и театральность той обстановки, с которою они являются перед публикой на эшафоте, способствуют развитию в них некоторого высокомерия. Но зато, за известную взятку, он обещается жертве, что не прибьет ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложение; если ж нет, он действительно наказывает варварски, и это вполне в его власти. Случается, что он налагает значительную сумму даже на очень бедного подсудимого; родственники ходят, торгуются, кланяются, и беда, если не удовлетворят его. В таких случаях много помогает ему суеверный страх, им внушаемый. Каких диковинок про палачей не рассказывают!

...Но первый удар, заплатили иль нет ему, — его. Право, не знаю, для чего это у них так делается? Для того ли, чтоб сразу приучить жертву к дальнейшим ударам, по тому расчету, что после очень трудного удара уже не так мучительны покажутся легкие, или тут просто желание пофорсить перед жертвой, задать ей страху, огорошить ее с первого раза, что понимала она, с кем дело имеет, показать себя, одним словом. Во всяком случае палач перед началом наказания чувствует себя в возбужденном состоянии духа, чувствует силу свою, сознает

> себя властелином; он в эту минуту актер; на него дивится и ужасается публика, и, уж конечно, не без наслаждения кричит он своей жертве перед ударом: «Поддержись, ожгу!» — обычные и роковые слова в этом случае. Трудно представить, до чего можно исказить природу человеческую».

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Так пузырились и хлестали потоки — но черезо всех перекатился и хлынул в 1929–30 годах многомиллионный поток раскулаченных. Он был непомерно велик, и не вместила б его даже развитая сеть следственных тюрем (к тому ж забитая „золотым“ потоком), но он миновал её, он сразу шёл на пересылки, в этапы, в страну ГУЛАГ. Своей единовременной набухлостью этот поток (этот океан!) выпирал за пределы всего, что может позволить себе тюремно–судебная система даже огромного государства. Он не имел ничего сравнимого с собой во всей истории России. Это было народное переселение, этническая катастрофа. Но так умно были разработаны каналы ГПУ–ГУЛАГа, что города ничего б и не заметили! — если б не потрясший их трёхлетний странный голод — голод без засухи и без войны. Поток этот отличался от всех предыдущих ещё и тем, что здесь не цацкались брать сперва главу семьи, а там посмотреть, как быть с остальной семьёй. Напротив, здесь сразу выжигали только гнёздами, брали только семьями и даже ревниво следили, чтобы никто из детей четырнадцати, десяти или шести лет не отбился бы в сторону: все наподскрёб должны были идти в одно место, на одно общее уничтожение. (Это был первый такой опыт, во всяком случае в Новой истории. Его потом повторит Гитлер с евреями и опять же Сталин с неверными или подозреваемыми нациями.)»

Не следует смешивать устойчивую верхнюю Эгозащиту Гибрис-Эго Интеллектуалов, которая приводит к поломке циклического гомеостаза поля Эгосистемы, и Сатан-Эго Лжецов, которые не имеют отношения к истинному интеллекту и потому, циклический гомеостаз поля Эгосистемы остается цельным.

Что такое Гибрис –Эго? Это мощная формальная логика на поле Эгосистемы, которая строит интеллектуальные системы, оторванные от жизни, доказывает победу Эго над СуперЭго — и поскольку тут играет роль фактор логической необходимости, — окончательно устанавливает только притяжение Самолюбия (вместо двух Влюбленности и Самолюбия, подчинения и на-

силия). У шизоидов (Гибрис –Эго) остается только притяжение Самолюбия и циклический гомеостаз Самолюбия-Влюбленности (насилия и подчинения, садомазохизма) поля Эгосистемы оказывается сломан. Сильный интеллект шизоидов одновременно развивает и поле интеллекта, так что у них как правило живая совесть. И все это вместе, и сломанный циклический гомеостаз физического контроля, и гиперестезия сильного Самолюбия при живой совести — делает Гибрис-Эго — нежизнеспособным.

Совсем другое дело Сатан –Эго, или иначе устойчивая верхняя эгозащита при цельном циклическом гомеостазе физического контроля. Это об этом виде психопатии психиатрия и литература пишут как о «мертвой совести», поскольку здесь поле интеллекта очень слабо развито, а устойчивая верхняя эгозащита достигается суммой «практических знаний» о том, как манипулировать наивными людьми посредством насилия и лжи. Это конечно же «знания» только в кавычках, поскольку ничего общего с научным подходом здесь нет: речь идет скорее о навыках и опыте насилия над массами таких организаций как КГБ, например, или другие спецслужбы (структуры безопасности государства, как Гестапо, например) прославившиеся и своими навыками насилия и своей «мертвой совестью».

Сатан –Эго — это феномен временный, исторический, рожденный исключительно благоприятными обстоятельствами для победы физического контроля материальной энергии над полем интеллекта и совести духовной энергии людей. И эти условия создал, как мы пытались показать, 19 век крушением философии рационализма и одновременным становлением материализма и дарвинизма, оправдавшими физический контроль как «право силы». Тот кризис 19 века, который разрушил «небеса верхней сферы» редуцировав энергию человека до уровня зверя и дикаря первобытного мышления, породив феномен «людей низшей сферы» — удачливых оппортунистов и садистов.

Конечно, и прежние времена полны преступлениями Неронов и Борджа, однако именно после кризиса 19 века в человеческом обществе разразилась страшная метафизическая катастро-

фа: абсолютное разрушение силы научного контроля энергии «Добра» с одной стороны, и абсолютное усиление физического контроля энергии «зла» с другой стороны. Все, что было создано энергией разума и совести ценой страшных жертв, в пытках, в поту и крови — весь тяжелый путь развития мысли и науки в противоборстве с палачами физического контроля оказалось присвоенным теперь этими палачами. Техника, как результат и показатель истинной силы контрольной энергии оказалась теперь в руках садистов физического контроля, которые решили посредством техники поставить под свой конроль все здоровое население планеты. И напротив, здоровые люди абсолютно ослабели в мире, где был разрушен научный контроль, и «Расслабились» после великих побед демократических и научных революций, поверив в глобальную победу «добра», когда истина была как раз противоположная.

И эта вера в победу добра сделала здоровых людей, наивно доверяющих окружающим в новом мире «Прогресса демократии и просвещения», в мире «этики и дружбы народов», легкой добычей «человекохищников», сосредоточивших в своих руках самую страшную для новой эпохи власть — власть техники. Бертран Рассел ставит эту проблему в своих книгах: он говорит, что люди продвинулись далеко в технических науках (то есть знания о внешних энергиях природы), но все еще ничего не знают о своем обществе (то есть знания о психической энергии), и потому результат прогресса науки противоположный. Вместо того чтобы нести пользу, прогресс науки дает оружие негодяям (глупым людям), которые увеличивают беды человечества, и в конечном итоге совсем его уничтожат. О том же вся книга Оруэлла «1984»: что разрушен рационализм, что разрушена мысль и наука, и что садомазохисты власти и подчинения превратили науку в производство оружия для войн, а войны в способ транжирить в никуда богатства экономики, чтобы держать людей нищими и занятыми выживанием.

Б. Рассел «Государство и индивид»:

> «Но беды, которые люди навлекают друг на друга не уменьшились в такой же степени. Все еще случаются войны, гнет и тирания, чудовищная жестокость, и жадные люди все еще отбирают имущество у тех, кто менее бессердечен, чем они сами. Любовь к власти все еще создает широкое поле тирании, или же просто препятствует развитию там, где открытая тирания становится невозможной.
> И страх — глубокий, едва осознаваемый страх, — все еще доминирующий мотив в очень многих жизнях. Во всем этом нет никакой необходимости; нет ничего в человеческой природе, что сделало бы это зло неискоренимым. Я хотел бы повторить, со всем возможным ударением, что абсолютно не согласен с теми, кто заключает из наличия у людей инстинктов борьбы, что человеческая природа требует войны или других деструктивных форм конфликта»

Б. Рассел «Влияние науки на общество»:

> «В общем и целом, можно сказать, что мы в самой гуще состязания между человеческими достижениями в развитии техники и человеческой глупостью в отношении целей, полученных этой техникой. При достаточном уровне глупости каждое достижение в развитие техники, которыми достигаются глупые цели, ведет к беде. Человечество сохранилось до сих пор лишь за счет своего невежества, которое не давало ему доступа к технике; но если к глупости людей добавить знания и технику, мы не можем быть уверены, что оно сохраниться и дальше. Знание — это сила, но это такая же сила для зла, как и для добра. Отсюда следует, что если люди не поднимутся также высоко в мудрости, как они поднялись в знании, развитие знаний будет означать лишь усугубление горя. Ближайшее будущее будет либо значительно лучше, либо значительно хуже прошлого, что проясниться в следующие несколько лет»

5. СЛАБОСТЬ ЭНЕРГИИ «ДОБРА»

О метафизической катастрофе, когда энергия добра, эта космическая мощь пространства интеллекта, эта небесная ткань самых высоких чувств, самой возвышенной красоты и самого вдохновенной дружбы, оказалась жертвой тупой материальной энергии, того зла низшей сферы, которое есть мертвая машина, способная только разрушать, мы еще будем говорить в следующей главе.

Здесь я только хотела бы привести слова Солженицына о беззащитности и бесправности добродетели в мире, где порок торжествует полную победу. Да, 19 век многократно увеличил роковое предупреждение человечеству 66 сонета Шекспира.

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»:

> «Представление о справедливости в глазах людей исстари складывается из двух половин: добродетель торжествует, а порок наказан. Посчастливилось нам дожить до такого времени, когда добродетель хоть и не торжествует, но и не всегда травится псами. Добродетель, битая, хилая, теперь допущена войти в своём рубище, сидеть в уголке, только не пикать.
>
> Однако никто не смеет обмолвиться о пороке. Да, над добродетелью измывались, но порока при этом — не было. Да, сколько-то миллионов спущено под откос — а виновных в этом не было. И если кто только икнёт: «а как же те, кто...», — ему со всех сторон укоризненно, на первых порах дружелюбиво: «ну что-о вы, товарищи! ну зачем же старые раны тревожить?!»
>
> И вот в Западной Германии к 1966 году осуждено восемьдесят шесть тысяч преступных нацистов — и мы захлёбываемся, мы страниц газетных и радиочасов на это не жалеем, мы и после работы останемся на митинг и проголосуем: мало! И 86 тысяч — мало! и 20 лет судов — мало! продолжить!
>
> А у нас осудили (по опубликованным данным) — около тридцати человек.
>
> Страна, которая восемьдесят шесть тысяч раз с помоста судьи осудила порок (и бесповоротно осудила его в литературе и среди молодёжи) — год за годом, ступенька за ступенькой очищается от него.
>
> А что делать нам?.. Когда-нибудь наши потомки назовут несколько наших поколений — поколениями слюнтяев: сперва мы покорно позволяли избивать нас миллионами, потом мы заботливо холили убийц в их благополучной старости.
>
> Что же делать, если великая традиция русского покаяния им непонятна и смешна? Что же делать, если животный страх перенести даже сотую долю того, что они причиняли другим, перевешивает в них всякую наклонность к справедливости? Если жадной охапкой они держатся за урожай благ, взращённый на крови погибших?
>
> Разумеется, те, кто крутил ручку мясорубки, ну хотя бы в тридцать седьмом году, уже немолоды, им от пятидесяти до восьмидесяти лет, всю лучшую пору свою они прожили безбедно, сытно, в комфорте — и всякое равное возмездие опоздало, уже не может совершиться над ними.

Но пусть мы будем великодушны, мы не будем расстреливать их, мы не будем наливать их солёной водой, обсыпать клопами, взнуздывать в «ласточку», держать на бессонной выстойке по неделе, ни бить их сапогами, ни резиновыми дубинками, ни сжимать череп железным кольцом, ни втеснять их в камеру как багаж, чтоб лежали один на другом, — ничего из того, что делали они! Но перед страной нашей и перед нашими детьми мы обязаны всех разыскать и всех судить! Судить уже не столько их, сколько их преступления. Добиться, чтоб каждый из них хотя бы сказал громко:

— Да, я был палач и убийца.

И если б это было произнесено в нашей стране толь–к о четверть миллиона раз (по пропорции, чтоб не отстать от Западной Германии) — так, может быть, и хватило бы?

В Двадцатом веке нельзя же десятилетиями не различать, что такое подсудное зверство и что такое «старое», которое «не надо ворошить»!

Мы должны осудить публично самую идею расправы одних людей над другими! Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтобы только не выпер наружу, — мы сеем его, и он ещё тысячекратно взойдёт в будущем».

ГЛАВА 8. АНТИХРИСТ НИЦШЕ: ЗЛЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ БОГИ ПРОТИВ УНИВЕРСАЛЬНОГО БОГА ДОБРА

1. Антисемитизм Ницше: слабость и порочность единого Бога Добра

2. Единый Бог Добра и Национальные Боги Зла

3. Святая Ткань Любви-Дружбы против Людоедства садомазохизма материальной энергии

1. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ БОГ ДОБРА И СВЯТАЯ ТКАНЬ ЛЮБВИ-ДРУЖБЫ

Есть известное многотомное исследование истории христианства, предпринятое Эрнестом Ренаном — одна из тех божьих книг, которые составляют фундамент цивилизации и простоят до конца существования человечества. Завершил Ренан свое исследование христианства десятью книгами «Истории израильского народа». В этом труде Ренан блестяще доказывает, что Иисус стал последним великим пророком иудеев, которому суждено было завершить Революцию Пророков, предпринятую в 8—7 веках до н.э. в Израиле. Сущность этой революции, которая по значимости превосходит даже само христианство, говорит Ренан, потому что уже содержит в себе все будущее христианство, состоит в том, что Христу суждено было исполнить назначение еврейского народа: завершить процесс становления универсальной религии для всего человечества. Ибо Ренан подтверждает избранность народа израильского, и видит ее в том, что Израилю суждено было, пожертвовав своей собственной политической жизнью, разработать для остального

человечества религию универсального Бога-Отца. И чтобы сделать это иудейским пророкам потребовалось долгое время отчаянно воевать с национальным богом Израиля, который был не более как пережитком язычества, считает Ренан, как все национальные боги всех народов. Ибо Бог, как известно один — и это Бог-Интеллект, бог всего человечества и всей вселенной.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Каждый шаг к завершению национальной идеи был, как видно, регрессом, в богопознании израильтян. Национальная идея нуждалась в божестве, которое занято только мыслью о данной нации и в ее интересах является жестоким, несправедливым, враждебным ко всему роду человеческому. Истинный ягвеизм возник в тот момент, когда израильский народ в силу национального принципа, сделался эгоистичным. Ягвеизм будет крепнуть вместе с нацией; он исказит высокие, истинные идеи первобытного элогизма. Нарост будет удален. Пророки, в особенности, последний из них — Иисус, разрушат идею о Ягве, исключительном боге Израиля, и вернуться к прекрасному образу справедливого и доброго отца, единого для всего мира и всего рода человеческого.
>
> Новые пророки не получают ничего за оказываемые услуги, выходящие за пределы естественного; их свита также не должна ничего получать. Их борьба с безнравственными культами Финикии вытекает из их великой нравственной строгости. Поистине трогательно зрелище того как они берут под защиту слабого и бросаю царю в лицо протест против убийства бедняка. Ягве в представлении этих пылких сектантов еще в высочайшей степени местный бог. Он любит только Палестину; у него есть имя; он, как индивидуальность, отличается от всякого другого бога. Суровый эгоизм исключительного национализма, монополизирующего божество для своей выгоды, еще далек, конечно, от истинного идеала религии. Кто решился бы сегодня принять целиком наследство Кальвина? И, тем не менее, протестантизм 16 века является решительным шагом на пути религиозного прогресса.
>
> Начиная с 850 года до н.э. становится ясным, что Израиль не будет таким народом как другие. Царская власть побеждена. Этот народ будет посредственностью в сфере светской жизни; но в сфере религиозной он не имеет себе равного. Будущее принадлежит здесь не умным царям, не тонким политикам: оно принадлежит ясновидцам, утопистам, вдохновенным поборникам демократии, которые управляют революциями, создают и низлагают династии.

Как мы видим, религиозный прогресс, обнаруживающийся в Книге Союза, еще ярче проявляется в маленькой Торе, состоящей из десяти статей, обработанных иерусалимскими мудрецами. В договоре Ягве с его слугами условием является исключительно нравственное поведение. Ягве дает в награду блага мира сего только людям безупречной нравственности. Чтобы жить долго и счастливо надо избегать зла. Таким образом, решительный шаг был сделан. Безвозвратно миновала пора старых религий, где бог дарует блага тому, кто приносит лучшие жертвы и лучше исполняет его культ. Книга Союза уже санкционировала эти идеи, но Декалог превосходит ее ясностью. Эта страница, которой суждено было стать кодексом морали для всего мира, вполне заслужила свое высокое предназначение. Действительно, Декалогом завершается процесс возвращения израильского народа к чистому культу, от которого народ уклонился приняв национального бога. Отныне Ягве и Элогим сливаются воедино. Ягве уже не является исключительно богом Израиля. Он — бог неба, замли, рода человеческого. Он любит добро, он учит добру. Сам Ягве должен был подчиниться железной силе духа этой нации. Если он был идолом, ложным богом, он превратился под постоянным давлением могучей воли в единого истинного бога, которому служат поступая справедливо, которого чтут, сохраняя чистоту сердца. Десять заповедей Ягве даны всем народам и в течении многих веков будут считаться «заповедями Божьими». Но никогда она не была более сильным ферментом, чем в ту отдаленную эпоху, когда она должна была поддерживать в немногих пламенных душах священный огонь добродетели, нравственной дисциплины и религиозного пуританизма.

Эта идея о том, что национальный бог постоянно являет волю свою через какого-то бедного пустынника, одетого во вретище, одна из поразительнейших идей, возникавших в человечестве. В этом единственном учреждении — весь секрет необычайного роста израильского народа. Профетизм имеет реальное сходство с современной прессой, которая также является особой силой рядом с правительством, патрициями, духовенством. Пророки израильские были публицистами, выступавшими от имени бога. Профетизм то спасал, то низвергал династии. Пророки в одно и то же время — патриоты и злейшие враги своего отечества. Они препятствуют установлению гражданского строя, заключению внешних договоров, устройству армии. Они создают противоправительственную оппозицию, против которой не устояло бы никакое государство. И все же в конце концов именно пророки создали историческое значение Израиля. Они нанесли смертельный удар политической жизни маленького народа,

вверившего им свою судьбу, но они основали религию для всего человечества. Кто осмелится бросить им упрек? Суеверие есть зло которое они преследуют всеми силами. В противоположность многим другим мудрецам, они никогда не примиряются с ним. В этом отношении еврейские пророки являются настоящими протестантами, людьми реформации, пуританами. Не напрасно их произведения служили постоянной духовной пищей для великих агитаторов 16 века. Кальвин, Нокс, Кромвель — братья израильских пророков 8 века до Рождества Христова. Они отличаются той же суровостью, тем же духом нетерпимости. Одинаковое неумение отделить политику от религии. В теократии есть своеобразное величие; но много времени должно пройти прежде чем она придет к идее свободы.
День суда и воздаяния скоро настанет. Люди в испуге будут прятаться по ущельям и пещерам. Все созданное руками человека рухнет. Воцарится правосудие; каждому воздаться по делам его. После истребления израильского народа останется стебель из которого вновь разрастется племя святых Сион станет новым Сионом: под сенью этой божественной славы народ праведников станет блаженным вовеки. Слава еврейскому гению, который желал и предсказывал с несравненной силой прекращение зла в мире, и видел среди страшного мрака ассирийского владычества подымающееся на горизонте солнце справедливости, которое одно может положить конец войне между людьми! Это конечно была колоссальная утопия. Чем прочнее вера в божественное происхождение власти, тем власть бывает более жестокой. Солдат лучше священника потому что у него нет никаких метафизических притязаний. Поэтому стоя на точке зрения философии истории, можно только с большими оговорами признать целесообразной религиозную политику Исайи.
Но если исключить из нее теократическую идею, остается проповедь добра и разумного поведения; остается та истина, что применяя принципы знания и справедливости к делу управления людьми, можно многое в нем улучшить. Эта надежда, которую вновь горячо провозгласят александрийские Сивилл, которая вдохновит и поддержит нежного и нерешительного Вергилия, в которой Иисус и окружающие будут черпать убеждение, что близится наступление царства божьего — эта надежда впервые возникла в душе Исайи и его школы, которая бросила миру лозунг справедливости, братства и мира. Мы стоим здесь у одного из истоков идеализма; здесь надо склонить голову. Победа профетизма — одна из немногих побед, одержанных людьми духа. Мы должны поставить Израиль 8 века до рождества христова рядом с Грецией 5 века. Исайя является настоящим основателем (я не говорю изобретателем) мессианского

и апокалипсического учения. Иисус и его апостолы только шли по стопам Исайи. История происхождения христианства, доведенная до первых его зачатков, должна была бы начинаться с Исайи

Три ступени религиозного законодательства у евреев различаются друг от друга очень ясно: первый период характеризуется грандиозностью своего гения, находит свое выражение в простых формулах, которые могли быть приняты всем миром (это эпоха древних пророков, книги союза, декалога); второй период запечатлен суровой и трогательной моралью, испорченной очень сильным пиетистическим фанатизмом (это век Второзакония и Иеремии); третий период носит священнический характер — узок, утопичен, полон химер и несообразностей (эпоха Иезекииля и левитического кодекса)

Если бы история Израиля ограничилась историей Эзры и Нехемии, то она была бы историей строгой мусульманской секты. Но рядом с торой, стоит книга пророков. Темные предсказания Исайи, второго Исайи, Захарии, Малахи нарушат спокойствие душ, помешают сну, граничащему со смертью.

Эта Тора была заклятым врагом универсальной религии, о которой мечтали пророки 8 века. Иисус сумел доставить победу духу этих великих пророков, лишь сокрушив эту Тору и смело отвергнув ее.

Стремления Исайи и Второисайи, этих двух великих и столь сходных душ, оживут у александрийских авторов сивиллиных книг, у Иисуса, у евангелистов, у автора патмосского апокалипсиса, у Иоахима флорского и сект, проповедовавших вечное евангелие.

Древние пророки возвестили, что после того как Израиль будет вознагражден за испытанные им страдания своим национальным богом, этот национальный бог сделается универсальным богом всего человечества. Эта мысль у второго Исайи ясна, хорошо развита и проведена последовательно. Первым евангелистом универсализма был несомненно второй Исайя, пророк 536 года. От него мир впервые услышал это великое слово6 народы имеют одного лишь бога, храмом которого служит мир; почитать его можно лишь справедливостью». Все пророки, начиная с Амоса, трудились над тем чтобы очистить Ягве от его натуралистических злаков и национального пристрастия. У Исайи в особенности мы находим в смысле универсализма слова, возвышеннее которых нельзя себе и представить. В 6 веке второй Исайе провозглашает Ягве всевышним богом мира и человечества. Аноним 536 года является последним результатом той усиленной трехвековой религиозной работы, которая была величайшей из всех (за исключением христианства), оставивших видимый след в истории. С ним мы достигаем вершины той горы, откуда виден Иисус, стоящий на вершине другой горы,

а в промежутке между ними — очень большая долина. Это — первый по времени гуманитарный мыслитель. Греция, создавшая столь прекрасные вещи, искусство, науку, философию, свободу, не создала гуманитаризма. Набросанное этим пророком изображение человека скорее принималось в течении восемнадцати веков за изображение Иисуса. Из всех библейских книг второй Исайя гораздо больше других дал христианству. Он почти целиком вошел в церковную проповедь и церковное богослужение.

Христианство есть конечный пункт, цель, конечная причина иудаизма. После зарождения христианства иудаизм еще продолжает существовать, но как иссохший ствол наряду с единственно плодоносящей ветвью. Отныне жизнь отлетает от него. Его история имеет второстепенное значение с общечеловеческой точки зрения. В этом утверждении нет ничего что могло опечалить убежденного израильтянина. Через христианство иудаизм поистине завоевал мир. Христианство есть шедевр иудаизма, его слава, резюме его эволюции. Христианством кончается вековая борьба двух элементов, которые были в иудаизме. Пророки побежденные Торой после возвращения из пленения, окончательно одерживают победу; фарисеи побеждены мессианистами; галаха побеждена агадой и, апокалипсические мечты Иисуса, последнего из пророков, дают последнее завершение делу Израиля

След оставленный после себя Израилем будет однако вечен. Израиль первым давший форму крику народа, жалобе бедного, упорным требованиям тех, кто жаждут справедливости. Израиль так любит справедливость, что не находя мир справедливым, осуждает его на гибель. Еврейская программа будет выполнена: истина будет реально существовать на земле без награждающего неба».

Мы видим таким образом, что Ренан развивает в «Истории израильского народа» ту мысль, что становление иудаизма, которое началось с откровения о греховности языческого многобожия, о греховности суеверия (то есть магического сознания абориген) и идолопоклонства, в конечном итоге вытеснило и идею единого национального бога. Потому что единый бог Израиля оказался богом Нравственности, Богом Истины (справедливости), Богом Добра, а Бог Истины и Нравственности не может быть богом только одного какого-то народа, но необходимо является Богом всего человечества. Так, пророки Израиля действительно осуществили мировую религиозную революцию, сумев

осудить магическое сознание идолопоклонства и определив истинную альтернативу ему: поле совести и справедливости единого Бога-Интеллекта (Истины).

Известно также какую оценку дал Ницше в «Антихристе» этому ходу мыслей Ренана. Ницше глубоко возмущен, что Ренан дал положительную оценку ущербному «Богу Добра» «семитической расы». Он уже противопоставлял «миф о преступлении» арийской расы — «Мифу о грехопадении» семитической расы в «Рождении Трагедии», и уже там намекал, что первое есть — сила, а второе — слабость, но еще говорит о родственности этих мифов. То есть Ницше прямо говорит, что хорошо — это преступление, а плохо — это мораль, и что арии хорошие, потому что они чтут преступление, а семиты плохие, потому что они чтут мораль. Вообще, это «Общество друзей преступления», которое открыл еще Сад, и отнюдь не Ницше, именно у Ницше начнет набирать славу и силу.

В «Антихристе» Ницше уже ребром ставит вопрос о вредоносном влиянии семитической расы, которая в силу своей врожденной слабости, способна нести только «Мораль рабов», как все слабые расы. И в этой связи он ставит в укор Ренану такую оценку религиозного наследия иудаизма и последнего из иудейских пророков — Христа. В этом последнем пункте он полностью согласен с Ренаном: Христос плоть от плоти своего народа, и христианство есть высшая ступень иудаизма. Но если Ренан относит деятельность еврейского народа к «Избранникам божьим», которым суждено было ценой великих жертв дать человечеству универсальную религию, то Ницше напротив, утверждает, что самый большой вред нанесен христианство, которое своей проповедью помощи слабым и убогим, остановил рост и прогресс западной цивилизации. Более того, Ницше именно в том видит злодеяние христианства, что оно уничтожило Национальных Богов, и тем, утверждает Ницше, оставило богов без злости и без силы. Ибо мщь богов именно в их злости.

Ницше, «Антихрист»:

> «Как можно еще в настоящее время так поддаваться простоте христианских теологов, чтобы вместе с ними декретировать, что дальнейшее развитие понятия о Боге от „Бога Израиля", от Бога народа, к христианскому Богу, к вместилищу всякого добра, — что это был *прогресс*? — Но сам Ренан делает это. Как будто Ренан имеет право на простоту! А между тем противоположное бросается в глаза. Если из понятия о божестве удалены все предпосылки *возрастающей* жизни, все сильное, смелое, повелевающее, гордое, если оно опускается шаг за шагом до символа посоха для уставших, якоря спасения для всех утопающих, если оно становится Богом бедных людей, Богом грешников, Богом больных par excellence и предикат „Спаситель", „Избавитель" делается как бы божеским предикатом вообще, — то *о чем* говорит подобное превращение, подобная *редукция* божественного?»

Ницше, «Антихрист»:

> «Народ, благодарный за свое существование, нуждается для выражения этой благодарности в божестве. — Такое божество должно иметь силу приносить пользу или вред, быть другом или врагом; ему удивляются как в добре, так и в зле. *Противоестественная* кастрация божества в божество только добра была бы здесь совсем нежелательна. В злом божестве так же нуждаются, как и в добром: ведь и собственное существование не есть лишь дар снисходительности и дружеского расположения к человеку... Какой смысл в божестве, которое не знает ни гнева, ни мести, ни зависти, ни насмешки, ни хитрости, ни насилия? которому, быть может, никогда не были знакомы приводящие в восхищение ardeurs победы и уничтожения? Такое божество было бы и непонятно: к чему оно? — Конечно, если народ погибает, если он чувствует, что окончательно исчезает его вера в будущее, его надежда на свободу, если покорность начинает входить в его сознание, как первая полезность, если добродетели подчинения являются необходимыми условиями его поддержания, то и его божество *должно* также измениться. Оно делается теперь пронырливым, боязливым, скромным, советует „душевный мир", воздержание от ненависти, осторожность, „любовь к другу и врагу". Оно постоянно морализирует, оно вползает в каждую частную добродетель, становится божеством для отдельного человека, становится частным лицом, космополитом... Некогда божество представляло собою народ, мощь народа, все агрессивное и жаждущее власти в душе народа — теперь оно только лишь благое божество... Поистине, для богов нет иной альтернативы: *или* они есть воля к власти, и тогда они бывают национальными боже-

> ствами, — *или же* они есть бессилие к власти — и тогда они по необходимости делаются *добрыми*...»

Христианское понятие о божестве (Бог как Бог больных, Бог как паук, Бог как дух) — это понятие есть одно из самых извращеннейших понятий о божестве, какие только существовали на земле

Где понижается воля к власти в какой бы то ни было форме, там всякий раз происходит также и физиологический спад, décadence. Божество décadence, кастрированное в сильнейших своих мужских добродетелях и влечениях, делается теперь по необходимости Богом физиологически вырождающихся, Богом слабых. Сами себя они не называют слабыми, они называют себя «добрыми»...

Не следует украшать и выряжать христианство: оно объявило *смертельную войну* этому *высшему* типу человека, оно отреклось от всех основных инстинктов этого типа; из этих инстинктов оно выцедило понятие зла, злого человека: сильный человек сделался негодным человеком, «отверженцем». Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из *противоречия* инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как *искушения*.

Что хорошо? — Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

Что дурно? — Все, что происходит из слабости.

Что есть счастье? — Чувство *растущей* власти, чувство преодолеваемого противодействия

Не удовлетворенность, но стремление к власти, *не* мир вообще, но война, *не* добродетель, но полнота способностей (добродетель в стиле Ренессанс, virtù, добродетель, свободная от моралина).

Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение *нашей* любви к человеку. И им должно еще помочь в этом.

Что вреднее всякого порока? — Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым — христианство.

Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встает на защиту в пользу обездоленных и осужденных жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение. Осмелились назвать сострадание добродетелью (в каждой *благородной* морали оно считается слабостью)»

Ницше, «По ту сторону добра и зла»:

> «Мораль рабов по существу своему есть мораль полезности. Вот где источник возникновения знаменитого противоположения «добрый» и «*злой*» — в категорию злого зачисляется все мощное и опасное, обладающее грозностью, хитростью и силой, не допускающей презрения. Стало быть, согласно морали рабов, «злой» возбуждает страх; согласно же морали господ, именно «хороший» человек возбуждает и стремится возбуждать страх, тогда как «плохой» вызывает к себе презрение. Всюду, где мораль рабов является преобладающей, язык обнаруживает склонность к сближению слов «добрый» и «глупый».

Так в «Антихристе» Ницше обосновал тот расизм и тот антисемитизм «морали господ сильных рас и морали рабов слабых рас», который Гитлер принял как буквальное руководство к действию: «Задача в том, чтобы достигнуть той энергии величия, которая уничтожит миллионы недоделанных и неполноценных, и не погибнет…»

Ренан в «Истории Израильского народа» дает очень высокую оценку евреям как нации положившей начало «гуманитаризму и социализму», «милосердию и братству», — тому, говорит Ренан чего до евреев в античной культуре не доставало. Он подчеркивает на протяжении всех десяти книг, что иудейские пророки, эти «первые народные трибуны», не знавшие страха перед царями, отчаянно сражались за своих «бедных и слабых» сограждан, протягивая руку помощь угнетенным везде, где это было возможно. «Израиль первым давший форму крику народа, жалобе бедного», — говорит Ренан. Народ, инту-

итивно чувствовавший гниль физического контроля «права сильного» и всячески осуждавшего насилие: «Ненависть к насилию», подчеркивает Ренан. Ненависть к насилию, ненависть к праву силы, ненависть к войне — очевидно, что это ненависть праведного к физическому контролю поля Эгосистемы. И Израиль был первым народом, который объявил эту войну физическому контролю полю Эгосистемы, обнаружив таким образом самое основании порока, материальную энергию психики. И воевал с этим физическим контролем не на живот, а на смерть: разрушив Левиафан собственного государства, и продолжая воевать с Левиафанами Египта, Ассирии, Вавилона как с чумой своего времени, и не сдавая позиции своей борьбы даже в рабстве.

Так кто же в конечном итоге «недоделанный и неполноценный» остается нам спросить? «Общество друзей преступления» Ницше, которое противопоставило Преступление Нравственности Христианства, или же Добродетель Чистой Совести как абсолютная ценность этики? Кто «низшие люди», те кто вместе с Садом и начиная с Сада проповедовали Право Силы, Право на убийство, которое дает природа, Войну борьбы за выживание, издевательства над добрыми и глупыми (одна «Жюстина. Злоключения Добродетели» Сада чего стоит), разврат и проституцию, или же другие, те, кто начиная с этических религий Осевого времени проповедовали абсолютную этику совести, сострадания и справедливости? Кто слабый, кто глупый, кто «Недоделанный и неполноценный» из этих двух категорий людей?

Вообще, уже в «Жюстине» Сада содержится вся «философия» имморализма Ницше. Сад не только расписывает свой грязный разврат сумасшедшего, но он также берет на себя труд «оправдывать» свою мерзость некоей предтечей дарвинизма. Он развивает собственную «натурфилософию» о том, что природа есть мир пожирания зверей друг другом, и что убийство есть необходимая и неотъемлемая часть природы наряду с развратом, которому как животное подвержен человек. Борьба за выживание

животного, словом, которая благословляет все пороки человечества. Ницше никогда не ссылается на Сада (в отличии например от Набокова), потому что у Ницше видимо осталось еще вкуса понимать, что на таких авторов как Сад ссылаться нельзя (только как на материалы психиатрии, что делали во времена Ницше). Ведь насколько они идентичны в конечных выводах своих философий (а так ли начинал Ницше!), это абсолютно разные люди. Сад негодяй и идиот, погрязший в пороке и разврате шалопай бездельник, графоман писавший вместо литературы историю своей болезни. Тогда как Ницше талант и глубокий ум, «святой» в своем образе жизни («лучше попасть в руки к убийце, чем в мечты похотливой женщины»), человек чести, никогда не нарушивший даже своего слова, историк, профессор и работяга. Как же он скатился так низко, что конечные выводы его философии оказались рядовой пошлостью последнего бездельника? Впрочем, разрушенный рационализм 19 века, уничтоживший метафизику и мир идей Платона, вскоре приведет многих других талантливых писателей к тому же горькому результату: настоящую литературу перестанут замечать, а Сада назовут талантом Бодлер и Мишель Фуко, новые участники «Общества друзей преступления». А писания Сада, которые до тех пор демонстрировались как история болезни, назовут настоящей литературой.

2. ЕДИНЫЙ БОГ ДОБРА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ БОГИ ЗЛА

Однако, не уклоняясь от нашей темы, поставим еще раз вопрос во всей его строгости: Действительно ли Универсальный Бог человечества — это Бог только Добра, только Мира, или нужны еще войны, убийства и ненависть друг к другу? И Действительно ли будучи Богом Добра этот универсальный Бог человечества есть бог слабых и глупых, не способных к борьбе людей?

Чтобы ответить на этот вопрос нам надо вернуться к определению метафизики рационализма и поля интеллекта человечества.

Что есть Рационализм? Утверждение, что в основе вселенной лежит интеллектуальная идея Господа — законы природы, и что Разум человека обладает способностью познавать эти законы природы. Другими словами, законы природы есть ни что иное как Идея, математическая формула, форма интеллекта, заложенная Господом в основание космоса. И что Разум человеческий есть неотъемлемая часть этой единой субстанции интеллекта, и именно поэтому и только поэтому имеет способность познавать и контролировать законы природы. Вот собственно очень простая доктрина философии рационализма. И вот простое определение силового поля интеллекта психической энергии человека: притяжение между полюсами активного и пассивного интеллекта (мышления и законов природы), которое ощущается как страсть к познанию законов природы (голод, жажда знаний).

Однако, вокруг этой простой доктрины Единой Субстанции Интеллекта с Активным полюсом (мышление) и Пассивным полюсом (законы природы) накручено столько «систем философий», стремящихся ее опровергнуть, что недостаточно просто сформулировать эту простую истину, важно еще ответить самым удачливым оппонентам.

Как Давид Юм разрушил это стройное здание, которое до него возводили такие Титаны Откровения Осевого Времени как Пифагор, Сократ, Платон, Заратустра (Ницше врал о Заратустре, тот был рационалистом и его знали греки как Зороастра), Филон, Иисус (Евангелие от Иоанна), Декарт, Спиноза, Лейбниц? Он заявил, мы наблюдаем регулярности в природе, но почем нам знать, что это «законы», что это причинно-следственные связи, то есть формулы интеллекта, идеи в основе природа? Мы никак не можем этого доказать, а значит завтра все может быть по другому: солнце не взойдет, и снег будет идти летом. Б. Рассел говорит, что Юму никто не смог дать достойного ответа и потому Эмпиризм победил Рационализм: законы природы, а вместе с ними мир идей Платона как основу мироздания отменили. И все величественный хрустальный дворец интеллектуальной формы космоса был разрушен. Идей нет, и разум человека тоже

не составная часть мира идей или субстанции интеллекта, а всего лишь инструмент приспособления животного к среде. Так разрушили «высшую сферу» Пространства Интеллекта, в котором движется духовная энергия человека, заставив его верить в свое животное происхождение.

Кант считал, что он преодолел агностицизм Юма, когда ответил ему в том роде, что нам не надо доказывать, что регулярности в природе — это причинные связи, потому что мы сами приписываем природе причинные связи. Это свойство нашего разума, он окрашивает мир в величины пространства и времени и приписывает ему отношения причины и следствий. Настоящий же мир есть «вещь в себе» не доступная познанию человека. Понятно, что Кант ничего не изменил в агностицизме Юма, потому что только подтвердил, что Единой Субстанции Интеллекта, как законов природы в основе мира и мышления человека как ключа к этим законам — не существует. И что интеллекта вообще не существует, потому что «познание» человеку не доступно, а доступно только субъективное отражение. Так Юм и Кант разрушили рационализм — за ними пошел громадный поток того «разъедающего влияния скептицизма и релятивизма» о котором в связи с философией Канта говорит Ницше.

Значит, нам надо доказать, что Юм, Кант и их последователи (в том числе Маркс, Энгельс, Гегель, Ленин) были не правы, и что мир есть Единая Субстанция Интеллекта, а Мышление Человека — доступ к этой субстанции. Вообще говоря, это сделать совсем не трудно, стоит только посмотреть на Энергетику Оставльда с позиций рационализма. Он доказывал, что научное познание может быть только познанием энергий природы и больше ничего! То есть все другое восприятие можете называть каким угодно «познанием», но именно научно, то есть достоверно можно познавать только энергии природы! И здесь очень легко доказать, что в основе космоса законы природы как формулы интеллекта: человек открывает системы законов природы, которые позволяют ему получать доступ к силе энер-

гий и контролировать их. Следовательно, мы опытным путем доказали, как Герц формулы электромагнетизма Максвелла, наличие интеллектуальной формы космоса в виде систем законов энергий. А Д. С. Милль дает в «Обзоре философии О. Конта» отличное определение иерархии наук, данной Контом, как системы законов природных энергий, где последующая ступень в иерархии включает в себя дополнительную открытую энергию.

Итак, мы будем считать доказанным Единую Субстанцию Интеллекта как мир идей Платона, как интеллектуальную форму космоса, и следовательно, духовную энергию человека как силовое поле интеллекта, как притяжение Активного и Пассивного интеллекта, как страсть (голод) к познанию.

Что же из этого следует?

Из этого следует, что мы больше не можем так безалаберно смешивать терминологию, обозначающую феномены религии и науки с одной стороны, и магического сознания с другой стороны, потому что это две совершенно различные реальности. Религия и наука принадлежат полю интеллекта, тогда как магическому сознанию принадлежат идолы язычества (то есть загрузки кривого зеркала, СуперЭго и Эго). Надо сказать, что А, Эйнштейн, которого я лично отношу к великим еврейским пророкам, посвятил ряд статей вопросу о родственности религии и науки, как «двум сторонам одной медали», и четко разграничивал религию разума и религию страха, то есть поле интеллекта и страх сверхъестественных сил поля Эгосистемы.

Но опять таки, мы видим, что даже Эйнштейн, разграничивая четко сами феномены, оставляет одну и ту же терминологию и для поля интеллекта и для поля Эгосистемы: «религия». Мы же, после столь точных данных о силовых полях психики, должны четко разграничить отныне и терминологию касательно Бога-Разума единого и «богов» поля Эгосистемы. И вот почему.

Понятно, что только поле интеллекта есть метафизика и религия в смысле сопричастности человека миру божественного. С другой стороны, и первобытное сознание абориген, еще пра-

логическое, еще не знающее интеллекта, уже имеет дело с «магией» и «богами». Однако, мы уже знаем, что эти «боги», которых очень много в отличии от единого Бога-Разума, есть просто порождение Кривого Зеркала Эгосистемы: загрузки фигур Эго и СуперЭго как количественной абстракции Силы. И потому эти «боги» ничего общего с метафизикой как миром божественного не имеют, а представляют собой Идолов Физической Силы, и «магия» тут только в миражах кривого зеркала чувственного отражения, которое представляет их «великанами всесилия». Но как бы ни было — это только иллюзии, и только идолы физической силы.

Совсем другое дело когда мы говорим об истиной религии метафизики интеллекта. Понятно, что теперь мы говорим о доступе человека к миру божественного через посредство его научного интеллекта. Здесь речь идет уже не о противостоянии физической силы, а о духовной силе мышления, о способности человека познавать и контролировать энергии природы, в том числе свою собственную энергию. Это уже не физика, а Метафизика Активного Интеллекта — доступа человека в Пространство Интеллекта. Следовательно, религиозная зрелость человека проявится в том, что он, подобно большим ученым как Эйнштейн и Максвелл, Тесла и Фарадей, осознает, что истинная наука есть уже религиозное служение Богу-Творцу, ибо движение мысли есть движение в Пространстве Интеллекта. «Я мыслю, следовательно я существую», говорил Декарт, другой известный ученый и рационалист.

Итак, мы должны четко разграничивать эти два мира: религию и науку поля интеллекта с одной стороны и магию кривого зеркала Идолов язычества с другой стороны, как мир метафизики доступный только человеку и мир материальной энергии, которой недоступна ни религия, ни метафизика, ничего божественного. Это мир «страха сверхъестественных сил», но не мир «Религии страха», потому что религия полю Эгосистемы недоступна.

«Кто не родится от Духа, — говорит Иисус, — тот не войдет в Царствие Небесное». Действительно, получить доступ в Про-

странство Интеллекта значит родится второй раз, значит обрести полноценную жизнь духовной энергии, а этого можно достичь только хорошим образованием. Человек не рождается в Пространстве Интеллекта, ибо поле интеллекта требует развития, и кропотливого труда. И в те счастливые эпохи и тем счастливым людям, которым обстоятельства позволили получить это образование и стать частью Пространства Интеллекта — родиться от Духа, тем можно сказать и другие слова Христа: «Царство Божие внутри вас».

Вот что делает энергию Духа, божественный дар человечеству, таким слабым на первых стадиях становления человечества: трудности в становлении научного контроля. Ведь знания сначала должно собрать все человечество в своих библиотеках и институтах, потом должны созреть условия где каждый сможет получать образование, и только тогда все смогут с детства сразу приобщаться Пространства Интеллекта, то есть «Царства Божья внутри вас». А до тех пор, поле Эгосистемы с его железными челюстями физического контроля держит в зубах беспомощную энергию добра, истязая ее самыми изощренными способами, «смывая в кал и прах личности». Ибо физическому контролю становления не требуется, он готов к автоматизмам садомазохизма прямо с момента своего рождения у аборигенов: они уже имеют оба притяжения Влюбленности и Самолюбия и поклоняются своим идолам-тотемам.

Однако, при казалось бы нулевых шансах у младенца задушить этого змея в своей колыбели, обвившего его кольцами и безжалостно душащего, разве не были мы свидетелями великого чуда господня, когда Первое Осевое Время озарилось Откровениями, и Господь прямо прислал пророков человечеству, чтобы дать ему первые самые необходимые сведения о боре двух враждебных энергий в его душе: о борьбе добра и зла этических религий? Разве сам господь не послал своих религиозных гениев, чтобы они подали руку слабому-преслабому гадкому еще утенку — контрольной энергии поля интеллекта? И разве не спасали эти ангелы небесные человечество в самые тяжелые

его времена, основывая синагоги и церкви, и давая бедным людям духовную и физическую пищу и помощь? Разве не разверзлись небеса и не спустились к нам Исайя, Заратустра, Орфей, Пифагор, Сократ, Платон, Гораций, Персий, Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет, Дион Хризостом, Плутарх, Тацит и Плиний, Иисус и отцы церкви во времена, когда разум человеческий только проснулся и беспомощно кричал в своей колыбели? И разве не схватили они монстра-Левиафана и не оттолкнули от колыбели разума-младенца громом Священных Писаний и Светом братской любви в первых Церквах человечества? Разве не выступили бесстрашно против Зла Левиафанов, указывая на них не дрогнувшей рукой всему человечеству и твердо обличая в них порок физического контроля материальной энергии?

Так, Господь спас жизнь своего младенцу — разумному человечеству пожертвовав ему ни одного своего ангела. Но ведь спас, но ведь протянул руку именно тогда, когда было нужнее всего, когда люди сами бы не справились, и не нашли бы дороги из хаоса.

Вот как рисует Ренан эту борьбу людей первого откровения с физическим контролем самых первых Левиафанов.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «В позднейшие века в Ниневии возникло ядро империи Ассирии, силу которой составляли орды из гор Курдистана. Это было первое появление военной силы в мире. Плодом ее явился грубый деспотизм, не одушевлявшийся никакой нравственной или религиозной идеей. Разум и право, как понимали их древние, стали словами, лишенными смысла. Барельефы длинной в километр с ужасающим реализмом рисуют перед нами эту деятельность милитаризма. Жестокость является здесь как у краснокожих, главной силой и двигателем. Сцены истязаний изображены также любовно и тщательно, как сцены побед. Царь, напоминающий Атттилу или Тамерлана, один находится в центре картины. Рядом с царем только солдаты, слуги, палачи, там нет великих государственных деятелей и выдающихся людей. Царь является настоящим богом в этой среде искусных вскрывателей черепа. Рядом с ним не существует ничего. Все изображения имеют одну цель — показать его силу. А сила заключается в том, по этой логике дикарей, чтобы

> видеть у своих ног врага, с которого живьем сдирают шкуру. Ассирия была — как поняли еврейские ясновидцы – первой империей завоевания. Мы прощаем греческой и римской, а отчасти и персидской империи, их насилия ради тех благ, которые они дали миру, ради той дани, которую внесли они в сокровищницу прогресса. Ассирийская империя, по-видимому, не принесла ничего кроме зла. Подобно татарским империям средних веков, она только разрушала все на своем пути. Евреям, сохранившим верность духу древности, новая ассирийская империя была ненавистна особенно из-за господствовавшего в ней безверия. Эта замена Бога человеком, еще в древних мифах о Немвроде, о Кесиле, представлялась крайним безумием. Основное свойство семитской души — это уважение к человеческой личности. Это принижение божьих сознаний во имя чьей то необъятной гордости, это равенство всех в общем рабстве возмущало гордые натуры, которым чужда была идея государства, которым казалось унижением даже подчинение мелким царькам Иудейского и Израильского царств… Халдейское господство представлялось для благочестивого израильтянина царством идолопоклонства, силы и зла. Оно было, кроме того, железным господством, не выпускавшим ни одного из своих пленных. Действительно смертельным ударом для Вавилона была его осада Дарием. Полное разрушение произошло лишь в царствование Селевкидов. Весть о взятии Вавилона пьянила народ Израиля. Расы, относительно нравственные заменили прежнюю неинтеллигентную и свирепую расу. Новая империя не была насильнической и не мешала движению.-

Я специально концентрирую ваше внимание на фактах Откровения, чтобы показать, что Религия Метафизики Интеллекта не исчерпывается одной наукой и одним доступом к силе природных энергий. Мы, люди как носители активного интеллекта также имеем какое то непосредственное общение с божественным, и об этом также необходимо помнить. Необходимо стать серьезными в отношении религии, — вот что важно. А все остальное второстепенные вопросы.

И теперь мы можем ответить на поставленный вопрос: единый Бог разума всего человечества и всей вселенной — это Бог только Добра, или его сила также в Зле, как говорит Ницше?

Зачем Богу-Интеллекту, который установил все законы природы с кем-то и с чем-то воевать, чтобы показать свою силу? Это

абсурд, ибо Господь силен уже тем, что он есть интеллект в основе всего сущего. Если же спрашивать в отношении только людей, Нужна ли людям Война, чтобы быть сильными, как утверждают все садисты и дарвинисты, ницшеанцы и гитлеровцы? И правда ли, что Иисус, проповедуя мир и братство, был не способен к борьбе? Мы отвечаем вместе с Иисусом: Кто не родится от Духа, тот не увидит Царствия Небесного. И что Господь сделал все чтобы знания Откровений дошли до людей. И чтобы поле интеллекта обрело знания и силу, чтобы одолеть физический контроль поля Эгосистемы. И что христианская церковь много веков сохраняла человечество в этой борьбе спасая души от разложения под активным полем Эгосистемы. Важно помнить, что Град Божий Августина спасал и спасает тех, кто родился от Духа, а не всех подряд. Те, кто выбрал физический контроль поля Эгосистемы, сами себя обрекли, ведь сказано в Писании: кто соблазнит одного из малых сих...

Здоровому человечеству очищенного поля интеллекта не с кем бороться, и никакой войны ему не надо ни для самозащиты, ни для развития, ибо здоровое человечество есть святая ткань любви-дружбы, церковь и братство человеческое. Здоровые люди не только не могут воевать друг с другом, но ощущают как самую страшную боль страдания друг друга. Это и есть ощущение единства поля интеллекта, единого Я как объекта научного контроля закона сохранения силы психики (психической энергии). Ибо поле интеллекта есть ОДНО, ЕДИНОЕ, то что люди называют семьей, церковью, братством и ощущается как совесть, сочувствие и справедливость. О какой войне может идти речь в таком сообществе? О каких злых богах? И наконец, Развитие в основе этой энергии как потребность в знании, как голод и жажда знать сначала, а впоследствии как наслаждение процессом контроля, профессионализмом в компетентной работе, в виртуозности созидательной работы научного интеллекта. Об этом много написано в гуманистической психологии, и в воспоминаниях самих ученых и художников — наслаждение самим процессом, знание ради знания. И напротив, много сказано

о вреде конкуренции для развития общества, только если конкуренция не сводится к дружественной игре. Когда конкуренция — это гражданская война за выживание — она также разрушительна как любая война. У Оруэлла хорошо сказано о войне в «1984» как об абсурдности существования у тех, кто не умеет ничего кроме того, чтобы разрушать и транжирить в никуда конструктивные результаты.

Конечно, остается еще вражда с теми «грешниками», которые не желают лечиться от поля Эгосистемы, и делают все, чтобы уничтожить сообщества здоровых людей. Конечно, с этими людьми необходимо бороться. Но гениальность Евангелий в том, что оно всем тоном своих текстов говорит о том, что не люди сами враги, но их болезнь. Отсюда проповедь раскаяния и прощения раскаявшихся, ибо только раскаявшиеся могут быть приняты в религиозные сообщества единства духовной энергии. Но и эта борьба с нераскаявшимися не вечна, придет окончательное знание, научный контроль психической энергии, и человечество излечится от поля Эгосистемы, как излечилось от чумы и тифа.

Это эпоха тех варварских времен пока человечество заражено активным полем Эгосистемы, так и об этом в Писании: вы-соль земли, вы –свет мира, и если горит свеча то не ставят ее под кровать, а ставят так чтобы всем было видно и светло. И кто не берет свой крест и не идет за мной… Слова эти значат, что те кто уже здоров, обязаны посвятить себя борьбе со злом, а бороться со злом можно только просвещением. И вот Иисус посылает своих учеников нести свет знаний людям: вас будут бить и гнать за имя мое… Таким образом, правда истинного бога есть правда борьбы с самим злом, а не с людьми, как его невольными носителями. Не убивать людей надо, не физический меч нужен, но духовный меч, — меч образования и просвещения. Потому что нельзя убить зло физически: убивая злодеев, ничуть не колеблешь системы поля Эгосистемы в новых рождающихся людях. И только усиливая силу поля интеллекта на земле и разоблачая механизмы поля Эгосистемы несешь реальную борьбу со злом

Итак, единый Бог-Разум, оставаясь мощью и фундаментом всего мироздания, может быть только Богом Добра. Великую слабость обнаруживают национальные боги зла у Ницше. Ведь эти боги — всего лишь идолы, загрузки СуперЭго кривого зеркала поля Эгосистемы.

Здесь мы вступаем в зону материальной энергии, ее нищеты и ее неизбывной болезненности, потому что закрытый циклический гомеостаз, и потому что мотивация неравновесия к равновесию (в данном случае голода к сытости, боли к покою) есть единственная мотивация материальных энергий. Если голод (боль) материальной энергии удастся совсем остановить — она перестанет существовать, потому что движет ее неравновесие в поисках равновесия, для живых организмов это чувство дискомфорта, боли, голода. Царство материальной энергии — это душное царство нищеты, тьмы и неизбывной боли в погоне за крохами покоя.

И вот вам и происхождение «Злых Национальных Богов»: это порождение картины Эгосистемы, которая дает чувственное отражение как противостояния человека и всего мира в двух количественных абстракциях силы. Зарузки Эго и СуперЭго и их вечная неизбывная война, дикий страх сверхъестественных сил, который она порождает — вот источник тех Злых Идолов, которых призывает Ницше как «силу человечества».

Б. Рассел «Брак и мораль»

> *«Страсть к научным исследованиям — одно из самых ценных качеств человека и наиболее важная область его деятельности. По-видимому, эта страсть никак не связанна с половой страстью»*

Г. Олпорт:

> *«Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо*

> *всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».*

Адлер Понять природу человека

> *«Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе. Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество.*

Б. Рассел:

> *«Корень зла в той значимости, которую придают соревновательному успеху, конкуренции и победе, как основным источникам счастья. «Б. Рассел Борьба за счастье*
> *«Конкуренция в образовании будет, однако, значительно менее ядовита нежели в настоящее время при условии, что все экономически равны, и все уверены в экономической безопасности для себя и для своих детей. Именно неравенство и отсутствие безопасности делают конкуренцию такой горестной, но стоит только устранить эти элементы и жало будет извлечено из конкуренции» Образование и здоровое общества Рассел*

Г. Олпорт:

> *«Здесь мы должны добавить пару слов относительно „экономической зрелости". Для многих людей борьба за то, чтобы заработать на жизнь, сохранить платежеспособность, выдержать яростную экономическую конкуренцию, выступает как основное требование жизни. Это вызывает напряжение и порождает кризис, который часто корежит человека сильнее, чем кризис сексуальный или кризис иден-*

> *тичности. Студенты колледжа не всегда правильно оценивают вызов, с которым им предстоит столкнуться, когда они вступят в конкуренцию за доллар. Молодые люди, еще не испытавшие жестоких истязаний на рыночной площади, иногда кажутся спокойными и даже расслабленными. Быть в состоянии содержать себя и свою семью (в Америке, где жизненные стандарты постоянно растут) — пугающее требование.» Олпорт*

А, Маслоу:

> *В рамках США это может быть мелкое предприятие с одним или двумя работниками, действующее в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание, когда важен каждый цент и босс может продержаться, лишь выжимая из своих подчиненных все до последней капли, доводя их до отчаяния, так что они просто вынуждены уволиться, поскольку он пытается заработать на жизнь, вцепившись в них и высасывая из них максимально возможную прибыль. Не стоит разделять заблуждения насчет того, что крупная корпорация с относительно плохим управлением является образцом «плохих условий» — условия там далеко не так плохи. Следует помнить о том, что 99% человечества отдало бы несколько лет своей жизни за то, чтобы получить работу в наиболее плохо управляемой крупной корпорации нашей страны».*

Э. Аронсон «Общественное животное»:

> *«А теперь взглянем на наше собственное общество. Создается впечатление, что мы, американцы, представляем собой культуру, процветающую благодаря соревнованию, конкуренции: мы вознаграждаем победителей и отворачиваемся от побежденных. На протяжении двух столетий наша система образования была основана на соревновательности и законах выживания. За редким исключением, мы не обучаем детей любить учебу — мы учим их бороться за высшие оценки. Когда Грантленд Раис — журналист, пишущий о спорте, заявлял, что важно не то, проиграл ты или выиграл, а то, как ты играешь, он не описывал доминирующее начало американской спортивной жизни, а прописывал лекарство для лечения нашей зацикленности на выигрыше и ни на чем ином! Проявления этой невероятной культурной одержимости победой видны повсюду. Диапазон простирается от футболиста, рыдающего после поражения своей команды, до студентов-зрителей на стадионе, скандирующих: <Мы — номер один!>, от президентов типа Линдона Джонсона, чьи суждения во время вьетнамского конфликта были явно искажены неоднократно высказываемым им же-*

ланием не оказаться первым хозяином Белого дома, проигравшим войну, или Джорджа Буша, который в бытность свою президентом <мужественно> сражался со своим имиджем <слабака>, и до простого школьника третьего класса, презирающего одноклассника только за то, что тот не столь успешен в математике. Вине Ломбар-ди, очень успешный тренер профессиональных футболистов, подытожил все вышесказанное одной простой фразой: <Победа — это не самое важное; это — единственное, что важно>. То, что особенно пугает в подобной философии, — это ее приверженность идее: цель — победа — оправдывает любые средства, использованные вами, чтобы победить. Даже если это касается всего-навсего игры в футбол — игры, поначалу воспринимавшейся лишь как разновидность активного отдыха! ...Однако в любом случае, оглядываясь по сторонам и видя вокруг мир, полный раздоров, международной и межрасовой ненависти и недоверия, бессмысленной бойни и политических убийств, мы чувствуем, насколько оправданно наше недоверие к сегодняшней <ценности> такого поведения для выживания человечества. Вспоминая о том, что ядерных боеголовок, находящихся в арсеналах ведущих держав, хватит на то, чтобы полностью уничтожить все население планеты двадцать пять раз, я задаю себе вопрос: а не заходим ли мы слишком далеко, изготавливая все новые и новые боеголовки?» Общественное животное Аронсон

П. Брегг Чудо голодания:

«Мы живем в сумасшедшем мире, пропитанном духом конкуренции. В условиях нашей цивилизации, когда „человек человеку — волк“, нам приходится выдерживать огромное напряжение и переносить тяжелые удары. Я уверен, что это и есть та причина, по которой люди увлекаются табаком, кофе, алкоголем и другими стимуляторами. В деловом мире царит не только дух конкуренции, но также и желание укрепить свое собственное положение. Люди вечно стремятся перещеголять друг друга, неустанно следуя ими созданному стереотипу. Но этот фальшивый стереотип забирает огромное количество энергии». Чудо голодания Поль Брегг

3. СВЯТАЯ ТКАНЬ ЛЮБВИ — ДРУЖБЫ И ЛЮДОЕДСТВО САДОМАЗОХИЗМА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ

Мы видели, что аборигены с их магическим сознанием поля Эгосистемы поклонялись своим идолам-тотемам (неправильно называть тотемизм абориген религией и неправильно называть идолов — богами) точно также, как если бы рабы поклонялись своим господам в каком-нибудь Левиафане: они добровольно истязали себя и добровольно отдавали большую часть своих запасов, чтобы умилостивить своих идолов. В этом другое характерное отличие идолов магического сознания, рожденного страхом сверхъестественных сил поля Эгосистемы от Бога-Разума всего человечества, который есть ткань нежной любви. Идолы магического сознания — всегда грозные властелины, «злые боги» Ницше; и напротив Бог-Разум — всегда нежная отцовская любовь, о чем Ренан сказал, хоть немного противоречиво, но все же ясно: Иисус последний пророк иудаизма, завершивший переход от национальных богов-идолов к единому Богу-Интеллекту. Это Бог любви-дружбы, который жертвует своих лучших и любимейших ангелов, чтобы они принесли знания человечеству и спасли его от железных тисков садомазохизма материальной энергии.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Яхве у пророка Госеи, как мы видели, уже чисто моральная сущность; Яхве у пророка Исайи и у Михи демонстрирует всю нежность небесного Отца христиан. Иногда мы слышим полные горечи ноты которые напоминают нам укоры Иисуса: „Ах, мой народ, что я вам сделал?“. Плачущий Господь, которого полюбит всей душой христианство, Господь который несчастлив и чувствуют себя уязвленным когда нарушены его заветы, и который как хороший отец, ждет исправления грешников, уже существовал в эмбрионе у этих пророков. Яхве, в том как его жалеют, и в том как к нему относятся, уже жертва распятия. В это же время рождается настоящая молитва. Благочестивые люди ужасались тем безумным танцам, конвульсиям, кривляниям, порезам на лбу и шее, которые практиковали жрецы Ваала. Новый бог настолько всецело бог добра, моральный бог, что все чистые

> души находят себя естественным образом в контакте с ним. Бог любит искренних и честных людей, он внемлет им»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Уже с первых шагов он смотрел на свои отношения к богу как сына к отцу. Бог Иисуса — не роковой властелин, убивающий и осуждающий нас, когда ему заблагорассудится, спасающий, когда ему угодно. Бог Иисуса — наш отец. Бог Иисуса не пристрастный деспот избравший Израиль своим народом. Это бог человечества. Иисус не будет патриотом как Маккавеи, теократом как Иуда Гавлонит. Смело возвышаясь над предрассудками своей нации, он установит учение о боге — всемирном отце.
> Евангельская мораль, мало оригинальная сама по себе остается тем не менее высшим созданием, какое только когда-либо вышло из человеческого сознания, самым прекрасным кодексом совершенной жизни, когда-либо начертанным моралистом. Он беспрестанно повторял, что надо сделать больше, чем сказали древние мудрецы. Чистый культ, религия без священства и внешних обрядов, покоящаяся на сердечном чувстве, на последовании богу, на непосредственном общении совести с отцом небесным — таковы были выводы из этих принципов. Иисус никогда не отступал от этого смелого вывода, который делал его в среде иудейства настоящим революционером. К чему посредники между человеком и его отцом? Бог видит сердце, к чему же эти очищения, эти обряды, касающиеся только тела? И само предание столь святое для еврея, ничто в сравнении с чистым чувством. Менее кого-либо он был священником, более кого-либо — врагом тех обрядов, которые под предлогом покровительства душили религию в этом мы все — его ученики и продолжатели. Так он заложил вечную основ истинной религии. Идея, безусловно, новая, идея культа, основанного на чистоте сердца и братстве людей, вступила в мир через Иисуса. Пустая обрядность, внешний ригоризм, ищущий спасения в разных кривляниях, находили в нем смертельного врага. Посту он не придавал особой цены, предпочитал жертвоприношению забвенье обиды. Любовь к богу, милосердие, взаимное прощение — вот и весь его закон».

Разве человечество не знает любовь Бога-Отца? Есть только один Король, устанавливающий законы — это Господь Бог, как есть только один Правящий Дом — это люди, родившиеся от Духа, люди, поднявшиеся до научного контроля пространства интеллекта. И Бог дал людям эту власть над природой, но не в том

смысле как понимают ее атеисты, — как свою собственную заслугу и свое самобожествление. А как служение Господу, как его понимал Эйнштейн в своей проповеди науки как религии и религии как науки. Понятно, что естественное право законов природы есть настоящая демократия научного контроля, которую предлагал еще Платон в республике философов-правителей.

И вот Господь возвышает человека до своего «Правящего Дома», делает правителем не одного кого-то, а всю семью человечества, всю духовную энергию. И вот там, где материальными энергиями движет неравновесие, боль и дискомфорт неизбывного голода и жажды, там духовной энергией человека движет сначала голод к познанию, но голод этот насыщаем! Человек имеет доступ к реальному знанию, к истине законов природы. И вот им движет уже не голод, а наслаждение творческим процессом, наслаждение профессионализмом, потребность в труде, о которой тоже столько писали. Это наслаждение работой, незнакомое отношениям господ и рабов, насильников и насилуемых, а только доброй воле научного контроля уже есть проявление повышения энергии духа, повышение ткани контрольной энергии. Это действительно энергии «избытка», о чем писали Фромм и Маслоу, сравнивая ее с энергией дефицита невротиков (физического контроля), и который Ницше напрасно искал на поле насилия и подчинения.

Потому как здесь всюду рост, развитие продуцирование энергии — и в том, что мотивация дефицита переходит в мотивацию удовольствия, и в том, что сама работа приносит большое удовольствие, и дает большую отдачу, и в том, что философский юмор тоже приносит повышение энергии способствуя очистке от поля Эгосистемы, и в том, что большие способности к творчеству, и наконец в том, что любовь-дружба есть единая ткань эмоций духовной энергии, возрастающей у каждой личности на величину всего общества-церкви. Это энергия избытка, энергия удовольствия устойчивого равновесия, недоступного материальным энергиям, это энергия изобилия и силы космоса. И главное, что это энергия любви к Богу, так что самое важное для челове-

чества осознавать, что только дух серьезности в религии и в служении Господу даст ему пользоваться всеми этими благами.

Ну, а теперь если нам обратиться к энергии поля Эгосистемы, то какое будет сравнение? Прежде всего надо отметить, что поле Эгосистемы — энергия паразит. Она активна только за счет ресурсов поля интеллекта, и ее активность означает разложение и омертвение ресурсов эмоциональных, интеллектуальных и моральных у духовной энергии. Соответственно, пока функционирует поле Эгосистемы на теле контрольной энергии, последняя перестанет расти и развиваться, перестанет продуцировать энергию, а напротив захиреет и оскудеет. И следовательно, чем больше активность поля Эгоситемы, тем меньше ресурсов будет у ее источника, у того резервуара откуда она черпает всю свою активность как паразит (ведь сама она статична и никакого роста энергии у нее нет). Более того, все что получает поле Эгосистемы в качестве власти и богатства преобразуется во все те же нищенские притяжения Самолюбия и Влюбленности на ненасыщаемой мотивации боли (страха), так что как бы абсолютна власть деспота не была, и как не рос его Левиафан, ему никогда не выйти из заколдованного круга страха сверхъестественных сил: ведь известно, что чем больше властители подобного толка себя обожествляют, тем больше их паранойя быть убитыми и смещенными их окружением, тем более что вся история «циклов» деспотий есть такая история дворцовых переворотов.

Но даже и без переворотов, злодеям похвастать нечем: их реальный резервуар энергии (духовная энергия поля интеллекта и совести) уже почти мертв под метастазами их активного поля Эгосистемы, а физическая энергия, которую они получают в виде власти и богатств (в самом лучшем случае, если получают), только немного снижает градус страданий и на короткое время, не увеличивая таким образом реальной энергии нисколько. Так, если просмотреть материалы маркиза де Сада, то в том с какой навязчивостью он говорит о «наслаждении преступлением» прослеживается постоянная неутолимая боль, дефицит, дискомфорт, который невозможно снять. И напрашивается параллель с той

навязчивостью, с которой Ницше говорит о «венце смеха, который он себе надел» — он, самый горестный, самый печальный, и полный тоски шизоид, «разбившийся о свое величие». Это энергия разрушенной воли, энергия навязчивых влечений и компульсии автоматизмов, порождаемых бессознательными механизмами физического контроля. Энергия всеобщего страха и всеобщей ненависти, энергия неизбывной боли, спасение от которой видят на вершине Левиафана, а добравшись до этих вершин, обнаруживают, что все осталось по прежнему: ведь это все тот же циклический гомеостаз физического контроля, поменялось только Нижняя Эгозащита на Верхнюю — две части одной системы.

Сегодня «любовью» называют все, смешивая святость любви-дружбы в ее совести и сострадании с садомазохизмом Самолюбия_Влюбленности. Между тем, одно есть любовь когда люди есть помощь и жизнь друг для друга, а другое есть разновидность пожирания людьми друг друга.

любовь-дружба поля совести есть соединение энергии в ОДНО, в то время как циклический гомеостаз Самолюбия-Влюбленности есть соединение материальной энергии-паразита, но разделение самих людей, между которыми паразитирует поле Эгосистемы (они чувствуют весь процесс как сковывающие маски и лицемерие, как зависть и ненависть смешанные с расстройствами воли и навязчивыми влечениями, как стыд и страх опозориться еще больше, или как промежутки тщеславного злорадства в победе над эгом других людей). Хорошо об этом написано у Э. Фромма в «Искусстве любить», где он резко разделил истинную любовь-дружбы с одной стороны и «симбиотическую связь» (он не называет любовью союзы Самолюбия-Влюбленности) садомазохизма. Л. Толстой сравнивает такие союзы с людоедством в «Крейсеровой сонате», Б. Рассел проводит ту же параллель в «Борьбе за счастье» и в «Предложенных дорогах к свободе», Герцен говорит об антропофагии отношений насилия и подчинения. Д. С. Милль в эссе «О свободе женщин» также пишет, что подчинение женщин стало

«цитаделью рабства», и что «право силы» не будет уничтожено, пока оно не будет уничтожено в этой цитадели рабства. Наконец, С. де Бовуар говорит во «Втором поле», что больные отношения между полами изменятся только тогда, когда на смену отношениям господства и подчинения придут отношения дружбы духовной энергии.

Сами дарвинисты прямо называют отношения насилия и подчинения отношениями хищников и ягнят, например, Ницше прямо на это указывает.

Ницше, «По ту сторону добра и зла»:

> «Но вернемся назад: проблема *другого* источника «добра», добра, как его измыслил себе человек ressentiment, требует подведения итогов. — Что ягнята питают злобу к крупным хищным птицам, это не кажется странным; но отсюда вовсе не следует ставить в упрек крупным хищным птицам, что они хватают маленьких ягнят. И если ягнята говорят между собой: «Эти хищные птицы злы; и тот, кто меньше всего является хищной птицей, кто, напротив, является их противоположностью, ягненком, — разве не должен он быть добрым?» — то на такое воздвижение идеала нечего и возразить, разве что сами хищные птицы взглянут на это слегка насмешливым взором и скажут себе, быть может: «*Мы* вовсе не питаем злобы к ним, этим добрым ягнятам, мы их любим даже: что может быть
> вкуснее нежного ягненка». — Требовать от силы, чтобы она *не* проявляла себя как сила, чтобы она *не* была желанием возобладания, желанием усмирения, желанием господства, жаждою врагов, сопротивлений и триумфов, столь же бессмысленно, как требовать от слабости, чтобы она проявляла себя как сила».

Маркиз де Сад Жюстина

> «Все формы равны в глазах природы, и ничто не пропадает в огромном тигле, где происходят изменения: все частички материи, попадающие в него, непрерывно выходят оттуда в другом виде, и какими бы способами этот процесс не осуществлялся, ни один из них не может оскорбить природу. Убийства, совершаемые нами, питают ее силы, поддерживают ее энергию, и ни одно из них ей не противно. Какая разница для этой созидательницы, если та или иная масса материи, имеющая сегодня вид двуногого существа, возродится завтра в форме тысячи разнообразных насекомых! Кто осмелится утверждать, что уничтожение животного о двух ногах трогает ее

> сильнее, нежели уничтожение червяка, и что она заботится о нем больше? Если степень ее привязанности, вернее безразличия, ко всем созданиям одинакова, чем может ей повредить человек, который превратит другого человека в муху или в растение? Когда меня убедят в верховенстве нашего человеческого вида, когда докажут, что он исключительно важен для природы, что ее законы противятся его видоизменениям, вот тогда я смогу поверить в то, что убийство есть преступление»

Гете «Вертер»:

> «Передо мной словно поднялась завеса, и зрелище бесконечной жизни превратилось для меня в бездну вечно отверстой могилы. Можешь ли ты сказать: „Это есть“, — когда все проходит, когда все проносится с быстротой урагана, почти никогда не исчерпав все силы своего бытия, смывается потоком и гибнет, увы, разбившись о скалы? Нет мгновения, которое не пожирало бы тебя и твоих близких, нет мгновения, когда бы ты не был, пусть против воли, разрушителем! Безобиднейшая прогулка стоит жизни тысячам жалких червячков; один шаг сокрушает постройки, кропотливо возведенные муравьями, и топчет в прах целый мирок. О нет, не великие, исключительные всемирные бедствия трогают меня, не потопы, смывающие ваши деревни, не землетрясения, поглощающие ваши города: я не могу примириться с разрушительной силой, сокрытой во всей природе и ничего не создавшей такого, что не истребляло бы своего соседа или самого себя. И я мечусь в страхе. Вокруг меня животворящие силы неба и земли. А я не вижу ничего, кроме всепожирающего и все перемалывающего чудовища».

Р. Грин «48 законов власти»:

> «В мире власти действуют законы джунглей: есть те, которые охотятся и убивают, и есть множество тех, кто выживает за счет охоты других (гиены, стервятники). Они не такие яркие, менее одаренные и часто не способны сами выполнить работу, которая привела бы их к власти. Однако они рано осознают: если набраться терпения, обязательно дождешься, что кто-то сделает все за тебя. Не будьте наивны: в то самое время, когда вы в поте лица трудитесь над своим проектом, грифы и стервятники кружат над вами, прикидывая, как смогут жить и даже процветать, используя ваши творческие способности. Бесполезно жаловаться на это, исходить горечью и гневом. Лучше защитить себя и включиться в игру. Построив основание своей власти, сами станьте стервятником, и вы сэкономите массу времени и сил».

Герцен «С того берега»:

> «Аристократия — вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Э. Фромм «Искусство любить»:

> «Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободится из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам» Искусство любить Фромм

Б. Рассел «Борьба за счастье»:

> *«Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда*

> *не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения.*

Б. Рассел «Предложенные дороги к свободе»:

> «Уважение к личности тех кого любят будет гораздо чаще встречаться чем сегодня: ведь в наши дни большинство мужчин любят своих жен как они любят баранину, как нечто что надо проглотить и переварить. Но в любви, которая есть уважение к душе твоего спутника есть вдохновение совеем иного рода чем любые удовольствия которые можно обнаружить в господстве над людьми, это удовлетворение духа, а не только инстинктов. Это очень важно так как позволяет обнаружить лучшие переживания на которые способны люди»

Л. Толстой «Крейцерова соната»:

> «Боже мой! как вспомню я все мои, мерзости в этом отношении, ужас берет! О себе, над которым товарищи сме-ялись за мою так называемую невинность, я так вспоминаю. А как послышишь о золотой моло-дежи, об офицерах, о парижанах! И все эти господа и я, когда мы, бывало, тридцатилетние раз-вратники, имеющие на душе сотни самых разнообразных ужасных преступлений относительно женщин, когда мы, тридцатилетние развратники, входим чисто-начисто вымытые, выбритые, надушенные, в чистом белье, во фраке или в мундире в гостиную или на бал — эмблема чистоты — прелесть!
> Ведь вы подумайте, что бы должно быть и что есть. Должно бы быть то, что, когда в обще-ство к моей сестре, дочери вступит такой господин, я, зная его жизнь, должен подойти к нему, отозвать в сторону и тихо сказать: «Голубчик, ведь я знаю, как ты живешь, как проводишь ночи и с кем. Тебе здесь не место. Здесь чистые, невинные девушки. Уйди!» Так должно бы быть; а есть то, что, когда такой господин является и танцует, обнимая, ее, с моей сестрой, дочерью, мы ликуем, если он богат и с связями. Авось он удостоит после Ригольбош и мою дочь.
> Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Трубе, и на Грачевке, и на придворном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслажденье, удовольствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий

> кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину. Одни уступают ей место, поднимают ей платки; другие признают ее права на занимание всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это все делают, а взгляд на нее все тот же. Она орудие наслаждения. Тело ее есть средство наслаждения. И она знает это. Все равно как рабство. Рабство ведь есть не что иное, как пользо-ванье одних подневольным трудом многих. И потому, чтобы рабства не было, надо, чтобы люди не желали пользоваться подневольным трудом других, считали бы это грехом или стыдом.
> ...И толкуют о сво-боде, правах женщин. Это все равно, что людоеды откармливали бы людей пленных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся о их правах и свободе».

А. Камю «Бунтующий человек»:

> «Сад частенько вспоминает „сладкую привычку к преступлению“. Однако здесь нет ничего похожего на сладость — скорее здесь чувствуется ярость человека, закованного в кандалы. Ведь речь идет о наслаждении, а максимальное наслаждение совпадает с максимальным разрушением. Обладать тем, кого убиваешь, совокупляться с воплощенным страданием — вот мгновение тотальной свободы, ради которого и задумана вся организация жизни в замках. Но с того момента, когда сексуальное преступление уничтожает объект сладострастия, оно уничтожает и само сладострастие, которое существует только в миг уничтожения. Значит, надо подчинять себе новый объект и снова его убивать, а затем следующий и за ним — бесконечную череду всех возможных объектов. Так возникают мрачные скопления эротических и криминальных сцен, застылость которых в романах Сада парадоксальным образом оставляет у читателя впечатление омерзительной бесполости».

Д. Майерс Психология 2008:

> *«Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, политики — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше желаем достичь» Майерс Психология 2008*

Д. Майерс Социальная Психология:

> *«Тот кто знает рок-песню „Пристрастившийся к любви“ (Addicted to love), не удивятся узнав, что любовь-страсть по своему воздействию на человека аналогична привыканию к кофе, алкоголю и другим наркотикам. Поначалу наркотик возбуждает, порой даже очень сильно. При частом употреблении нарастают противоположные эмоции и вырабатывается привыкание. Количества, которое когда-то вызывало сильное возбуждение более недостаточно. Однако, если вы даже прекратите принимать его, это вовсе не значит что вы вернетесь в свое исходное состояние, в котором находились до того как впервые попробовали наркотик. Более вероятно, что у вас появятся все признаки „ломки“ — недомогание, депрессия и тп. То же самое нередко происходит и в любви. Страсть не может длиться вечно. Сначала утратившие свой пыл отношения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а затем и вовсе прекращаются». Социальная психология Майерс*

К. Хорни Невроз и личностный рост:

> *«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство». Хорни*

Э. ФРомм Человек для себя:

> *«Человеку может казаться, что некое желание вызвано телесными нуждами, в то время как в действительности оно обусловлено иррациональными психическими потребностями. Человек может испытывать сильный голод, вызванный не нормальной физиологической потребностью организма, а психической потребностью заглушить тревогу или депрессию. Хорошо известно, что потребность в питье часто бывает вызвана не жаждой, а состоянием психики. Сильное сексуальное желание также может быть обусловлено не физиологическими, а психическими потребностями. Неуверенный в себе человек, обладающий настойчивой потребностью уверить самого себя*

в собственной ценности, показать другим, какой он неотразимый, или подчинить себе других людей, „завоевывая“ их сексуально, легко будет испытывать сильные сексуальные желания и болезненное напряжение в случае их неудовлетворения. Он будет склонен считать, что силой своих желаний обязан потребностям своего тела, тогда как на самом деле эти потребности являются проявлением его психических потребностей. Невротическая сонливость представляет собой другой пример желания, которое кажется вызванным телесными причинами вроде нормальной усталости, а на самом деле бывает вызвано такими психическими причинами, как подавленная тревожность, страх или раздражение. Эти желания похожи на нормальные физиологические потребности, поскольку и те, и другие берут начало в некоей нехватке или дефиците. В первом случае в основе дефицита лежат нормальные химические процессы внутри организма; во втором случае желания являются результатом психической дисфункции. В обоих случаях дефицит является причиной напряжения, а избавление от напряжения является причиной удовольствия. Все прочие иррациональные желания, такие, как жажда славы, власти, подчинения или зависть и ревность, не принимающие форму телесных потребностей, также коренятся в складе характера человека и порождены каким-нибудь искажением или деформацией личности. Удовольствие, испытываемое от удовлетворения этих страстей, также порождено избавлением от психического напряжения, как и в случае невротических физических желаний». Человек для себя Фромм

А. Маслоу Мотивация личности:

«Кроме того, нам известно, что удовлетворение невротических потребностей не ведет к здоровью, в отличие от удовлетворения врожденных базовых потребностей. Если мы дадим страдающему неврозом, который жаждет власти, всю власть, к которой он стремится, это не излечит его от невроза и возможно даже не удовлетворит его невротическую потребность властвовать. Как его не насыщай он остается голодным (поскольку на самом деле он ищет совсем иного). Удовлетворение или подавление невротических потребностей практически не сказывается на состоянии здоровья. Когда речь идет о базовых потребностях, таких как потребность в любви или в безопасности, дело обстоит совершенно иначе. Их удовлетворение оказывает несомненно влияние на состояние здоровья, их насыщение действительно возможно, их фрустрация на самом деле вызывает болезнь. То же самое можно сказать и о потенциальных возможностях личности, таких как интеллект или устойчивая

> *склонность к определенной деятельности. (В данном случае мы располагаем только клиническими данными). Такая склонность проявляется как влечение, которое требует реализации. Удовлетворив его, человек будет развиваться нормально; в случае же его подавления и блокирования у человека начинают возникать разного рода странные проблемы, многие из которых пока еще не слишком понятны» Мотивация и личность Маслоу*

А, Маслоу Дальние рубежи человеческой природы:

> *«так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции» Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы*

Так как же нам теперь ответить на поставленный вопрос? Нужен ли порок Богу Добра и кто на самом деле «недоделанный и неполноценный», кто на самом деле «слабый и глупый» — добродетель поля интеллекта, или порок физического контроля поля Эгосистемы? Ответ очевиден, однако, вместо призывов Ницше уничтожать недоделанных и неполноценных, уже евангелие учило заменить стальной меч на меч духовный: уничтожать не людей, а саму болезнь, не злодеев, а физический контроль поля Эгосистемы. И не скажешь как Ницше, что Иисус не способен бороться будучи добротой «слабых и глупых», потому что духовный меч науки — единственный действенный способ борьбы со злом.

ГЛАВА 9. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА: ЭНЕРГИЯ ДОБРА КАК ЖЕРТВА ЗЛОДЕЕВ САТАН-ЭГО

1. Наивные здоровые люди как жертвы Злодеев Сатан-Эго
2. Жажда Презирать: Война объявленная Пороком Добродетели
3. Ваш отец Диавол — Отец Лжи, Человекоубийца от начала
4. Хула на Святого Духа, Осквернители Святынь и Кощунники

Устал я жить и умереть хочу,
Достоинство в отрепье видя рваном,
Ничтожество — одетое в парчу,
И Веру, оскорбленную обманом,
И Девственность, поруганную зло,
И почестей неправых омерзенье,
И Силу, что Коварство оплело,
И Совершенство в горьком униженье,
И Прямоту, что глупой прослыла,
И Глупость, проверяющую Знанье,
И робкое Добро в оковах Зла,
Искусство, присужденное к молчанью.
Устал я жить и смерть зову скорбя.
Но на кого оставлю я тебя?!

Шекспир 66 сонет

1. НАИВНЫЕ ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ КАК ЖЕРТВЫ ЗЛОДЕЕВ САТАН-ЭГО

Если мы теперь оценим пропасть между этими двумя энергиями психики — духовной и материальной, а также специфику каждой энергии, мы увидим, что Энергия Добра легко стала жертвой Энергии Зла с ее людоедством садомазохизма. Ведь в чем существо Энергии Добра поля интеллекта? Это Эмоции Любви-Дружбы с абсолютным доверием к другим людям, которые предполагаются такими же носителями Любви-Дружбы. И теперь если мы вспомним, что Энергия Зла есть эмоции страха и злорадства в погоне за очередными жертвами, то очевидно, насколько абсолютное доверие Наивных людей для них удобно в этой страшной охоте.

Итак, определимся с терминами. Что есть на сегодня Средний Здоровый Человек? Это прежде всего Человек Наивный. То есть такой человек, который сам является обладателем живого поля интеллекта и совести, живой ткани Любви-Дружбы, и который по этой причине предполагает такое же живое поле совести и сочувствия у всех других людей. По собственному эмоциональному ОПЫТУ наивные люди не могут знать о том, каковы люди Энергии Зла, то есть люди с Устойчивой Верхней Эгозащитой циклического гомеостаза (Сатан-Эго). Ведь эти энергии — поле интеллекта и поле Эгосистемы — не имеют ничего общего. У них (у Наивных людей) конечно как у всех людей налично и поле Эгосистемы, но оно слабой активности, и как правило только Нижней Эгозащиты, так что они могут легко стать орудием в руках злодеев, как показали эксперименты Милграма под давлением приказов магических авторитетов. Но тоже не все, а только 70 процентов. Так что в целом, поле Эгосистемы у них малоактивно. С другой стороны, в наш век материализма и дарвинизма, когда сознание и психологию позитивисты вообще исключили как объект науки и науку, когда люди редуцированы к животным, нет и никакой информации о двух полях психики на теоретическом уровне. Раньше были хотя бы этические рели-

гии, сегодня и они малопочитаемы. А научная парадигма дарвинизма вместо того, чтобы просвещать людей о том, что есть психика (психическая энергия), что есть добро и зло, и как защитить себя от поля Эгосистемы в своем собственном сознании, и в других людях, напротив, оказывается только повязкой на глазах, делающих Наивных людей еще более наивными. Они в конечном итоге ничего не знают о поле Эгосистемы, и о том, что такое Энергия Зла ни на ОПЫТЕ, ни в ТЕОРИИ. Они остаются Наивными людьми со здоровым дышащим полем разума, совести и сочувствия. Идеальные жертвы для охотников Энергии Садомазохизма.

И вот сложилась такая ситуация, что в человеческом вроде бы обществе сосуществуют люди, энергия которых совершенно различна, хотя и те и другие носят название людей. Первые, Наивные — люди Святой Ткани Любви-Дружбы, родные дети Господа в своем живом и дышащем поле интеллекта и совести, через которое Господь говорит к каждому человеку. Эти люди знают на опыте своей энергии, что есть истина, и прогресс знания, и прогресс гуманизма, и демократии и просвещения. И они искренне верят, что все плохое и злое и страшное из книг по истории осталось в темных варварских временах. А сейчас преступников — только малая часть и это временная ситуация, которую прогресс науки и гуманизма очень скоро тоже решит. Ибо сейчас везде, — и по крайней мере, совершенно точно в правительствах цивилизованных стран, в международных институтах — люди гуманизма, демократии, просвещения и этики. Потому что иначе не может быть, говорит им их живое поле интеллекта и совести.

И есть другие люди, те, который согласно формуле злодеев Солженицына — насильничали и издевались над людьми и не заметили, как перешли порог, и их поле интеллекта и совести умерло. Те, кто пережил самих себя, те, кто потерял свою душу, свое Я согласно формуле Кьеркегора. Это совсем другие люди. Они уже не знают что такое совесть, и не только не переживают по этому поводу, но подобно «палачам» из Записок

Достоевского, и подобно Сверхчеловеку Ницше — они гордятся, что не знают ни что такое сострадание, ни что такое совесть и справедливость. Они перестали быть людьми, перестали быть детьми Господа, когда пошли на преступления против совести, и когда умертвили свою совесть настолько, что она больше не возражает против этих преступлений. И вот они Сверхчеловеки Насилия, которое «по ту сторону добра и зла», по ту сторону живых людей, превратились в Человекохищников, как говорит св. Павел, и как открыто пишут Ницше, Сад, дарвинисты, которые делят людей на хищников и ягнят. Они ходят среди живых людей в масках людей, но они более уже не люди, иначе они не смогли бы охотиться на людей.

Они все еще презирают простоту Наивных людей, ведь они считают ее «слабостью и глупостью ягнят», специально созданных, чтобы стать жертвами их насилия. Да, история показала, что Наивные люди могут долго терпеть издевательства людоедов-хищников, но однажды они поднимаются как страшное Цунами, как толчки всемирного землетрясения, и стирают с лица земли всех, кто так долго мучил их простоту, невинность, доверие, дружелюбие. Так, они стерли с лица земли знаменитых Злодеев Римской истории: Тиберий, Нерон, Калигула, Каракала, Коммод, Гелиогабал и еще многие другие Чудовища Мертвой Совести, пожиратели людей, были убиты теми Наивными, что долго терпели их преступления. Так Реформация расправилась с Чудовищами — Папами эпохи Ренессанса, типичными образцами которых были Александр и Чезаре Борджа. Так, демократические революции уничтожили Злодеев Монархов в Европе и в России — вот ярчайшие примеры Устойчивой Верхней Эгозащиты циклического гомеостаза (Сатан-Эго), тех Злодеев, что мучили Наивных людей и поплатились за это. Наконец, Солженицын рассказал о таких Злодеях у руля советской страны, а Гитлер умудрился поднять против себя весь мир. И вот все Сверхчеловеки Насилия «по ту сторону добра и зла» рухнули на своих глиняных ногах нищей и слабой материальной энергии. Да, это все было ТОГДА, тогда эти маленькие

и глупенькие Наивные люди смогли выступить против Сверхчеловеков Насилия и уничтожить их.

Но, рассуждают Злодеи 20-го века, это ведь было тогда, а сейчас совсем другое дело. Чехов говорил, что рабство тоже развивается параллельно развитию гуманизму — становится более лицемерным, более скрытным, так что вместо слова раб, теперь есть слова рабочий и тп. Действительно, теперь Злодеи набрались опыта и учатся на ошибках своих предшественников. Они уже не откровенные злодеи как Калигула, Нерон и Гитлер. Нет, они все одели маски людей эпохи гуманизма, просвещения и демократии. Но они по прежнему глубоко презирают чистоту и простоту людей Наивных, которых опять уверено и в большом числе пожирают. Они ставят им в укор их неспособность понять агрессию Человекохищников и защититься от нее: им внушает отвращение открытость их сердец и их Наивное дружелюбие ко всем людям. Это глупые люди, говорят себе Злодеи, иначе они умели бы защищаться, и не ходили бы с открытым и доверчивым сердцем.

Злодеям очень хочется убедить себя, что Добрые люди — это Глупые и Слабые люди, потому что они невольно чувствуют комплекс неполноценности в отношении добродетели. Ведь так или иначе, а им приходится носить Маски добродетели, им приходится притворяться культурными людьми, людьми совести и сочувствия, людьми понимающими что значат слова цивилизация, права человека, гуманизм. И значит, в этом они уже побеждены Наивными, ведь Наивными не носят Маски, не скрываются, а Злодеи вынуждены скрывать свою истинную сущность с тех пор как откровенное людоедство Неронов и Гитлеров было с такой ненавистью уничтожено и предано проклятию человечеством. И вот, они ненавидят Наивных за то, что они добродетельны и за то, что они считают, что Добродетель победила Злодеев. И это возбуждает в них комплекс неполноценности и потребность доказать себе снова и снова, что Добродетель есть Глупость и Слабость, и что поэтому правы они, Злодеи, которые охотятся на нее и пожирают ее, а не те Наивные.

Фромм «Анатомия деструктивности»:

> «Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя „положительные стимулы“ продолжают свое действие. Почему положительное „стимулирование“ не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении?»

Ницше, который попытался хотя бы только мысленно уничтожать невинных людей «и при этом не погибнуть», все же погиб — он тоже сошел с ума, как те мучители людей, о которых упоминает Фромм.

2. ЖАЖДА ПРЕЗИРАТЬ: ВОЙНА ОБЪЯВЛЕННАЯ ПОРОКОМ ДОБРОДЕТЕЛИ

Мережковский хорошо пишет об этом чувстве неполноценности в романе «14 декабря. Царство Зверя», где он рассказывает о Николае Первом и его «Жажде презирать», которая его страшно мучила, пока он наконец не насмеялся над доверчивостью и искренностью живой совести декабристов. Тогда, обманув их доверие, он приказал их повесить, удовлетворив наконец свою «Жажду презирать». Вот они добродетельные и отважные, но ведь он Николай умнее и сильнее них, раз он сумел обмануть их своим напускным дружелюбием и заставить выдать всю информацию! Вот так вот, Злодеи всегда побеждают Добрых и Благородных, а значит в конечном итоге правда на стороне Злодеев. В таком же русле рассуждает и маркиз де Сад в «Жюстине. Злоключениях Добродетели». «Преступление всегда интересуется Добродетелью», говорит Сад. А это значит, что он ставит себе задачу доказать себе ничтожность Добра против которого он выступил тем, чтобы раздавить и уничтожить добродетельных людей. Если они побеждены, значит они не правы. Право силы, победителей не судят. «Добродетель вышла из этой истории такой истерзанной, такой униженной, какой ей и надлежит быть вся-

кий раз, когда она осмеливается сразиться против порока с открытым забралом». В этой связи Ренан пишет в «Антихристе», что Нерон очень был доволен каждый раз, когда ему удавалось кого то развратить, чтобы доказать себе, что все такие же свиньи как он. Вот эта философия «Жажды презирать» у Злодеев, которые не могут не чувствовать свою неправоту, если остаются людьми подполья, если носят маски цивилизованных людей, и вынуждены нападать из засады. Прошли те времена, когда Нерон привязывал девушек и юношей к столбам прямо в цирке и насиловал их на глазах у всех. Теперь надо доказать Наивным, что они неправы.

И вот они наносят Удар в Самое Сердце Божественного — по Наивным людям, по ягнятам, по жертвам предназначенным для Человекохищникам своей доверчивостью. Это все равно что заманивать игрушками малых детей и жестоко их истязать. Да они и не смущаются истязать детей. Р. Грин в «48 законах власти» так формулирует общую для всех Злодеев ненависть к Наивным здоровым людям: «Принесите в жертву самого невинного. Держите руки чистыми». И добавляет в качестве «эстетического образа» образ «жертвенного ягненка». Действительно, пожиратели детей и ягнят.

Р. Грин «48 законов Власти»:

> «Закон 26
>
> Держи руки чистыми
>
> Часто на роль жертвы для заклания выбирают именно самого невинного. Такой человек недостаточно влиятелен, для того чтобы сопротивляться, а его наивные протесты можно трактовать как доказательство вины. Но следует соблюдать осторожность и чувство меры, чтобы не создать образ мученика. Важно, чтобы не он, а вы выглядели жертвой, несчастным властителем, которого подвели и даже предали негодные приближенные. Если ваш козел отпущения выглядит слишком слабым, а наказание непомерно жестоким, вы можете пасть жертвой собственной комбинации. Иногда необходимо подобрать на эту роль кого-то посильнее — того, кто, в конце концов, вызовет меньше симпатий.
>
> Вам как лидеру ни в коем случае нельзя замарать руки нечистыми или кровавыми делами, ваша репутация должна оставаться незапят-

> нанной. В то же время власть не может выжить без постоянного подавления людей — всегда будет потребность в разных грязных делишках, необходимых для того, чтобы удержаться на троне.
> **Образ:** Невинный ягненок. В день принесения искупительной жертвы верховный жрец приносит ягненка в храм, возлагает руки на его голову и исповедуется в грехах всего народа, перенося вину на безвинное животное, которое затем препровождают в дикую местность и бросают, а с ним исчезают грехи и вина народа».

Ф. Достоевский «Записки из Мертвого Дома»

> «Этот Газин был ужасное существо. Он производил на всех страшное, мучительное впечатление. Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его. Я видел в Тобольске знаменитого своими злодеяниями разбойника Каменева; видел потом Соколова, подсудимого арестанта, из беглых солдат, страшного убийцу. Но ни один из них не производил на меня такого отвратительного впечатления, как Газин. Мне иногда представлялось, что я вижу перед собой огромного, исполинского паука, с человека величиною. Рассказывали тоже про него, что он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия: заведет ребенка куда-нибудь в удобное место; сначала напугает его, измучает и, уже вполне насладившись ужасом и трепетом бедной маленькой жертвы, зарежет ее тихо, медленно, с наслаждением».

Вот в точности также пытают Злодеи свои Наивные жертвы, медленно и с наслаждением, ибо все человеческое в них умерло. Солженицын подчеркивает, что чекисты делали ставку на моральные пытки, на угрозы арестовать родных или же заставляли слушать их крики в соседнем кабинете. В этом отношении он замечает о «Николае Первом»: «Николай I не имел зверства арестовать декабристских жён, заставить их кричать в соседнем кабинете или самих декабристов подвергнуть пыткам — но он не имел на то и надобности». Однако, Мережковский подчеркивает, что и Николай своей Жаждой Презирать Наивных, Честных, Благородных — поступил также как Газин Достоевского, обманув самые чистые чувства Рылеева, представившись, «братом и Отцом», «республиканцем», а затем, когда Рылеев расплакался и назвал все имена — казнил всех безжалостно. Более того, насмеялся и почувствовал, что «утолил жажду презирать». Мереж-

ковский так передает мысли Рылеева перед казнью: «Вспомнил злобу свою на государя: «Обманул, оподлил, развратил, измучил, надругался — и вот теперь убивает».

Д. Мережковский «14 декабря. Царство Зверя»:

> « — Недурно, — усмехнулся Николай своею всегдашнею, как сквозь зубную боль, кривою усмешкою, а губы оставались надутыми, как у поставленного в угол мальчика.
> Бенкендорф знал, чего государю нужно; знал, что он боится, ненавидит, а хочет презирать; неутолимо жаждет презрения. «Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем». Анекдот о конституции и был концом перста омоченного — прохлаждающим, но не утоляющим.
> ....
> Рылеев хотел встать. Но государь удержал его за руку.
> Кровь, кровь, весь в крови — не смыть, не искупить ничем! Ведь я же не зверь, не изверг, — я человек, Рылеев, я тоже отец. У тебя Настенька, у меня — Сашка. Царь — отец, народ — дитя. В дитя свое нож, — в Сашку! в Сашку! в Сашку!
> Закрыл лицо руками. Долго не отнимал их; наконец, отнял и опять положил их на плечи его, заглянул в глаза с улыбкою, как будто молящею.
> — Видишь, я с тобой, как друг, как брат. Будь же и ты мне братом. Пожалей, помоги!
> Помолчал, посмотрел на него и вдруг схватился за голову.
> — Что ж это было? Что ж это было? Господи! Зачем? Своего не узнали? Всех обманул — и вас. На друга своего восстали, на сообщника. Пришли бы прямо, сказали бы: вот чего мы хотим. А теперь... Послушай, Рылеев, может и теперь еще не поздно? Вместе согрешили, вместе и покаемся. Бабушка моя говаривала: «Я не люблю самодержавия, я в душе республиканка, но не родился тот портной, который скроил бы кафтан для России». Будем же вместе кроить. Вы — лучшие люди в России: я без вас ничего не могу. Заключим союз, вступим в новый заговор. Самодержавная власть — сила великая. Возьмите же ее у меня. Зачем вам революция? Я сам — революция!
> Как скользящий в пропасть еще цепляется, но уже знает, что сорвется и полетит, так Рылеев еще ужасался, но уже радовался.
> Протянул руку. Рылеев взял ее, хотел что-то сказать и не мог: горло сжала судорога. Слезы поднимались, поднимались и вдруг хлынули. Сорвался — полетел, поверил.

— Как я… Что я сделал! Что я сделал! Как мы все… нет, я, я один… Всех погубил! Пусть же на мне все и кончится! Сейчас же, сейчас же, тут же на месте, казните, убейте меня! А тех, невинных, помилуйте…
— Всех, всех, и тебя и всех! Да и миловать нечего: ведь, я ж тебе говорю — вместе! — сказал государь, обнял его и заплакал, или так показалось Рылееву.
— Плачете? Над кем? Над убийцею? — воскликнул Рылеев и упал на колени; слезы текли все неутолимее, все сладостней; говорил, как в бреду; похож был на пьяного или безумного. — Именины Настенькины вспомнили! Знали, чем растерзать! Вот вы какой! Чувствую биение ангельского сердца вашего! Ваш, ваш навсегда! Но что я — пятьдесят миллионов ждут вашей благости. Можно ли думать, чтобы государь, оказывающий милости убийцам своим, не захотел любви народной и блага отечеству? Отец! Отец! Мы все, как дети, на руках твоих! Я в Бога не веровал, а вот оно, чудо Божье — Помазанник Божий! Родимый царь батюшка, красное солнышко…
— Ну, говори, говори все, не бойся — всех называй. Надо всех спасти, чтобы не погибли новые жертвы напрасные. Скажешь?
— Скажу. Зачем сыну скрывать от отца? Я мог быть вашим врагом, но подлецом быть не могу. Верю! Верю! Сейчас еще не верил, а теперь… видит Бог, верю! Все скажу! Спрашивайте!
Он стоял на коленях. Государь наклонился к нему, и они зашептались, как духовник с кающимся, как любовник с любовницей.
Рылеев все выдавал, всех называл — имя за именем, тайну за тайною. Вдруг посмотрел на него и покачал головой с грустною улыбкою.
— И как вы могли?.. Что я вам сделал? — отвернулся, всхлипнул уже почти непритворно, над самим собой сжалился: «Pauvre diable», «бедный малый», «бедный Никс».
— Простите, простите, ваше величество! — припал к его ногам Рылеев и застонал, как насмерть раненный. — Нет, не прощайте! Казните! Убейте! Не могу я этого вынести!
— Бог простит. Ну, полно же, полно, — обнимал, целовал его государь, гладил рукой по голове, вытирал слезы то ему, то себе общим платком. — Ну, с Богом, до завтра. Спи спокойно. Помолись за меня, а я — за тебя. Дай, перекрещу. Вот так. Христос с тобой!
Помог ему встать и, подойдя к двери во флигель-адъютантскую, крикнул:
— Левашев, проводи!
— Платок, ваше величество, — подал ему Рылеев.
— Оставь себе на память, — сказал государь и поднял глаза к небу. — Видит Бог, я хотел бы утереть сим платком слезы не только тебе, но и всем угнетенным, скорбящим и плачущим!

> Уходя, Рылеев не заметил, как из-за тяжелых складок той занавеси, которая шевелилась давеча, появился Бенкендорф.
> — Записал? — спросил государь.
> — Кое-чего не расслышал. Ну, да теперь кончено, — все имена, все нити заговора. Поздравляю, ваше величество!
> — Не с чем, мой друг. Вот до чего довели, сыщиком сделался!
> — Не сыщиком, а исповедником. В сердцах читать изволите. Как у Апостола о слове Божьем сказано: «острее меча обоюдоострого, проникает до разделения души и духа, составов и мозгов...»
> — А платочек-то, платочек на память! — всхлипнул Бенкендорф и поцеловал государя в плечо. Тот взглянул на него молча и не выдержал — рассмеялся тихим смехом торжествующим. Чувствовал, что одержал победу большую, чем на площади Четырнадцатого.
> Все еще боялся и ненавидел, не утолил жажды презрения, но уже надеялся, что утолит.
> Рылеев, когда вышел от него отец Петр, исповедав и причастив его, вынул часы и посмотрел: девятнадцать минут первого. Знал, что придут за ним в три. Осталось два часа сорок одна минута.
> Страх не колол, а злоба? Вспомнил злобу свою на государя: «Обманул, оподлил, развратил, измучил, надругался — и вот теперь убивает». Но и злобы не было. Понял, что сердиться на него все равно, что бить кулаком по стене, о которую ушибся.
> А стыд? Бывало, раскаленным железом жег стыд, когда вспоминал, как на очной ставке Каховский ударил его по лицу и закричал: «Подлец!» Но теперь и стыд не жег: потух, как раскаленное железо в воде. Пусть не узнает Каховский, пусть никто никогда не узнает, что он, Рылеев, не подлец, — довольно с него и того, что он сам это знает».

3. ВАШ ОТЕЦ ДИАВОЛ — ОТЕЦ ЛЖИ, ЧЕЛОВЕКОУБИЙЦА ОТ НАЧАЛА

Однако, всего один шаг отделяет Злодеев от полной капитуляции перед Наивными: достаточно только той темной повязке ложной научной парадигмы упасть с глаз людей и они прозреют. Они поймут, что разговаривают масками когда-то живых людей, и эти макси, скрывающие хищников перестанут быть опасными для них. Свою Силу Дьявол-Сверхчеловек видит в том, что умертвил свою совесть и теперь может легко обманывать то божественное, что есть в живой энергии разу-

ма: его Святую Любовь-Дружбу, его доверчивость всем людям, его готовность верить человеку. Смотреть в глаза невинности и считать Своей силой чистоту и невинность живого поля Совести. Между тем, Святость Любви-Дружбы — это дар отцовской любви Господа человечеству. Ведь столько циклических материальных энергий — нищих и болезненных, — и только человек обладатель такого космического богатства: красоты, комфорта, тонкости, глубины, единства, равновесия, роста, развития, великой мощи чувств, разума, силы. И это и есть редкостное наслаждение просто потоком чувств у здоровых людей, той громадной любви к миру и к людям, что есть великий дар человечеству — Святая Любовь-Дружба. И разве Отец наш Небесный не всегда с нами в этом потоке глубокой любви к миру, к знанию, к людям, в этой живой совести, в этом долге и ответственности перед Господом, что мы всегда ощущаем в ней? Да, поле интеллекта — это божественная энергия, и она не может быть иной, ведь Господь и есть Интеллект! Да, сам Господь наш говорит нам через нашу совесть сострадание и справедливость, потому что он дал нам не только наслаждение богатством духовной энергии, но и великую значимость относительной свободы воли, доступа к силе энергий, к управлению энергиями космоса. Да, мы в большой ответственности перед Господом и мы чувствуем это пока наше поле интеллекта и совести живо. Отец наш Небесный любит человечество и мы чувствуем это в том комфорте тепла и дружбы, юмора и восхищения красотой друг друга, которое есть Святая Любовь-Дружба.

Однако те Злодеи, что выбрали Садомазохизм «по ту сторону добра и зла» и приходят к святилищу церкви Дружбы Наивных людей, презирают их именно за этот дар чистой любви. Их Отец Диавол — Отец Лжи — учит их надевать маски и втираться в доверие к невинности. И вот они уже ограбили одних, отняли достижения других, продали в проституцию третьих, убили четвертых, сломали жизнь пятым. Где то стравили самых родных и близких, где то довели до самоубийства честного человека, за-

пятнав его чуткую совесть, где то похитили ребенка у матери, где то заставили драться отца и сына. И все у них хорошо: они стали богаты, они стали начальниками, и они же свалили все свои преступления на свои жертвы. Везде победили, а все таки «чего-то не достает»! Ведь они приобрели мир и потеряли самих себя! Ведь тепрь они Злодеи с мертвой совестью, которые ничтожнее на своей нищей материальной энергии самого простого Наивного, у которого все еще остается сила Бога, сила духовной энергии. Но у Злодеев ее уже нет, они умерли вместе со своей совестью. Но они этого не знают, они только чувствуют, что побеждать то они побеждают, но им все мало, все хуже, и надо еще и еще злодейств, преступлений, разврата, потому что циклический гомеостаз садомазохизма есть только круговорот неизбывного страха, зависти, и ненависти.

И вот он Диавол, Отец Лжи, человекоубийца во всей мощи своего Злодейства стоит перед нами. Он Лжет. Он хорошо Лжет. Он — Отец Лжи, и только это дает ему силу в век, когда цивилизация уже почти победила варварство физического контроля. Уже даже времена ГУЛАГов открытого зла, описанные Солженицыным отошли в историю. Уже современные Злодеи не решаться открыто создавать ГУЛАГи и Концлагеря, на которых погорели Сталин и Гитлер. Даже в бытность еще Солженицына предпочитали как он говорил «легкие методы».

Они лгали при монархии, когда утверждали «самодержавие — православие-народность», и как хорошо Толстой рассказал об этой лжи на Святой Дух Евангелия в Исследовании догматического Богословия, и в «Царствии Божьем внутри вас». Они лгали при чекистах — и об этой лжи рассказал Солженицын в «Архипелаге». И они продолжают лгать при Путине, и об этом я рассказала в «Антихристе Путине. Откровение Русской Классической Литературы». О том, как его службы, сочиняя «теократию» под заказы своего Сверхчеловека-Диавола, изолгались в «ПРоисхождени Суверенитета» Грачева до такой степени, что называют христианской теократией язычество дохристианской эпохи, а также цитаты о Сверхчеловеке Ницше как Вожде путин-

ского государства с абсолютным национальным суверенитетом. Там и Гитлера приводят в качестве авторитета власти и его юристу К, Шмитту нашлось много места для авторитетного цитирования. Вот такая христианская теократия, без единой цитаты из Евангелия, у режима Сверхчеловека Путина.

Л. Толстой, «Исследование догматического богословия»:

> «На вопрос, как мне жить, ответ этого учения тоже прямо отрицает всё то, чего требует мое нравственное чувство, и требует того, что мне всегда представлялось самым безнравственным, — лицемерия. Помню, когда я, еще не сомневаясь в учении церкви, читал в Евангелии слова: „хула на сына человеческого простится вам, но хула на св. духа не простится ни в этом веке, ни в будущем", — я никак не мог понять этих слов. Теперь же они, эти слова, мне слишком, ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Л. Толстой «Царство Божье внутри вас»:

> «Правительства и правящие классы опираются теперь не на право, даже не на подобие справедливости, а на такую, с помощью усовершенствований науки, искусную организацию, при которой все люди захвачены в круг насилия, из которого нет никакой возможности вырваться. Круг этот составляется теперь из четырех средств воздействия на людей. Средства эти все связаны между собою и поддерживаются одно другим, как звенья кольцом соединенной цепи.
> Первое, самое старое средство есть средство устрашения. Средство это состоит в том, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было — свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чем-то священным и неизменным и потому казнить самыми жестокими казнями все попытки изменения его. Средство это как употреблялось прежде, так употребляется и теперь неизменно везде, где есть правительства: в России против так называемых нигилистов, в Америке против анархистов, во Франции против империалистов, монархистов, коммунаров и анархистов. Железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии и усовершенствованный способ без убийства удаления людей навеки в одиночные заключения, где они, скрытые от людей, гибнут и забываются, и многие другие новейшие изобретения, которыми преимущественно перед другими пользуются правительства, дают им такую силу, что, если только раз власть попала в известные руки и полиция, яв-

> ная и тайная, и администрация, и всякого рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работают, нет никакой возможности свергнуть правительство, как бы оно ни было безумно и жестоко.
> Второе средство есть средство подкупа. Оно состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, распределять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и усиливать порабощение народа.
> Подкупленные чиновники эти от высших министров до низших писцов, составляя одну неразрывную сеть людей, связанных одним и тем же интересом кормления себя трудами народа, тем более обогащаемые, чем покорнее они исполняют волю правительств, всегда и везде, не останавливаясь ни перед какими средствами, во всех отраслях деятельностей отстаивают словом и делом правительственное насилие, на котором и основано их благосостояние.
> Третье средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организована самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Четвертое средство состоит в том, чтобы посредством трех предшествующих средств выделять из всех таким образом закованных и одуренных людей еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным, усиленным способам одурения и озверения, сделать из них безвольные орудия всех тех жестокостей и зверств, которые понадобятся правительству»

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Ложь. Лгать нельзя нам, ягнятам, а следователь лжёт
> всё время, и к нему эти все статьи не относятся. Мы даже

> потеряли мерку спросить: а что ему за ложь? Он сколько угодно может класть перед нами протоколы с подделанными подписями наших родных и друзей — и это только изящный следовательский приём.
> Запугивание с заманиванием и ложью — основной приём воздействия на родственников арестованного, вызванных для свидетельских показаний. «Если вы не дадите таких (какие требуются) показаний, ему будет хуже... Вы его совсем погубите... (каково это слышать матери?). Только подписанием этой (подсунутой) бумаги вы можете его спасти» (погубить)»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «В сознании людей традиционного общества государство и государственная
> власть имеют происхождение мистически-религи-
> озное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя. Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической
> сцене выглядит как некий скачок, революционный
> взрыв в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность
> и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жизненного символа народной жизни.
> Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры,
> «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — *Г. Н.)*...
> сверхчеловек — смысл земли»2.
> 2 *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / / Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.:
> Мысль, 1990. С. 8.
> сячеликих героев», а позднее «королеи-чудотворцев» можно наити в политической мифологии любого народа».

Грин подчеркивает, что для Отца Лжи — Диавола — нет содержания, нет разумной цели, нет совести или справедливости, нет правды и неправды. А есть только количество силового

давления — физический контроль поля Эгосистемы: бесформенность власти, которая одевает любую маску «содержания» — монархии или демократии, доброты или святости — чтобы удержать только одно, что их интересует: количество давления на людей. О том же пишет Оруэлл в «1984: их интересует власть ради власти, никаких идей, никакого смысла — по ту сторону истины, добра и зла, только физический контроль поля Эгосистемы.

Р. Грин «48 законов власти»:

> «Закон 48. ОБРЕТИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ФОРМЫ
> Так что приходится применять тонкое искусство — быть благонамеренным, но хитрым, демократичным и — неискренним
> Сегодня мы сталкиваемся с очень похожим парадоксом: всё должно быть цивилизованным, приличным, демократичным и честным — на вид. Но если мы играем, слишком уж точно придерживаясь этих правил, понимаем их слишком буквально, нас сомнут противники, если только они не такие же простаки. Как писал великий дипломат и придворный эпохи Возрождения Никколо Макиавелли: «Всякий, кто старается все время быть хорошим, неизбежно в конце концов окажется погребенным среди огромного множества тех, кто нехорош». Ни в коем случае не забывайте, что текучесть форм — это стратегическая позиция. Она дает вам пространство для создания тактических сюрпризов. Пока ваши противники бьются, пытаясь разгадать ваш следующий ход, они неизбежно выдают собственные замыслы, что ставит их в невыгодное положение. Текучесть форм помогает вам удерживать инициативу, опережать неприятеля, которому остается только запоздало реагировать на ваши действия. Она путает планы врага, тормозит и срывает действия его разведывательной и шпионской сети. Помните: постоянное изменение формы — это инструмент. Не смешивайте ее с желанием плыть в общем потоке, применяясь к вкусам большинства, или с религиозной покорностью перипетиям судьбы. Вы пользуетесь этим инструментом не для достижения внутренней гармонии и мира в душе, а для усиления своей власти. Власть процветает, пока может гибко менять формы. Быть лишенным определенной формы не означает быть аморфным, бесформенным — формой обладает все, этого невозможно избежать. Отсутствие у власти определенной формы означает, что она, подобно воде или ртути, может принимать очертания всего, что ее окружает. Постоянно изменяясь, она всегда остается непредсказуемой».

Д. Оруэлл, «1984»:

> « — Раньше всего вам следует усвоить, что в этом месте не бывает мучеников. Вы читали о религиозных преследованиях прошлого? В средние века существовала инквизиция. Она оказалась несостоятельной. Она стремилась выкорчевать ереси, а в результате их увековечила. За каждым еретиком, сожженным на костре, вставали тысячи новых. Почему? Потому что инквизиция убивала врагов открыто, убивала нераскаявшихся; в сущности, потому и убивала, что они не раскаялись. Люди умирали за то, что не хотели отказаться от своих убеждений. Естественно, вся слава доставалась жертве, а позор — инквизитору, палачу. Позже, в двадцатом веке, были так называемые тоталитарные режимы. Были германские нацисты и русские коммунисты. Русские преследовали ересь безжалостнее, чем инквизиция. И они думали, что извлекли урок из ошибок прошлого; во всяком случае, они поняли, что мучеников создавать не надо. Прежде чем вывести жертву на открытый процесс, они стремились лишить ее достоинства. Арестованных изматывали пытками и одиночеством и превращали в жалких, раболепных людишек, которые признавались во всем, что им вкладывали в уста, обливали себя грязью, сваливали вину друг на друга, хныкали и просили пощады. И, однако, всего через несколько лет произошло то же самое. Казненные стали мучениками, ничтожество их забылось. Опять-таки — почему? Прежде всего потому, что их признания были явно вырваны силой и лживы. Мы таких ошибок не делаем. Все признания, которые здесь произносятся, — правда. Правдой их делаем мы. А самое главное, мы не допускаем, чтобы мертвые восставали против нас. Не воображайте, Уинстон, что будущее за вас отомстит. Будущее о вас никогда не услышит. Вас выдернут из потока истории. Мы превратим вас в газ и выпустим в стратосферу. От вас ничего не останется: ни имени в списках, ни памяти в разуме живых людей. Вас сотрут и в прошлом и в будущем. Будет так, как если бы вы никогда не жили на свете».

4. ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО: ОСКВЕРНИТЕЛИ СВЯТЫНЬ И КОЩУННИКИ

Самое страшное что меня потрясло до самых основ моего существа — это не острая боль 44 дней реанимации и не страшные пытки 10 лет в коляске, гнойных хирургий и беспомощности. Меня убивало Кощунство, Святотатство этих

Диаволов — Отцов Лжи, которые играючи, с громким нахальным хохотом, топтали и пытали Святую Ткань Любви Дружбы. Они, как те чекисты у Солженицына, что привозили Иконы специально чтобы делать из них мишени, специально выбирали святую Любовь Дружбу Наивных людей, чтобы извращаться на ней всеми живодерствами, которые могли изобрести для живой совести и сочувствия здоровых людей. Вот этот ад постоянного психологического давления, когда живого человека уничтожали в абсурд, в пустое место просто доводя его каждый день до панического состояния, когда он уже не может ни думать ни работать, и считает что день прошел хорошо, если все остались живы и целы. Но как же они останутся целы в таком психологическом режиме? В ГУЛАГе делали с людьми то же самое, но там хотя бы было видно, что люди репрессированы. Здесь никто и не поймет, что с вами случилось и почему вся ваша жизнь пошла под откос, а вас подвергли таким страшным пыткам, угрожая вашим больным родителям или малым детям каждый день так, что доказать ничего было невозможно. И вы же еще и сумасшедший. Вот это как? И всякий раз они бьют туда где самые чистые и невинные чувства, где дети и родители, где братья и сестры, чтобы смыть церковь дружбы «в кал и прах», чтобы разбить сердце матерям, чтобы рассорить братьев и сестер, чтобы убить у других людей живую еще совесть.

И я хочу обобщить ту правду которую еще высказал столь красноречиво Шекспир в 66 сонете, и которая в наши дни приобрела размеры столь угрожающие — обобщить эту правду в Век Дьявола как настоящую метафизическую катастрофу. Энергия Добра стала повсеместно жертвой Злодеев, все чистое, невинное, все дышащее и живое поля совести, все божеское и духовное «смывается в кал и прах», именно так, лучше не скажешь. За «слабость» считают доверчивость невинность, и за справедливость наказание доверчивости самыми низкими преступлениями. А между тем, «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, лучше бы ему жернов на шею..» — а меж-

ду тем, они топчут и пытают поле божественного, они плюют в лицо Создателю, они ругаются над Святым Духом. А ведь сказано: Кто скажет на имя мое тому простится, но кто скажет на Духа Святого, тому не простится не в этой ни в вечной жизни...». Это именно оно есть — надругательством над Святым Духом всего божественного, всего чистого и невинного, всего живого и божеского в человеке, когда не только бьют в дребезги саму личность человека, но еще постоянно пытают его божеские чувства к родным и близким. Святотатство! Кощунство! Хула на Духа Святого! Нелюди! Мерзость перед Господом! Осквернители святынь, вандалы и дегенераты!

Теперь Ложь Вождей Демократии: у нас нет насилия, нет концлагерей, у нас Верховенство Закона и Права Человека! А в это время все телефоны прослушиваются, и люди которых надо истребить подвергаются изощренейшим психологическим пыткам агентами спецслужб. Никакого закона, Никакого Суда, Никакого Следствия и Никаких вообще Государственных Институтов. Только Злодеи из Спецслужб, которые делают что хотят, имитируя гражданских или хулиганов и обычных бандитов (сами они бандиты необычные, можно было бы сказать государственные, но государство тоже они уже разрушили). Они могут сделать что угодно с обычными гражданами, начиная от просто регулярного запугивания, когда жертва даже не может доказать что находится под постоянным давлением, и заканчивая любыми действиями прямого насилия, а потом свалить все на преступность. Это и есть преступность, конечно, но когда преступление санкционируется государством это уже как называется? Вожди Злодеи, Сверхчеловеки-Дьяволы в Масках Демократии.

А ведь зачем концлагеря в самом деле, так легко создать настоящий ад «легкими средствами» так, что никто не обвинит государство в репрессиях, а напротив можно обвинить жертву в паранойе и списать в конце в сумасшедший дом: подослать людей, которые создадут постоянное давление, взглядами, слежками давая понять что они здесь по вашу душу. Сделают именно так чтобы вы их заметили, и чтобы вы заметили что они

постоянно здесь по вашу душу. Набирать анонимными номерами на ваш телефон, преследовать вас в интернете говорящими картинками, и повсюду создавать угрозу и вам, и вашим близким. Давать вам понять что в опасности все кого вы любите, и вы сами, и ваши дети, и ваша больная мать. И держать вас в таком стрессе годами. Что от вас останется? Что останется от ваших близких? Это «легкие» методы замечательно эффективные, Солженицын прав, тут не требуется даже ГУЛАГ, чтобы «смыть личность в кал и прах». Правда, мне все таки добавили и «тяжелых методов»: мне сломали спину на четырех уровнях и я десять лет в гное и экскрементах в коляске. Но «легкие» методы давления ни на минуту не ослабевали!

А. Солженицын «Архипелаг»:

> «Впрочем, зачем пытки: в 1937 там не было дезинфекций, тиф, трупы в людской тесноте лежали по пять дней, кто в камерах сходил с ума — тех в коридоре добивали палками. Общее было всё же то, что преимущество отдавалось средствам, так сказать, лёгким (мы сейчас их увидим), и это был путь безошибочный. Ведь истинные пределы человеческого равновесия очень узки, и совсем не нужна дыба или жаровня, чтобы среднего человека сделать невменяемым».
> Начнём с методов психических. Для кроликов, никогда не уготовлявших себя к тюремным страданиям, — это методы огромной и даже разрушительной силы. Да будь хоть ты и убеждён, так тоже не легко.
> 1. Начнём с самих ночей. Почему это ночью происходит всё главное обламывание душ? Почему это с ранних своих лет Органы выбрали ночь? Потому что ночью, вырванный изо сна (даже ещё не истязаемый бессонницей), арестант не может быть уравновешен и трезв по–дневному, он податливей.
> 2. Убеждение в искреннем тоне. Самое простое. Зачем игра в кошки–мышки?
> 3. Грубая брань. Нехитрый приём, но на людей воспитанных, изнеженных, тонкого устройства, может действовать отлично. Мне известны два случая со священниками, когда они уступали простой брани. У одного из них (Бутырки, 1944) следствие вела женщина. Сперва он в камере не мог нахвалиться, какая она вежливая. Но однажды пришёл удручённый и долго не соглашался повторить, как изощрённо она стала загибать, заложив колено за колено. (Жалею, что не могу привести здесь одну её фразочку.)

4. Удар психологическим контрастом. Внезапные переходы: целый допрос или часть его быть крайне любезным, называть по имени–отчеству, обещать все блага. Потом вдруг размахнуться пресс–папье: «У, гадина! Девять грамм в затылок!» — и, вытянув руки, как для того, чтобы вцепиться в волосы, будто ногти ещё иголками кончаются, надвигаться (против женщин приём этот очень хорош).
В виде варианта: меняются два следователя, один рвёт и терзает, другой симпатичен, почти задушевен. Подследственный, входя в кабинет, каждый раз дрожит — какого увидит? По контрасту хочется второму всё подписать и признать, даже чего не было.
5. Унижение предварительное. В знаменитых подвалах Ростовского ГПУ («Тридцать третьего номера») под толстыми стёклами уличного тротуара (бывшее складское помещение) заключённых в ожидании допроса клали на несколько часов ничком в общем коридоре на пол с запретом приподнимать голову, издавать звуки. Они лежали так, как молящиеся ма гометане, пока выводной не трогал их за плечо и не вёл на допрос.
9. Игра на привязанности к близким — прекрасно работает и с подследственным. Это даже самое действенное из запугиваний, на привязанности к близким можно сломить бесстрашного человека (о, как это провидено: «враги человеку домашние его»!). Помните того татарина, который всё выдержал — и свои муки, и женины, а муки дочерний не выдержал?.. В 1930 следовательница Рималис угрожала так: «Арестуем вашу дочь и посадим в камеру с сифилитичками!»
Угрожают посадить всех, кого вы любите. Иногда со звуковым сопровождением: твоя жена уже посажена, но дальнейшая её судьба зависит от твоей искренности. Вот её
допрашивают в соседней комнате, слушай! И действительно, за стеной женский плач и визг (а ведь они все похожи друг на друга, да ещё через стену, да и ты–то взвинчен, ты же не в состоянии эксперта; иногда это просто проигрывают пластинку с голосом «типовой жены» — сопрано или контральто, чьё–то рацпредложение). Но вот уже без подделки тебе показывают через стеклянную дверь, как она идёт безмолвная, горестно опустив голову, — да! твоя жена! по коридорам госбезопасности! ты погубил её своим упрямством! она уже арестована! (А её просто вызвали по повестке для какой–то пустячной процедуры, в уговоренную минуту пустили по коридору, но велели: головы не подымайте, иначе отсюда не выйдете!) — А то дают читать тебе её письмо, точно её почерком: я отказываюсь от тебя! после того мерзкого, что мне о тебе рассказали, ты мне не нужен! (А так как и жёны такие, и письма такие в нашей стране отчего ж

> невозможны, то остаётся тебе сверяться только с душой: такова ли и твоя жена?)
> От В. А. Корнеевой следователь Гольдман (1944) вымогал показания на других людей угрозами: «дом конфискуем, а твоих старух выкинем на улицу». Убеждённая и твёрдая в вере Корнеева нисколько не боялась за себя, она готова была страдать. Но угрозы Гольдмана были вполне реальны для наших законов, и она терзалась за близких. Когда к утру после ночи отвергнутых и изорванных протоколов Гольдман начинал писать какой–нибудь четвёртый вариант, где обвинялась только уже одна она, Корнеева подписывала с радостью и ощущением душевной победы. Уж простого человеческого инстинкта — оправдаться и отбиться от ложных обвинений — мы себе не уберегаем, где там! Мы рады, когда удаётся всю вину принять на себя»

Р. Грин «48 законов власти»:

> «Закон 14. ИГРАЙ РОЛЬ ДРУГА, ДЕЙСТВУЙ, КАК ШПИОН
> Хитрость в том, чтобы найти способ узнавать секреты и скрытые намерения так, чтобы люди об этом не подозревали. Это не так сложно, как может показаться. Дружелюбная маска позволит вам тайно собирать сведения и о друзьях, и о врагах. Пусть другие советуются с гороскопом и гадают на картах Таро — у вас есть более точные методы прорицать будущее. Самый распространенный метод шпионажа — использование других людей. Способ простой, действенный, но при этом рискованный: вы, несомненно, будете получать информацию, но у вас почти не будет контроля над людьми, которые на вас работают. Они могут оказаться недостаточно умелыми, чтобы скрыть, что шпионят, или даже начать действовать против вас. Гораздо лучше стать шпионом самому, изображая друга, но при этом незаметно собирая информацию»

Матфей 23:

> 24 Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!
> 25 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды.
> 26 Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.
> 27 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты;

> 28 так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.
> Матфей 18:6
> 6 а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.
> 7 Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.
> 8 Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный

Иоанн 8:43

> 43 Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего.
> 44 Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.
> 45 А как Я истину говорю, то не верите Мне.

Матфей 12:

> 31 Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам;
> 32 если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Век Дьявола. Ницше и крушение рационализма

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero